

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
КАФЕДРА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

На правах рукописи

МАХМАДОВ ДЖОВИДОН ШАРИФОВИЧ

**СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ИРРЕАЛЬНОСТИ В
ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Специальность: 10.02.19 - Теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук, и.о.
доцента, Насруддинов
Сирожиддин Мохадшарифович

Душанбе - 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Теоретические аспекты изучения категории ирреальности в таджикском и английском языках.....	16
1.1. История изучения категории ирреальности в разноструктурных языках.....	16
1.2. Ирреальность как универсальная функционально – семантическая категория в таджикском и английском языках.....	30
1.3. Способы выражения ирреальности в разноструктурных языках.....	38
Глава II. Лексические и грамматические средства выражения ирреальности в разноструктурных языках.....	46
2.1. Объективное поле модальности (реальная / ирреальная) в таджикском и английском языках	46
2.2. Вербальные выражения ирреальности в исследуемых языках	62
2.3.Разновидности побудительной семантики выражения ирреальности в таджикском и английском языках.....	101
2.4. Лексические средства выражения ирреальности в сопоставляемых языках.....	110
Заключение.....	131
Список использованной литературы.....	135

ВВЕДЕНИЕ

Проблема способов выражения ирреальности является одной из центральных задач изучаемых языков. Необходимо отметить, что одни учёные считают, какие бы отношения ирреальность не выражала в лингвистике, она имеет грамматическое или синтаксическое значения, есть мнение напротив, при проявлении пространственных отношений ирреальность всегда имеет лексическое значение. Некоторые исследователи утверждают, что ирреальность не существует в реальности и не имеет права на самостоятельное существование в действительности.

Выражение ирреальности является существенным предметом изучения в современной лингвистике.

Особенный интерес представляет структура организации её сопоставления во многих языках. Функциональный подход к проблемным вопросам лингвистики позволяет изучать различные языковые средства и его значения.

Актуальность темы. Вопрос о способах выражения ирреальности в сопоставляемых языках является одним из сложных в системе любого языка. Как известно, ирреальность может рассматриваться в самых различных способах и в самых сложных взаимоотношениях с модальностью. Это явление связано не только с лингвистикой, оно выходит за пределы области науки, но степень изучения показала, что грамматическое выражение ирреальности в разных языках до сих пор остаётся спорным. Эта категория тесно соприкасается с категориями мышления и экстралингвистическими факторами, в частности, с понятием референции, пресуппозиционными условиями и ситуацией речевого общения.

Категория ирреальности в системе любого языка, будучи не существующим явлением в реальном мире, свидетельствующим о действии или состоянии предмета или же лица, как многогранной лексической единицы, является предметом исследования, как в общелингвистическом, так и в лингвистическом плане.

Среди лингвистов нет единого мнения, определяющего категорию ирреальности. К тому же, в научной литературе до сегодняшнего дня не прекращаются дискуссии по поводу категории ирреальности. Некоторые учёные рассматривают категорию ирреальности как особый вид модальности или наоборот.

Привлекает внимание в аспекте проблематики нашего исследования «Словарь лингвистических терминов», где О.С. Ахманова разделяет модальность на следующие виды:

- модальность гипотетическая (hypothetical (suppositional) modality), представление содержания высказываемого как предположительного;
- модальность глагольная (verbal modality), модальность, выражаемая глаголом;
- модальность ирреальная (unreal modality), представление содержания высказывания как возможного, как невозможного, неосуществимого;
- модальность отрицательная (negative), представление содержания высказывания как несоответствующего действительности [154, 237-238].

Расхождения модальности в результате описания могут быть обусловлены тем, что применение модальности создаёт лишь ирреальность как модальное значение, но естественно, на наш взгляд, в каждом отдельном случае в лингвистике можно найти необходимую и недостаточную систему формы ирреальности, которая остаётся не ясным внутри модальности. Именно поэтому, мы считаем необходимым оговорить принимаемую точку зрения.

Категория ирреальности является независимой от других категорий, таких, как *модальность и реальность*. Мы будем исходить из категории ирреальности как не особого вида модальности, наша основная задача заключается в том, чтобы *раскрыть значение ирреальности в исследуемых языках* как единую категорию в соответствии с наиболее широким распространением способов её значения.

В связи с этим, сравнительная сопоставительная трактовка категории ирреальности таджикского и английского языков является актуальной задачей таджикской типологической науки.

Статьи А. Мамадназарова «Сложноподчинённые предложения с придаточными ирреальными условиями в английском и таджикском языках» [45, 41-42], «Особенности форм сослагательного наклонения в целевых придаточных предложениях в английском и таджикском языках» [44, 53-55], наиболее полно отражают вопросы рассматриваемой категории ирреальности таджикского языка в сопоставлении с английским.

Дискуссионность отдельных сторон категории ирреальности в лингвистике, недостаточная разработанность вопроса об основных признаках категории ирреальности в англистике, терминологическая запутанность в этой сфере таджикского глагола, а также отсутствие специальных работ, посвященных сравнительно-сопоставительной трактовке категории ирреальности таджикского и английского языков, **обосновывают актуальность темы** предлагаемой диссертационной работы.

Актуальность обусловлена также необходимостью комплексного анализа категории ирреальности в таджикском и английском языках в сопоставительно-типологическом аспекте, до настоящего времени не получившего полного системного описания.

Такое описание будет способствовать решению некоторых проблем перевода. В общем виде они уже обозначены в исследованиях компаративистов.

Степень изученности. В последние годы предпринимались попытки изложения основных проблем, связанных с исследованием способов выражения ирреальности в таджикском и английском языках.

Весомый вклад в таджикскую лингвистику внесли работы А. Мамадназарова «Таджикский конъюнктив в сопоставительно-типологическом освещении» [46], в английскую – М. Кофф «Система наклонения в современном английском языке» [82]. Для более полной характеристики рассматриваемого вопроса были изучены работы Ф.Ш. Солихова,

Ф. Носировой, Э.С. Исмоилзода, Б. Ниёзмухаммадова, М. Ибрагимовой, Б. Сиёева, М.Н. Касымовой, В.А. Плунгияна, Е.А. Григорьевой, Ш. Рустамова и др.

Исследователи, занимающиеся средством выражения ирреальности в таджикской и английской лингвистике, всегда интересовались формами наклонения глагола, типами условных предложений и модальными словами, которые являются средством выражения ирреальности в таджикской и английской лингвистике и достаточно изучены.

Публикации учёных и научные дискуссии увеличивают интерес к данной теме на современном этапе.

Для того, чтобы определить исследование, необходимо обратиться к истории изучения категории ирреальности в таджикской и английской лингвистике. В качестве примера приведём краткий обзор работ, посвященных исследованию.

На начальном этапе нас интересовало диссертационное исследование Ф. Носировой «Компоненты функционально-семантического поля модальности в таджикском и английском языках» [89]. Работа посвящена сопоставительному аспекту данной проблемы, в частности, анализу модальности таджикского и английского языков. Исследователь особое внимание уделяет различным средствам выражения модальности. Ею недостаточно разработаны те формы наклонения таджикского языка, которые выражают нереальные действия.

Принципиально новые решения проблемы даёт А. Мамадназаров в своей монографии «Таджикский конъюнктив в сопоставительно-типологическом освещении», где учёный последовательно исследует формы сослагательного наклонения в таджикском и английском языках. Он выявляет схождения и расхождения форм, структуру и семантику сослагательного наклонения, а также типы условных предложений, модальных слов в выражении реальности и ирреальности. Автор утверждает, что «формы сослагательного наклонения в таджикском языке используются для

выражения реального, нереального и потенциального условий. В английском языке реальное условие выражается только формами изъявительного наклонения, нереальное и потенциальное условия - формами сослагательного наклонения» [46, 62].

Данное исследование содержит достаточно материала о сослагательном наклонении в таджикском и английском языках, но вопросы, связанные с предположительным наклонением, как одного из средств выражения ирреальности в таджикском языке, проблемы ирреальности, как универсальной функционально-семантической категории, лексические и грамматические средства выражения ирреальности в таджикском и английском языках остались вне исследования учёного.

Вопросы функционально-семантического поля модальности предположения и способы его выражения в таджикском и английском языках нашли отражение в работе Ф.Ш. Солихова «Функционально-семантическое поле модальности, предположения и способы его выражения в разносистемных языках» [95]. Исследователь также анализирует конъюнктив, выражение реальности/ирреальности. Автор отмечает, что «поле недействительности более всего представлено в художественной литературе, в родном фольклоре, устной речи, и оно обладает более сложной структурой. Это поле представлено такими факторами языка, как ирреальность, побуждение, предположение» [95, 58].

На наш взгляд, ирреальность соответствует в художественной литературе народному фольклору, в том случае, если образы которых отсутствуют в реальном мире, имеют свойства отражаться в устной речи.

Ф.Ш. Солихов представляет ирреальность, прежде всего, как фактор языка. К сожалению, он не ответил на вопросы, что такое ирреальность, что выражает эта категория или что определяет и т. д. Эти вопросы остаются в его работе не развернутыми.

Специальные исследования по изучению выражения ирреальности, различных глагольных форм русского и английского и других языков,

близких таджикскому, представляют немаловажный интерес для исследования способов выражения ирреальности.

Проблема выражения ирреальности в таджикском и английском языках остаётся недостаточно разработанной. Она была объектом исследования российского учёного Анны Дубровой, которая защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Система средств выражения нереальности в современном английском языке» [77].

В данном исследовании можно найти необходимый материал при изучении систем средств выражения нереальности в современном английском языке. Учёный определила место микрополя нереальности; установила иерархическую организацию его конститuentов; выявила взаимоотношения семантики средств выражения нереальности с семантикой контекста; выяснила контекстные условия, типичные или обязательные для функционирования средств выражения нереальности и релевантные для актуализации их, разнообразные значения.

«Подходя к анализу со стороны семантики, мы обнаруживаем разные степени нереальности, которые не обязательно соответствуют использованию перфектных и не перфектных форм. Можно выделить три степени:

1) самую высшую степень, которая означает, что действие интерпретируется говорящим как полностью несоответствующее действительности (условно называем ее первой степенью).

2) степень нереальности представляет действие как воображаемое, однако полностью неосуществимым оно не является.

3) самая низкая степень нереальности характеризует действие как осуществимое, хотя и маловероятное» [77, 8-7].

Исследователь видит проблему отличия реальности от ирреальности в том, что в реальности в такие понятия, как баба яга, русалка или леший никто не верит, но соответствующие этим понятиям слова все же существуют.

Английский исследователь А. Вalezio в своей статье рассматривает «Реальность и нереальность языка». Автор разменивает нереальность в реальность. Здесь одна проблема подменяется совершенно другой, не имеющей никакого отношения к реальности языка. И когда А. Вalezio рассуждает о том, какие типы «нереальных представлений» встречаются у Плавта, Данте, Шекспира и Флобера, то это, хотя и поучительно в культурно-историческом плане, но тоже не имеет никакого отношения к реальным истокам языка [119, 75-91]. Если поставить вопрос, какими языковыми средствами передаются «нереальные понятия» у великих писателей или учёных, то ставить под сомнение действительную связь языка с жизнью.

Таким образом, приведённый краткий обзор по исследованию предназначен для глубокого ознакомления с целым рядом ирреальных проблем, которые все ещё не нашли своего окончательного решения.

В английском языке во всех соответствующих источниках ирреальность переводится как **not-real, unreal, existing in the imagination only**. В толковом таджикском словаре значение ирреальности определяется как «**ғайривоқеӣ, ба вуқӯӣ наомада, воқеӣ нагашта, аз воқеият дур, ба вуқӯӣ наоянда**» [161, 367].

Значение ирреальности в разноструктурных языках нашло свое определение в «Толковом словаре таджикского языка», «Оксфордском толковом словаре английского языка», «Русском семантическом словаре», «Электронном словаре ABBYY Lingvo x5», «Hornby, A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary».

Изучению категории ирреальности английского и таджикского языков посвящены исследования В. Вартбург, П. Цумтор, Дамурет и Пишон, Г. Стен, М.С. Гурычевой, В.Г. Гак и Е.Б. Ройзенблит. Ирреалии с модальностью связывают следующие авторы: У. Фоли, Р. Ван Валин, Дж. Робертс, С. Флейшман, Т. Гивон, в таджикском языке: Б. Ниёзмухаммадов, Н. Маъсуми, Ш. Рустамов, Ф. Зикриёев, В.С. Расторгуева, А.З. Розенфельд, М. Ибрагимова, А. Халилов, К. Усманов и многие др.

Теоретический обзор литературы позволяет выделить перспективное направление разработки способов выражения ирреальности в таджикском и английском языках. Собственные наблюдения и специальные исследования являются актуальным и важным в современной лингвистике.

Итак, способы выражения ирреальности в таджикском и английском языкознании представляют научно-практический интерес.

Опираясь на краткие сведения вышеупомянутых научно-методических работ, в той или иной мере исследовавших способы выражения ирреальности, а также на собственные теоретические поиски, мы пришли к выводу, что некоторые пути средств выражения ирреальности в таджикском и английском языках еще не изучены. Наше исследование, несомненно, может пролить свет в некоторые аспекты изучения способов выражения ирреальности в сопоставляемых языках.

Целью нашего исследования, таким образом, являются анализ и изучение синтаксических, грамматических и лексических способов выражения ирреальности с модальными глаголами и выявление общих и отличительных особенностей наклонения глаголов в таджикском и английском языках. В соответствии с поставленной целью, определены основные задачи научного исследования:

- осуществить функционально-семантическую классификацию ирреальности в сопоставляемых языках;
- выявить сходство выражения нереальности морфологическими средствами;
- рассмотреть структурный, семантический и функциональный характеры типов условных предложений, определив их первичные и вторичные функции;
- исследовать семантику, функции и свойства способов выражения ирреальности в сопоставляемых языках.

Объектом исследования явились способы выражения ирреальности в таджикском и английском языках.

Предметом исследования являются грамматическая, семантическая, лексическая структурная и типологическая характеристики частей речи (наклонение, модальные глаголы, частицы, союзы, неопределенные местоимения и т.д.) при выражении способов ирреальности в рассматриваемых языках.

Методы исследования. В процессе исследования способов выражения ирреальности в таджикском и английском языках в работе использован целый ряд методов и приемов анализа современного языкознания. Самым эффективным из них являются сопоставительный и описательный.

Следует отметить, что традиционные методы также нашли определённое место в работе, как формальный, трансформационный, комплексный и этимологический.

Материалы исследования. В качестве иллюстративного материала использованы примеры из художественных произведений английской и таджикской литературы: С. Айни, Т. Раджаб, Ф. Мухаммадиева, Дж. Икромии, А. Шукухи, Л. Толстого, Р. Абрахамс, Э.Л. Войнич, М. Карим, М. Твен, Р. Стивенсон, Ш. Бронте, Дж. Лондон, П. Лукницкого, С.Ф. Стар, А. Айзек, Г. Артура и др.

Прямые переводы как с английского языка на таджикский, так и наоборот почти отсутствуют. В данной диссертационной работе большинство примеров собраны из художественных произведений, переведенных на русский язык. Ряд таких примеров мы откорректировали в силу неадекватности переводов. Часть фактического материала переведена нами и специалистами, знающими русский, английский и таджикский языки; эти переводы проверены информантами. Они даются в настоящем исследовании без указания на источник.

Теоретической базой диссертационного исследования явились научные труды известных учёных М.Е. Бархударова, А. Блока, М. Джужа, В.С. Расторгуевой, К. Усманова, Ф.Х., Носировой, С. Арзуманова, А.З. Розенфельда, М.Н. Касымовой, Д. Филлот, В.В. Виноградова, С.И. Баевского,

Р.Ф. Палмера, В.Ю. Гусева, Г.Н. Лиш, Ш. Рустамова, Б. Ниёзмухаммадова, М.Ф. Исматулоева, Зикриёева, Ю. Саидова, А. Халилова, М. Ибрагимовой, А. Мамадназарова, А.К. Оглоблина, Т. Гивон, Б.А. Ильиш, А. Валезио, Суит, Эмерсон, Дейчбейн, Поутсма, Уайт, Есперсен Брайант, И. Смирницкого, З.К. Долгополова, Е.М. Кофф., А.В. Бондарко, Г.А. Золотовой, У. Фоли, Р.В. Валина, Д.А. Саломовой, Н.И. Черенковой, Ю.А. Ландера, В.А. Плунгияна, В.Г. Гака, И.В. Арнольда, Ш. Балли и др.

Научная новизна диссертации определяется постановкой и решением вышеуказанных задач. Конкретные элементы новизны заключаются в том, что в работе:

- предлагаются новые подходы изучения средств выражения ирреальности на основе сопоставительного анализа использования этой категории в таджикском и английском языках;
- выясняются некоторые сущностные аспекты ирреальности и факторы её порождения;
- выявляются способы значения ирреальности, характеризующие формы вербальных значений;
- находятся дополнительные аргументы для выделения двух омонимичных средств ирреальности в таджикском языке;
- указываются ранее неизвестные способы формализации ирреальности в таджикском языке;
- проводится детальный анализ лексических средств выражения ирреальности в английском и таджикском языках;
- устанавливаются таджикско-английские соответствия и несоответствия в плане способов выражения ирреальности в обоих языках.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Способы выражения ирреальности организуют строгую систему формы модальных глаголов, сослагательного наклонения и предположительного наклонения на основе тех отношений, которые

выявляются между компонентами, составляющими его значение в сопоставляемых языках. Микрополе нереальности осуществляется по характеру модального значения. Одним из основных микрополей выражения ирреальности в языке является предположение, связанное с временным планом высказывания, но не полностью от него зависящее. Как самостоятельная категориальная единица-ирреальность в языке служит наличием разноуровневых средств - синтаксических, лексических, морфологических и других, которые характеризуют общность, а также степень взаимодействия их семантических функций.

2. Языковые средства выражения ирреальности трактуются как единая семантическая сфера или микрополе в составе модальности, включающее разнообразные средства особого функционально-семантического микрополя, следовательно, необходимо рассматривать их именно в рамках этого поля.

3. Следует также подчеркнуть, что ирреальность в сопоставляемых языках находит свое выражение в самых различных способах: грамматических, синтаксических и имеет также лексическое значение.

4. В таджикском и английском языках значение ирреальности складывается на основе понятий невероятности отдельного события и относительности условия его проявления. При этом, некоторые вышеназванные лексико-грамматические средства выражения ирреальности сочетаются со специальными модальными глаголами, связанными с грамматической структурой. Ведущим средством выражения значения ирреальности является наклонение, представляющее собой модальные значения наиболее общего плана.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что её результаты внесут определённый вклад в грамматический анализ способов выражения ирреальности и выявят особенности её употребления в рассматриваемых языках.

Представленный анализ функциональных аспектов и семантическая классификация ирреальности позволяет более четко разграничить их в

сопоставляемых языках от других процессуальных слов. В работе дано более конкретное понятие „ирреальности”.

Для современного таджикского и английского языков исследования способов выражения ирреальности представляет особую значимость. Само значение ирреальности часто предопределяет синтаксические условия её употребления и, более того, может изменить тип семантической структуры высказывания. Изучение способов выражения ирреальности в таджикском и английском языках представляет собой проблемы детального научного исследования.

Она имеет следующие научные значения:

- открывает путь к будущим научным исследованиям по данному вопросу;
- выводы могут быть полезны как ценная научная информация;
- полученные результаты внесут неоценимый вклад в область филологической науки.

Научно-практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы в процессе обучения таджикскому и английскому языкам в средних общеобразовательных школах и вузах Республики Таджикистан, а также окажут определённую помощь в процессе чтения лекций по сравнительной типологии, в изучении контрастивной лингвистики этих языков.

Личный вклад. Основные результаты получены автором самостоятельно. Постановки задач и некоторые идеи по теме диссертации принадлежат научному руководителю. Личный вклад автора состоит в разработке экспериментальных и теоретических методов и их решения, в обработке, анализе, обобщении полученных результатов и формулировке выводов.

Апробация работы. Результаты, полученные в рамках выполнения диссертации, представлялись и обсуждались на следующих республиканских научно-теоретических конференциях: «Вода для устойчивого развития, 2018-

2028 г.», «Год развития туризма и народных ремесел», «140-ая годовщина со дня рождения Героя Таджикистана Садриддина Айни», «70-я годовщина со дня создания ТНУ» (Душанбе, ТНУ, 2018 г.); «Актуальные проблемы социолингвистической и межкультурной коммуникации», посвящённой году развития туризма и народных ремёсел (Душанбе, ТНУ, 2018 г.).

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры иностранных языков Академии наук Республики Таджикистан (протокол № 6 от 08.05. 2019 г.).

Основные положения и выводы диссертационного исследования отражены в 7 статьях, 5 из которых опубликованы в научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии, списка использованной литературы.

Объём диссертации 150 страниц компьютерного набора.

ГЛАВА I.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ
ИРРЕАЛЬНОСТИ В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ1.1. История изучения категории ирреальности в разноструктурных
языках

В грамматической типологии сопоставляемых языков проблема изучения категории ирреальности является одной из самых сложных и спорных вопросов.

В разноструктурных языках категория *«ирреальность»* не имеет общепринятого значения, а те учёные, которые вносят его в свои исследования, дают различные результаты в каждом из языков. «Более того, некоторые исследователи склонны вовсе отрицать универсально-типологическую значимость этого понятия» [174, 331]. Связано оно с тем, что ситуация ирреального значения внутри модальных глаголов имеет сложный характер с точки зрения выражения и содержания.

Существование абстрактных форм мышления определяется их материализованной природой в языковой плоти, выступающей в качестве презентации в человеческом обществе. «Об ирреалисе говорят и в тех случаях, когда никакая особая грамматическая категория не может быть выделена. Пользуясь понятием ирреалиса, многие авторы имеют ввиду просто определенную семантику, связанную с идеей «непринадлежности к реальному миру» [174, 335].

Само значение ирреальности часто предопределяет синтаксические условия их употребления и более того, может изменять тип семантической структуры высказывания.

Понятие *«ирреальность»*, закрепленное морфологически в формах глагола, является конститuantом понятий, выражает различные модальные значения: предположение, условность, побуждение и др.

По мнению В.В. Виноградова, «категория наклонения – это грамматическая категория в системе глагола, определяющая модальность действия, т.е. обозначающая отношения действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом» [18, 581]. Соответственно, ирреальными считаются все воображаемые, вымышленные, надуманные ситуации, которые изменяют свое отношение к грамматическому значению и имеют обобщенный временной характер.

Языковеды дают разные определения категориям ирреальности и модальности:

- в таджикском и английском языках имеются несколько «равноправных» глагольных показателей с ирреальным значением, такие, как: *будан, шудан, медид, равӣ, рафта боиӣ, мерафтӣ, хонда бошад, мехонда бошад* и т.д.; в английском языке модальные глаголы: "*can*", "*may*", "*must*", "*should*", "*ought*", "*shall*", "*would*", "*need*", "*to be*", "*will*" и "*dare*" и др.

- в сопоставляемых языках категория ирреальности представляет собой общий семантический компонент ситуаций, конструктивное объединение разноуровневых языковых единиц. Значение ирреальности, в преобладающем большинстве случаев, находит свое выражение в разноуровневых единицах языков, не принадлежащих реальному миру и обозначается словом „ирреальность”;

- в таджикском и английском языках модальные глаголы *шояд* и *may* являются служебными, имеют лишь модальные значения, выражают различные оттенки говорящего, иногда в переводе синонимичны. В сопоставляемых языках модальные глаголы *boisman, must, should, need, ought, to have* и *to be* по своему семантическому значению являются многозначными и выражают возможность, вероятность, необходимость и т.д.;

- грамматические формы глагольных конструкций с модальными глаголами в виде значения форм «сослагательного наклонения таджикского языка, условного наклонения и субъюнктив английского языка не вполне ”накладываются” друг на друга» [46, 163].

- «в английском языке глагольные формы, выражающие нереальность, принадлежат к одному наклонению и распределяются по принципу дополнительной дистрибуции» [98, 18].

В современном таджикском языке и в других языках иранской группы вопрос о выделении в особую систему морфологических средств, выражающих нереальность действия, до сих пор не ставился. Тем не менее, понятие «*нереальность*» используется в связи с анализом типов условных предложений, где доказывается наличие условного периода нереального типа. В.С. Расторгуева, в качестве показателей такого сложного предложения, приводит личные формы типа «**медид**» [Расторгуева, 1954].

Следует подчеркнуть, что форма типа «**медид**» в ряде источников трактуется как форма длительного прошедшего времени изъявительного наклонения таджикского языка, она способна также выражать нереальность действия [Косимова, 1961; Керимова, 1964; Ибрагимова, 1971].

Русский исследователь Л.П. Смирнова пишет, что: «Особенностью языка прозы рассматриваемого периода является совмещение в ряде форм, образованных от основы презенса и от основы прошедшего времени, изъявительных и не изъявительных значений. К таким относятся формы *кунад* и *бикунад*. Сослагательное наклонение имеет формы настоящего-будущего ирреального *кунад-е* и прошедшего предположительного *карде бошад*» [94, 35].

Следует также подчеркнуть, что в книге под редакцией В.С. Расторгуевой «Основы иранского языкознания. Новоиранские языки» [55] отмечается «архаичное желательное наклонение не имело полной парадигмы. Оно отмечено преимущественно в 3-м лице единственного и очень редко – множественного числа: *кунад* ‘да сделает!’, ‘пусть сделает’, *кунанд* ‘пусть сделают!’, ‘да сделают!’, или с префиксом *би-*: *бикунад*, *бикунанд*... Желательное наклонение используется почти исключительно в формулах пожелания» [55, 167].

Следует добавить, что среди других глагольных форм Т.М. Маркина обращает внимание на форму типа **мекард**, которая встречается при обозначении длительности действия или состояния в прошлом, ирреальности и желательности действия [86, 5].

Исследование Т.К. Рушева посвящено одному из главных компонентов сослагательного наклонения, а именно – условному наклонению. Исследуя развитие форм условного наклонения от древнеанглийского периода до настоящего времени, автор опровергает распространенное мнение о том, что условное наклонение употребляется только в главном предложении нереального условного или условно – уступительного периода и в простых предложениях с подразумевавшимся условием. Условное наклонение может употребляться также и в главных предложениях при различных придаточных определительных, придаточных подлежащих и т.д. [91, 12-15].

Многие авторы вообще не дают определения значению ирреальности. В различных трудах одного и того же автора определение *ирреальности* часто остаётся не постоянным.

В своей основе ирреальное глагольное значение распространилось, прежде всего, в широком смысле. Сопоставительно-типологический анализ форм сослагательного и предположительного наклонения при различных способах выражения ирреальности в сочетании с лексическими и синтаксическими средствами, иногда становятся спорными.

С. Арзуманов и С. Нестеренко пишут: «Для образования условного наклонения в прошедшем времени мы употребляем... как в главном, так и придаточном, форму прошедшего несовершенного или многократного вида прошедшего времени глагола с союзом **агар** в придаточном предложении. **Агар ман медонистам, меомадам**» [1, 149].

В учебнике по грамматике таджикского языка для вузов (1973), на с. 279 в разделе «Сифаи шартӣ-хоҳишмандӣ», кроме четырех форм (**равам, рафта бошам, мерафта бошам, рафта истода бошам**) данного наклонения, мы находим форму прошедшего длительного времени (**мешунидам**) без

указания на то, что эта форма является формой длительного времени изъявительного наклонения [27, 279].

Из этих источников следует, что проще всего «нереальное условие может быть заключено практически в любом члене предложения: подлежащем, сказуемом, дополнении, определении, обстоятельствах места, времени, условия» [77, 18]. Прежде всего, надо установить, что понятие ирреальность всегда отражает грамматическое значение недействительности и не является точной.

Б. Ниёзмухаммадов, Л. Бузургзода также относят эту форму к условному наклонению. «Условное наклонение образуется путем прибавления к основам глагола личных окончаний. В этом наклонении 2 л. ед. числа также принимает окончание **й**: **равӣ, рафта боӣ, мерафтӣ**» [13, 84].

Отсюда следует отметить, что если ограничиться совпадением с содержанием ирреальности, можно удовлетворительно определить условное наклонение значения. Необходимо рассмотреть грамматическое ирреальное значение во всех его нереальных связях.

Анализ материала показывает, что синтаксическое применение форм ирреального глагольного значения при сравнении содержания текста в исследуемых языках, необходимо учитывать, прежде всего, общее значение способов выражения ирреальности, которые могут быть переданы различными средствами: грамматическими и синтаксическими, затем возможны синтаксические построения на языке перевода и его связь с лексическим составом.

Исследуя формы прошедшего длительного времени таджикского языка, В.С. Расторгуева и А.А. Керимова пишут: «В некоторых случаях при особых типах построения предложения или при наличии соответствующих модальных слов и частиц, эта форма может получать некоторые модальные оттенки, не характерные для изъявительного наклонения. Так, оно часто используется для выражения ирреального прошедшего действия, т. е.

действия, которое могло бы осуществиться, но фактически не совершилось» [56, 51].

Диссертационная работа Э.Д. Агеева посвящена сослагательному I. Автор исследует процесс развития форм настоящего времени сослагательного наклонения от древнеанглийского периода до современного английского языка, в результате которого они перестали быть временными формами одного наклонения и стали формами двух различных наклонений. Далее автор подчеркивает, что в современном английском языке из-за широкого распространения синонимов, сослагательное I приводит к его вытеснению из языка. Однако сослагательное прочно вошло в язык в застывших выражениях – фразеологических сочетаниях и единствах [72, 13].

Изучение категории ирреальности и способов её выражения тесно связаны со многими проблемами. Эти проблемы предикативности, логического суждения, смысловой структуры предложения, наклонений, модальных глаголов, модальных слов, частиц, отличия от эмоциональности и их возможных пересечений. Эти вопросы, как в плане синхронии, так и в плане диахронии, особенно в таджикском и английском языках, продолжают оставаться неясными и дискуссионными, потому в современной таджикской и английской литературе категория ирреальности в полной мере еще не подвергалась специальному анализу и исследованию, хотя в существующей научной и учебной литературе имеются отдельные суждения [40, 9-23; 44, 53-55; 45, 41-42; 46, 148-164; 77, 24; 88, 24; 92, 26; 101, 257-271].

Действия, как функциональной зависимости, так и категорий, создают определенные схематичные модели словосложения, которые, наполняясь семантическим содержанием каждого конкретного наполнителя, постепенно расширяются, и с течением времени модифицируются.

Исследуя условные придаточные предложения, М.Н. Касимова пишет: «Для выражения реального условия в таджикском языке наиболее характерными глагольными формами являются формы сослагательного наклонения. Ирреальное условие выражает то, что действие главного

предложения является невозможным и неосуществимым, в таджикском языке более характерной и употребительной формой является форма прошедшего длительного времени изъявительного наклонения» [80, 5].

При исследовании ирреальное условие выражает то действие главного предложения, где в центре внимания оказывается исключительно глагольное значение. Согласно установившейся точке зрения лингвистов, исключительно ирреальности приписывается свойство, в связи с которым глагол считается единственной частью речи, способной открывать определенное число связанных с ним позиций для заполнения их.

Английский исследователь Д. Филлот пишет: «В персидском языке имеется три вида условных периода: нереальный; возможный; проблематичный.... длительная форма взаимозаменяема с формой прошедшего несовершенного времени (типа **mikard**) без каких-либо изменений значений» [116, 545].

Обзор теоретической литературы показал, что почти всеми исследователями в той или иной степени отмечена близость образования ирреальных форм и в их семантике. Мы придерживаемся точки зрения четкого разграничения понятий ирреальности и модальности. Модальность в нашем понимании есть категория логическая. Этот признак многими исследователями считается основным для данных форм, поскольку именно он отражен и в их названии.

Диссертационная работа М. Ибрагимовой «Модальные слова и модальные частицы в таджикском и русском языках» [78] посвящена одной из проблем сопоставительной грамматики русского и таджикского языков – исследованию способов выражения модальности. На основании исследуемого языкового материала, автор работы предлагает следующее деление модальных слов:

1. Выражающие *уверенность, утверждение действительности*:

албатта, ростӣ, ба ростӣ, ҳақиқатан, дар ҳақиқат, воқеан, дар воқеъ, зотан, табиӣ.

2. Выражающие *неуверенность, предположение, возможность, сомнение*: бояд, мебоист, шояд, зоҳиран, ҳамоно, мумкин, эҳтимол, аз афти кор.

3. Выражающие *вежливое обращение, просьбу*: марҳамат, марҳамат карда, илтифоте кунед, лутфан хоҳишмандам, бифармояд.

Несмотря на сравнительно-методический характер, работа вносит определенный вклад в исследование о семантической классификации ирреальности в таджикском языкознании. Итак, изменение структуры второй группы модальных слов, произведенных М. Ибрагимовой, почти становятся тождественными с функциями таких модальных слов, как «*бояд, мебоист, шояд, зоҳиран, ҳамоно, мумкин, эҳтимол, аз афти кор*», также как и категория ирреальности.

М. Ибрагимова приходит к выводу о том, что к модальным словам можно отнести лишь сравнительно небольшую группу лексем, устойчиво употребляющихся в качестве вводных слов и утративших связь с теми частями речи, к которым они принадлежали по происхождению. Далее, исследователь анализирует состав модальных частиц:

- а) соотносимые с наречиями (*канӣ, низ, боз, фақат, танҳо*);
- б) именного происхождения (*ҳамту, ҳамин тавр, хайр, майлаш, хуб, хӯш, дуруст, охир*);
- в) соотносительные с глагольными формами (*мон, монед, биё, биёед, бигзор, мабодо, наҳод, рафту, раваду, гӯё*);
- г) соотносимые с местоимениями (*чӣ, худ, як*);
- д) соотносимые с союзами (*ки, магар, ҳатто, балки, қошкӣ*).

Каждая из таких разделов исследователей соотносима с качественно-количественными оценками ирреальности, и потому носит либо частично заменяемый, либо вообще не заменяемый характер ирреальности.

С помощью глаголов, говорящий показывает, что то или иное действие может иметь возможность или невозможность произойти, или расширенный характер. Также вопросам глагола в таджикском языке, модальным значениям некоторых форм глаголов «будан», «шудан» и модальным словам

лозим, мумкин, даркор, мушкил, душвор было посвящено исследование А.З. Розенфельд [57, 51].

В.В. Виноградов отмечает, что «модальность не только характеристика реальности и нереальности, но и отношение говорящего к высказываемому» [17, 51].

Исследования В.С. Расторгуевой и А. Керимовой, пролили свет на проблему способов выражения модальности, а именно грамматического способа - наклонения. В.С. Расторгуева предлагает «детальное описание системы таджикского глагола и отличает основные модальные значения, выражаемые формами наклонения» [56, 166].

Многие языковеды, такие как: Ш. Рустамова, А. Халилова, Б. Ниёзмухаммадова, Ф. Зикриёевой, М. Ибрагимовой, М.Н. Касымовой, А. Мамадназарова, В.С.Расторгуевой, Ф.Ш. Солихова и другие в своих трудах разработали средства и способы выражения нереального действия и модальности, что характеризует их вклад своими особенностями.

Общая функциональная смысловая категория ирреальности в глагольной системе образуется в силу действия функциональной морфологической зависимости. Между собой такие центры стягиваются на основе открытых категорий, где ирреальность сочетается с глагольной единицей на основе взаимодействия различных категорий, часть из которых повторяется.

Байби считает, что термин *«ирреальность»* вообще не имеет универсального содержания и описывает структуру семантического поля модальности. В своей статье 'Irrealis as a Grammatical Category', Байби выделяет четыре понятийных центра, вокруг которых группируются все модальные значения. Он предлагает следующую классификацию:

1. Область агентивных модальных значений (agent - oriented modality). Этот тип модальных значений характеризует агенса в отношении к совершению описываемого предикатом действия.

2.Функциональную область речевых актов, которые выражают долженствование или разрешение: локутивные модальные значения (**speaker – oriented modality**). Граммема императива, сигнализирующая о том, что высказывание является указанием к действию или приказом – один из самых распространенных примеров этого типа модальных значений. Этот тип значений выражается, по преимуществу, морфологически (в рамках обязательных грамматических значений) и в соответствии с этим именуется термином „наклонение”.

3.Область эпистемических значений: эпистемическая модальность выражает степень уверенности говорящего в истинности утверждаемого факта.

4.Область подчиненных пропозиций (subordinate propositions) зависимые наклонения (subordinating moods) обычно обнаруживают синхронную или диахроническую связь с первыми тремя зонами [101, 258].

Т. Гивон также считает, что категория реальности ситуации тесно связана с модальностью. Однако в его трактовке семантическое поле модальности имеет несколько иную структуру. Он даёт ирреальности следующее определение: «Ирреальное утверждение: Пропозиция подвергается ассерции в слабой степени как возможная, вероятная или же такая, реализация которой находится под сомнением (эпистемическая модальность), либо как необходимая, желаемая или же нежелаемая (оценочная, или деонтическая, модальность)» [106, 266].

«В английском языке глагольные формы, выражающие нереальность, принадлежат к одному наклонению и распределяются по принципу дополнительной дистрибуции» [92, 18].

Те авторы, которые используют её в лингвистических работах, не являются ярко выраженными, они придерживаются самых разных взглядов. Само же сочетание словарной ирреальности происходит из разной нереальности, и в любом из её грамматических проявлений, служит целью более глубокого и всестороннего раскрытия явлений объективного мира,

воспринимаемых людьми в их пространственно временных связях и ограничениях.

Одним из способов выражения ирреальности в разноструктурных языках являются модальные глаголы, наречия, косвенные наклонения, придаточные предложения, сложносочинённые и сложноподчинённые предложения. Все формы выражения ирреальности в предложениях проблематичности встречаются, главным образом, в придаточных предложениях. Их смысловое употребление в зависимости от того, поскольку она может иметь как положительный, так и отрицательный выход, объяснимо появлением самой формы высказывания.

Что касается таджикского и английского языков, выражение ирреальности в них связано с категорией, наклонением, модальностью.

Ирреальными оказываются лишь показатели степени вероятности происшествия, не имевшие места в реальном мире, а только прогнозируемые в будущем времени. Но в таджикском и английском языках есть такие слова, которые используются в определенной ситуации, например (*bad-бад-плохой, good-хуб-хороший, low-наст-низкий, high-баланд-высокий*) и не отвечают требованиям ирреальности.

Вопрос о сослагательном наклонении в своей последней книге Б.А. Ильиш трактует следующим образом: "В выборе между идентичностью формы и отличием значения желательно не выделять омонимов, а считать данный сдвиг грамматического значения особым употреблением формы в определенном окружении". Автор анализирует категорию наклонения в двух планах - с точки зрения значения и с точки зрения способов выражения. Включая и значения побуждения, он выявляет четыре основных значения: «побуждения, возможности, нереального условия и следствия нереального условия» [109,102-103]. Б.А. Ильиш рассматривает модели употребления форм, но не предлагает никакой определенной классификации их сослагательного наклонения

Следует отметить, что в английском языке недостаточное внимание уделяется к модальным глаголам как среди зарубежных, так и английских лингвистов. Но заслуживают внимания отдельные учёные, которые внесли значительный вклад в этой области, такие как: Эмерсон, Е.М. Кофф, Уайт Б.А. Ильиш, Эллиот, Есперсен Брайант, В. Стренч, Ю. Хакутани, Г.А. Дейчбейн, А.И. Смирницкий, Т.Н. Дренясова, Л.С. Ермолаева, В.Д. Аракин, З.К. Долгополова и т.д. Другие учёные интересовались проблемой исторического происхождения форм данных глаголов; Брайант, Е.М. Гордон, Суит найдя их значения, т.е. грамматической функцией; Дейчбейн, И.М. Вайсбейн, Г.А. Вейхман, Поутсма посвящают подробные исследования, связанных с грамматическими особенностями модальных глаголов. Исследования упомянутых учёных содержат достаточно много материала о модальных глаголах.

Е.М. Кофф в своей работе «Система наклонения в современном английском языке» [82] анализирует формы сослагательного наклонения, исходя из их значений и классифицирует их на: сослагательное наклонение неуверенности *be call; should /для всех лиц/ +infinitive*, сослагательное наклонение нереальности - *were, write; had been*, условное наклонение *should Avould/+ infinitive*.

Причем, по степени нереальности, сослагательное наклонение «нереальность» и «условное наклонение» подразделяются еще на 1 и 2 степени нереальности. Автор признает омонимичность форм изъявительного и сослагательного наклонений [82, 9- 10].

Таким образом, вопрос о сопоставительном изучении соотношения и выражения ирреальности в таджикском и английском языках, а также их категорий, в последние годы вызывает все больший интерес специалистов данной области языкознания.

Ситуация, связанная выражением ирреальности внутри модальных глаголов представляет сложный и мало изученный процесс, но сохраняет в себе новые потенциальные возможности.

«В качестве ирреальных могут быть маркированы те значения, которые большинство лингвистов не относят к зоне модальности» [40, 42]. Грамматическое значение ирреальности, как и всякое грамматическое значение, имеет определенные внешние выразители или формальные показатели. Если бы оно не имело таких внешних выразителей, оно бы не было значением, т.е. языковым явлением.

По мнению Названовой И.А.: «Семантические компоненты концепта «ирреальность» представлены следующим образом: предметная номинация - чудесные предметы живой и неживой природы; номинация действий - чудесные действия; номинация признаков - чудесные качества и свойства предметов. Такое деление достаточно условно, поскольку многие чудесные действия в сказке совершаются с помощью чудесных предметов, чудесные существа являются носителями чудесных действий, или же сами становятся чудесными с помощью чудесных предметов» [88, 18]. Семантические компоненты концепта «ирреальность», с точки зрения характера содержания, связываются друг с другом и могут выражать различные значения нереальности.

Эллиот последовательно рассматривает типичные контексты появления ирреальных форм. Когда речь идёт о модальных словах, необходимо решить проблемы категории ирреальности, которые связаны с модальностью, и именно в этом месте своей работы. Эллиот пишет о статусе категории реальности ситуации как отдельной грамматической категории: «Модальность отражает различные отношения говорящего к заданному факту, как, например, вероятность или необходимость (эпидемическая модальность), намерение, желание, разрешение, обязательность или внутренняя возможность (деонтическая модальность). Однако это отношение не всегда подразумевает, что описываемое событие принадлежит к реальному миру» [104, 43].

Значительное большинство отечественных авторов работ, касающихся наклонения, модальных глаголов, средств выражения эмфазы или эмоций,

модального употребления времен, а также разных вопросов синтаксиса, считают своим долгом дать определение ирреальности, причем остаётся до сих пор неясным, какого рода категория определяется в таких случаях, логическая или грамматическая, а если последняя, то что это за категория?

1.2. Ирреальность как универсальная функционально-семантическая категория в таджикском и английском языках

Изучение ирреальности как универсальной функционально-семантической категории в таджикском и английском языках представляет большой теоретический и практический интерес.

На путь отождествления предложения и суждения толкает грамматиста, прежде всего, ирреальность действительности, то есть соотносительность, и что такую соотносительность легко принять за тождество предложения и суждения вообще.

«В предложении способ существования связи явлений объективной действительности, обозначенных в нем подлежащим и сказуемым, получает языковое выражение и выступает как логико-грамматическое явление, присущее предложению в целом, как его категория. Данной категории можно присвоить термин «модальность», исходя как из этимологии термина, так и из того, что ведущим средством выражения значений этой категории являются наклонения» [98, 10]. Способам выражения ирреальности присущи категории модальности и наклонения, которые требуют отношения действия к проявлению отдельных глаголов или грамматических явлений к недействительности.

«Специфика вербализации ирреальности обусловлена субъективностью, присущей говорящему лицу, в интерпретации явлений окружающей действительности, что представляет несомненный интерес для лингвистики. Для выявления специфики языковой реализации ирреальности необходимо выяснение характера восприятия и интерпретации причинно-следственных связей тех явлений, детерминация которых, как известно, варьируется в каждом языковом коллективе, на каждом этапе развития общества и зависит от характера его самосознания» [88, 4]. Из сказанного следует отметить, что ирреальность это вовсе не какой-либо незаконченный или не существующий взгляд. В самом деле, если попытаться выделить то основное, что присуще

концепциям лингвистов, причисляющих себя к науке, изучающей способы выражения ирреальности, то станет очевидным, что формы глагола, выражающие нереальность, противопоставляются по употреблению в типах предложений: «синтетическая форма почти целиком применяется в придаточных условных или им подобных предложениях, аналитическая же форма почти всегда встречается в отличных от них синтаксических структурах», в процессе порождения языковых единиц [92, 20-21].

Элементарные положения, о которых говорилось выше, а также некоторые связанные с ним характеристики теоретических основ языковой категории ирреальности в современном языкознании, приобретают изучение данной категории в направлении функционально-семантических исследований и применения метода функционально-семантического подхода в исследовании категории ирреальности. «Факт бытия предметов и явлений в виде возможности и действительности в мышлении человека находит свое отражение в суждениях возможности и действительности. Существовая в виде возможности или в виде действительности, явления объективного мира в то же время существуют либо необходимо, либо случайно» [98, 5]. Выражения ирреальности, естественно влияют, с одной стороны, на модальное значение, с другой, на структуру проблематичного действия.

В связи с этим, ставится вопрос о применении исследования в грамматике как науке. Если грамматический строй есть система и есть теория систем, то естественно для лингвистики всегда была важной проблемой последовательное разграничение диахронии и синхронии. «Роль контекста как актуализатора является решающей в связи с тем, что на морфологическом уровне почти все глагольные средства выражения нереальности формально не отличаются от индикатива. Их дифференциация происходит на синтаксическом уровне, в синтагматике, где под влиянием контекстных условий, выявляется их семантика» [77, 15].

Нереальность является не существующим на самом деле: мнимый, вымышленный, нечеловеческий, чрезвычайный. Такой, который не может

быть осуществлен из-за отсутствия реальных возможностей; невыполнимый, нежизненный, фантастический, неосуществимый. Исходя из этого, исследуемый термин получает название «ирреальность».

Понятия “реальность” и “ирреальность” в таджикском и английском языках составляют условия взаимопонимания между говорящими. Эти условия необходимы в человеческой речи, и они независимы от того, имеется ли в языке реальность и ирреальность, или другие средства для выражения определенности или неопределенности.

При указанном условии, понимание ирреальности достигается на основе синтеза смыслов всех знаков ирреальности. Такое понимание начинается с того, что говорящий репрезентирует какой-нибудь предмет или явление в каких-то отношениях и связи с другими предметами, процессами, признаками, и в таком виде реципиент запечатляет его образ в своей памяти, которые не существуют в настоящем и не существовали в прошлом. При каждом последующем упоминании этого предмета, понятие о нем воспринимается именно в данной связке и отношениях, и прямо соотносится с образом, хранящимся в его памяти обособленно.

Эти факторы выражают условия наличия или отсутствия в сознании человека изоморфного образа того предмета или явления, о котором сообщается, а не предмета вообще. Сообщается о том, что ирреальность связана с процессом мышления и условиями взаимопонимания между коммуникантами. Поэтому представляется возможным, что понятие ирреальности присутствует во всех языках.

Для оформления двух смысловых оттенков реальности и ирреальности, каждый язык имеет свои средства, среди которых ирреальность занимает особое место, хотя её формализация может обходиться и без такого феномена, о чем свидетельствует отсутствие действительности. Это зависит от внутренних законов развития каждого языка, как правильно, отмечает: В.А. Лившиц, «не подлежат сомнению, что процессы, происходящие в одном языке, должны отличаться от процессов и явлений, происходящих в других

языках, поскольку они осуществляются в условиях разных языковых структур, пусть даже близких, как это бывает у родственных языков» [41, 88].

Лингвисты У. Фоли и Р. Ван Валин являются сторонниками уровневого представления структуры клаузы. В своей схеме они выделяют четыре категории, сферой действия которых является вся предикация.

1) иллокутивная сила совершения действия говорящим при помощи произнесенных им слов. Примером оператора иллокутивной силы является императив;

2) эвиденциальность-определяет истинность пропозиции в терминах того, каким именно путем говорящий получил информацию о сообщаемом факте;

3) время-дейктическая категория, соотносящая время описываемого события с моментом речи;

4) статус - противопоставление реальных и ирреальных ситуаций [105, 79].

При этом содержание сферы ирреальности довольно многообразно. Ирреальность требует уточнения в процессе речи, или иначе, самоориентации модальности по отношению к предмету речи. «Способы выражения нереального условия очень разнообразны и далеко не ограничиваются придаточными предложениями условными и уступительными» [77, 18]. Специфика ирреальности заключается в том, что она выделяется не только по содержанию своей ориентации на какие-либо события, но и по её функциям в речи. Таким образом, ирреальные значения в такой трактовке, по которому выделяется ирреальность, фактически соотносятся с пропозициональными, со знаменательными служебными словами и вспомогательными глаголами, то есть эпистемическими модальными значениями.

В сопоставляемых языках каждый модальный глагол имеет собственное значение. Значение модального глагола может выражать сомнение, ирреальность или уверенность. Например:

You must be a fish out of water [146, 246]. *Шумо худро бояд моҳии ба соҳил афтода ҳис кунед* [132, 232].

Агар дар мардум тамиз мебуд ва санъатро мешинохтанд, хунармандро аз беҳунар фарқ карда метавонистанд ва қадри хунармандонро медонистанд [125, 24]. *If people knew more about art, they would be able to tell a skilled master from a clumsy one* [143, 209].

Следует отметить, что согласно мнению лингвистов, выявлены разные количества глаголов, принадлежащих к группе модальных, и они пополняют свои варианты. Например, учёный Ю. Хакутиани их насчитывает 19, включая в их число такие глаголы и сочетания, как **«used to, had better, had best, to be going to, to be about»** [108, 13-18].

В сопоставляемых языках изучение грамматических типов условных предложений, как одного из средств выражения ирреальности, представляет большой теоретический и практический интерес.

В таджикском и английском языках в зависимости от характера предложения различают три типа условия. Первый тип условия-предложения реальные, второй тип - нереальные исполнимые, третий - нереальные неисполнимые.

В реальных условиях в предложениях сопоставляемых языков глагол употребляется в изъявительном наклонении. «В условных предложениях первого типа, относящихся к будущему времени, глагол в придаточном предложении (условии) употребляется в Present Indefinite, а в главном предложении (следствии) в Future Indefinite» [37, 439]. В следующих соответствующих таджикских условных предложениях будущее время (замони оянда) используется как в главном, так и в придаточном предложении (чумлаи пайрав). Например:

Чӣ тавр худатон инро тасдиқ мекунед, агар шумо чунон ки худатон таъбир кардед «мағлуб намебудед», ман пас аз ҳамон ғанҷои шумо, ки дар сӯхбати гузаштаатон ба ман гуфтед, бо шумо як умр гуфтугӯ намекардам [127, 279].

If you had not been 'undermost,' as you call it, I should never have spoken to you again after what you said to me last week; but you have the double privilege of a prisoner and a sick man, and I could not refuse to come [176, 274].

Ҳарчанд кӯшиши карда бошам ҳам, шеърӣ дигар гуфта натавонистам [126, 13]. No matter how hard I tried I could not compose any more [144, 8].

Предложения с реальными условиями в английском и таджикском языках используют глагол в изъявительном наклонении. В обоих языках выражены реальные условия так, что пропозиция рассматривается как реальность. Рассмотрим следующие примеры:

If she remained alive she realized what would happen to her [153, 194].
Агар ӯ зинда монад ба сараш чӣ болоҳо омаданаширо медонист [134, 403].

I shall be much obliged if you will allow him to continue using the library [176, 29].
Агар шумо ба ӯ барои истифода бурдан аз китобхона иҷозат диҳед, ман аз шумо зиёда мамнун хоҳам шуд [127, 32].

He was afraid I should end in the water, too; and indeed I believe I was near it at one time [176, 117].
Ӯ метарсид, ки ман ҳам худро ба об мепартоям ва ман ҳақиқатан ҳам як вақт ба ин қор наздик расида будам [127, 126].

Второй тип – нереально исполнимые. В таджикском языке условным второго типа предложением с глаголом употребляется предположительное наклонение (сигаи эҳтимоли) в настоящем или будущем времени. В связи с тем, что в таджикском языке форма предположительного наклонения не показательна в плане различения времени и в соответствующем придаточном часто употребляются союзы, в таджикском-если (**агар**), а в английском - (**if**). Приведем примеры:

If Kendiry had spoken the truth then immediate measures must be taken [153,403]. *Агар Кандри рост гуфта бошад, он вақт ба зудӣ чора дидан даркор* [134,299].

Агар замон ҳамин зайл рафтан гираду сухани навакак гуфтаам дуруст бошад, ба хаёлам занҳо нагоҳ, фардо боз сари ҷамъияту давлат баромада мегуранд [139, 428]. *If tilings continue as they are then it seems to me that sooner or later woman will again begin to decide everything* [150, 73].

Агар ўро ба занӣ гурад, он вақт эҳтимол ки давлат ҳам ба ӯи худ ба хона биёяд [134, 172]. *If he took her to wife, perhaps she would bring luck and prosperity to their house* [153, 235].

I should have gone mad if she had touched me [176, 162]! *Агар вай дастӣ худро ба ман мерасонд, ақлу ҳуш аз сари ман мепарид* [127, 174]!

And if I were in the place of your dead friend, I would s-s-stay dead [176, 172]. *Ва агар ман дар ҷои ҳамон дўсти мурдаи шумо мебудам, мурдан мондан мегирифтам* [127, 183].

Третий тип предложения является нереально неисполнимым. Условия предложения в сопоставляемых языках, относящихся к прошедшему времени, являются невыполнимыми. Они соответствуют предложениям с глаголом в предположительном наклонении. Например:

Агар мо аз оилаҳои бегона мешудем, албатта ўро Ҷамила гуфта ном мебудам [141, 57]. *Had we been from different families I would have called her Jamila* [145, 7].

The river devs must be angry with me [153, 47]. *Шояд нариҳои об аз ман ранҷида бошанд* [134, 28].

Perhaps Kandiry had brought news of coming of the Khalifa [153, 258]. *Шояд Кандири дар бораи ба ин тарафҳо омадани Халифа хабаре оварда бошад* [134,188].

Условия относятся к настоящему времени, а следствия-к прошедшему:

I should have talked to mother if I had thought of it; but it went right out of my head [176, 7]. *Агар фурсатаи меомад, ман ин гапхоро ба модарам мегуфтам, лекин он вақтҳо ин гапҳо кай ба фикри ман меомад* [127, 9].

Категория ирреальности употребляется в начале, в конце и в середине предложения. Значение ирреальности зависит от смысла и характера употребления тех способов выражения, которые определяют ясное её понимание. Семантика выражения ирреальности зависит от характера внутреннего и внешнего контекста, но иногда является средством выражения психологического состояния человека, его чувств.

1.3. Способы выражения ирреальности в разноструктурных языках

В языках мира способы выражения ирреальности являются одной из самых сложных проблем лингвистики. У лингвистов существует несколько разных взглядов на средства выражения ирреальности.

Некоторые лингвисты считают, что ирреальность не существует или «ирреальными считаются все те ситуации, которые не существуют в настоящем и не существовали в прошлом» [40, 14].

Книга Hornby, A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary передаёт следующее пояснение слова: «unreal /, ʌnˈriəl, name unreal/ adj. 1 so strange that it is more like a dream than reality: The party began to take on an unreal, almost nightmarish quality. 2 not related to reality syn unrealistic: Many people have unreal expect-ations of what marriage will be like. 3 (informal) used to say that you like sth very much or that sth surprises you: 'That's unreal!' she laughed. Unreality /, ʌnˈriæləti/ noun (U)» [167, 1693].

Unreal—not real; existing in the imagination only - ирреальный-несуществующий в действительности, такое толкование даёт слову unreal - ирреальный «Оксфордский толковый словарь английского языка», поясняя далее: «ненастоящий, поддельный, фальшивый; искусственный; ненатуральный воображаемый, нереальный: an unreal creature of the imagination – созданное воображением существо, фантазия, химера; almost unreal –на грани фантастики; an unreal story-выдумка, небылица. Синонимами к нему выступают: imaginary, fictitious, illusive» [159, 601].

Одним из способов выражения ирреальности в разноструктурных языках являются наречия, косвенные наклонения, местоимения, частицы. «Среди указанных средств основными конститuentами микрополя нереальности являются глагольные средства, так как именно они обеспечивают основное формальное выражение указанных семантических дифференциаций в структуре микрополя. Остальные языковые единицы

становятся средствами выражения нереальности с определенными глагольными формами и сочетаниями» [77, 11].

Плунгиян по данному поводу пишет: «Соответственно, ирреальными считаются все те ситуации, которые не существуют в настоящем и не существовали в прошлом. При таком понимании ирреалис является лишь некоторой частью грамматического значения тех глагольных форм, которые подпадают под приведенное определение» [174, 335].

«Другие глагольные средства выражения нереальности семантически более независимы от контекста. Для них не могут быть определены типичные сочетаемости с контекстом; соответственно, они имеют более широкое функционирование в языке» [77, 16]. Тем не менее не случайно, конечно, лингвисты снова и снова пытаются дать определение способам выражения ирреальности в лингвистике и вносят в неё различные оговорки.

Другими средствами выражения ирреальности в разноструктурных языках являются модальные глаголы, союзы, частицы, наречия, предположительное наклонение, объективная модальность, типы условных предложений, ирреальная модальность.

Следовательно, в разноструктурных языках основным способом выражения ирреальности является модальный глагол. «Вообще, связь ирреалиса с семантической зоной модальности является одной из наиболее сложных проблем описания этой категории. Ирреалис не является модальной категорией, уже хотя бы потому, что семантика ирреальности гораздо шире семантики модальности, но можно было бы считать, что модальность занимает по отношению к ирреальной семантике привилегированную позицию: все значения косвенной модальности связаны с описанием ситуаций, не принадлежащих реальному миру. Однако при ближайшем рассмотрении это утверждение оказывается не вполне точным: большинство современных теорий модальности включают в число модальных значений оценочные, но далеко не всякая оценка предполагает ирреальность оцениваемой ситуации» [40,17].

Основными лексическими показателями объективной модальности являются наклонения глагола. В таджикском и английском языках глагол занимает основное место в любом предложении. В английском языке к ним можно отнести глаголы: *can, may, must, ought, shall, should, will, need*. Аналогичные понятия применяются и в таджикском языке: *бояд, мумкин, даркор, лозим, имконият, тавонои доштан, шояд, дар ҳақиқат, мебоист, эҳтимол* и др.

По мнению А. Дубровой, «специальными модальными значениями, которые сочетаются как с прямой, так и с обусловленной нереальностью, являются значения физической или умственной способности; возможности, зависящей от обстоятельств; разрешения; просьбы; предположения» [77, 7].

Для выражения разных оттенков отношения автора к его высказыванию, в разноструктурных языках, существуют грамматические и лексические средства: «использование глаголов в повелительном и сослагательном наклонениях и особенности употребления модальных глаголов» [28, 95]. Модальные глаголы выражают активное или пассивное отношение лица к действию и потому, естественно, могут употребляться только в сочетании с инфинитивом. Модальные глаголы требуют, в большинстве случаев, использования форм сослагательного наклонения. Следует отметить, что модальные глаголы выражают **возможность, необходимость, реальность и ирреальность** и т.д.

Способами средств выражения ирреальности в таджикском и английском языках являются: объективная модальность, реальная модальность, ирреальная модальность, типы условных предложений.

Одним из основных средств выражения ирреальности являются лексический, синтаксический, фразеологический, а также морфологический, «вследствие чего ирреальность модифицируется как межъязыковая и межуровневая категория» [99, 7].

Ядром грамматических средств ирреальности являются лексические средства выражения модальности.

Средствами вербализации модальности и системой наклонения (в целом, глагола), которое представляет действие как *реальное, противоречащее реальности или сомнительное*.

На лексическом уровне выделяются слова различных частей речи и словообразовательных структур; *аффиксальные и корневые морфемы и сложные слова*.

Лексические средства выражают разную степень определенности или желательности с точки зрения говорящего.

Что касается таджикского и английского языков, выражение ирреальности связано с модальностью и категорией наклонения. «В современном английском языке существует целостная система средств выражения модальности нереальности, включающая единицы различных языковых уровней: грамматический, лексической, лексико-грамматический. Эта система имеет сложный характер как с точки зрения содержания, так и с точки зрения выражения» [77, 23].

Следует отметить, что выявлены разные количества глаголов, принадлежащих к группе модальных. По мнению Ю. Саидова (и мы с ним согласны), «модальные глаголы не имеют синтетических и аналитических форм; как условие, так и следствие выражаются одной и той же формой. Формальная неразделенность модальных глаголов ещё раз показывает, что у сослагательного наклонения есть общая основа – единое грамматическое значение нереальности» [92, 13].

Рассматривая историю изучения категории ирреальности в разноструктурных языках, следует подчеркнуть, что ирреальность, как универсальная функционально-семантическая категория, является существенным предметом изучения в современной лингвистике. Хотя, этот вопрос неизбежно встает перед исследователями грамматических средств того или иного языка, и он по сей день является нерешенным.

Так называемые грамматические значения ирреальности очень разнообразны. «Термин *ирреалис* (или *реальность ситуации*) применяется к

обозначению грамматической категории, показатели которой, в первом приближении, характеризуют всякую ситуацию либо как реальную (= существующую или существовавшую), либо как нереальную» [174, 335], прежде всего, они разнообразны по своему содержанию.

Способы выражения ирреальности являются одной из самых сложных проблем лингвистики.

Поскольку ирреальности посвящаются такие общеграмматические общезыковедческие вопросы, как модальность, соотношение парадигматики и синтагматики на содержание и функцию морфологических форм, соотношение типов предложения и формы глагола, соотношение модальных глаголов и наклонения.

В самом деле, в целом ряде конкретных случаев, нет единства выражения ирреальности относительно того, является ли данное понятие ирреальностью. Наиболее характерный пример такого спорного значения ирреальности выражается в том, что она «не имеет общепринятого определения, а те авторы, которые используют её в лингвистических работах, придерживаются самых разных взглядов» [174, 331]. Вопрос о том, является ли значение того или иного выражения ирреальностью, или о том, в какой степени она грамматикализована, встает и в отношении многих других слов.

Такой объект может быть либо частью или принадлежностью определенного предмета, либо находиться с ним в относительной связи.

Итак, рассмотренные некоторые пути выражения ирреальности в сопоставляемых языках связаны с неконкретными условиями употребления существительного в предложении для выражения отношения субъекта к объекту.

Следовательно, рассмотренные способы выражения ирреальности в сопоставляемых языках связаны с неконкретными условиями употребления существительного в предложении для выражения отношения субъекта к

объекту. Такой объект может быть либо частью или принадлежностью определенного предмета, либо находиться с ним в относительной связи.

Одними из наиболее характерных контекстов употребления ирреальности являются наклонения и модальные глаголы. Ирреальные глагольные наклонения и значения модальности выражают разного рода желания говорящего. Они выражают действие вообще, не совпадающее с действительностью, или действие одновременное с действием главного предложения. Эти значения создаются различными модальными словами, частицами и другими средствами. Это очевидно хотя бы потому, что нет языка, в котором не было бы ирреальности, в понятийных областях данная категория в разных языках не одинакова, в этих областях выделяются определенные ключевые понятия ирреальности, которые тем или иным образом морфологически и синтаксически грамматикализуются в различных языках.

Для лингвистики всегда было характерным стремление связать язык с культурой народа, а следовательно, и с ирреальностью. При этом надо исходить из показательного материала о категории ирреальности как практическом недействительном сознании.

Сама практическая направленность ирреальности подобного сознания связывает язык с жизнью людей, с реальностью. Другой вопрос, чтобы показать и то и другое, и практичность, и недействительность языка на конкретном материале – это задача нелегкая. И у нас до сих пор мало исследований такого рода.

Значение ирреальности является очень разнообразным по своим смысловым модальным оттенкам, которые неразрывно связаны с тактом, тоном и интонацией речи, в которых проявляется какое-либо чувство говорящего, его отношение к предмету или теме разговора. При препозитивном их употреблении в предложении, как правило, она иногда целиком относится к общему смыслу высказывания.

Следовательно, несмотря на самые различные способы выражения ирреальности в таджикском и английском языках, мы можем их разделить следующим образом:

1. **Наклонение глагола** представляет действие как реальное, сомнительное или ирреальное. В английском языке, как: Present Subjunctive II выражает нереальное действие, Past, Subjunctive II выражает нереальное действие в прошлом. В таджикском языке: сослагательное и предположительное наклонения.

2. Использование **модальных глаголов** в английском языке, как: *can, may, must, ought, shall, should, will, need, dare*. В таджикском языке: *боистан, шоистан, хостан, тавонистан*, которые представляют действия: как необходимое или ненужное, возможное или невозможное, реальное или ирреальное.

3. Использование **наречий** в английском языке: *long ago, certainly, perhaps, probably, luckily, unfortunately* и т.д. В таджикском языке: *мумкин, мумкин ки, шояд, эҳтимол, мутаассифона* и др. Они выражают разную степень реальности-ирреальности, определённости или желательности с точки зрения говорящего.

4. Использование **неопределённых местоимений** в английском языке: *any, how, how many, not any*; в таджикском языке: *ягон, фалон, бисмадон, касе, кадоме, кадом як, ким-кадом, ҳеҷ ягон, ягон кас* и т.д.

5. Использование **союзов** в английском языке: *“if”, “as if”, “as thought;”* в таджикском языке: *гӯё ки, гӯё ин ки, ба тарзе ки гӯё, ба тавре, гӯё, мегӯянд ки, чуноне ки, чуноне ки мегӯянд, иброз мекунанд* и т.д.

6. Использование **частиц**. В таджикском и английском языках частицы выражают отношение говорящего к высказываемому. Они, прежде всего, указывают на разные значения модальности. Их ирреальные значения проявляются в предложениях. В таджикском языке, такие как: *на-, ма-, не, мабодо*, в английском языке: *no, not, only, alone, merely, solely, just, only* и др.

7. Использование *модальных слов*: в английском языке: *probably, perhaps, undoubtedly, naturally* и в таджикском языке: *мабодо, бешубҳа, мабодо ки, эҳтимол, эҳтимол ки, шояд* и т.д.

II. ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИРРЕАЛЬНОСТИ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

2.1.Объективное поле модальности (ирреальная) в таджикском и английском языках

В таджикском и английском языках, в большинстве случаев, для понятия объективного поля модальности (ирреальная) используются разные виды наклонения, модальные глаголы, наречия, неопределенные местоимения, неопределенный артикль, модальные слова, такие как: *-мумкин, мабодо, эҳтимол, шояд, союзы: - гӯё ки, гӯё ин ки, ба тарзе ки гӯё, ба тавре;* самостоятельные глаголы: *- донистан, гумон кардан, фикр кардан*, а также модальные глаголы: *- бояд, хостан, тавонистан, шояд*. В английском языке используются союзы: *“if”, “as if”, “as thought”*, наречия: *“probably”, “luckily”, “now”, “then”, “soon”, “everywhere”, “below”*, которые придают предложению ирреальный характер и являются объективным полем модальности, как реальное/ ирреальное.

Следует отметить, что анализ модальности включает различные явления, связанные с одним из сложнейших вопросов, выражающих отношения говорящего или пишущего к действительности, либо находятся в объективном поле модальности, реальная - ирреальная в лингвистике. «Модальность является языковой универсалией, она принадлежит к числу основных категорий естественного языка» [163, 303].

При определении объективного поля модальности реальная / ирреальная в таджикском и английском языках обычно указывается на то, что иногда предложение является законченным или выражает неопределённую мысль. Рассмотрим примеры в таджикском и английском языках:

Ин садоҳои гирёни ҷаноза, бо он ба фикр фурӯрави сокитонае, ки дар он субҳи якиамбе дар табиат ҳукмфармо буд, гӯё тамоман ҳамоҳанг буд

[138, 159]. *It was a very still Sabbath, and the mournful sound seemed in keeping with the musing hush that lay upon nature* [151, 109].

Доғи хун дар болои латтаи сафед нишон медод, ки ин ҳодисаи ногувор бояд дар ин наздикиҳо... рӯй дода бошад [134, 379]. *The freshness of blood stains indicated that the injury must have been inflicted that very morning* [153, 504].

"But if he seriously objects, I think you had better not defy his wishes; you may find your position at home made much harder if .." [176, 5]. *Аммо агар ӯ ба рафтани ту муқобилати ҷиддӣ кунад, он гоҳ ба фикри ман, ба муқобили раъи ӯ ҳаракат накардан беҳтараст, вагарна мумкин аст, ки аҳволи ту дар хона вазнин шуда монад, агар...* [127, 8].

You should not have gone up to college so soon [176, 4]. *Ту набояд ба машгулиятҳои дарсӣ ин қадар зуд бармегашти* [127, 6].

Итак, неопределённые предложения рассматриваются как ирреальные, позволяющие говорящему выразить различные отношения между известным или неизвестным при передаче информации.

Наход, ки ба хотири мулоҳизаҳои дарборӣ ва шахсӣ... ҳаёти ман ҳам дар зерӣ хатар монад [131, 387]. *Must court and personal consideration be allowed to imperil my life, mine too* [147, 305].

But you speak of culture as if it should be a means to something [146, 127]. *Шумо дар хусуси маданият чунон ҳарф мезанед, ки гӯё он мақсад нею восита бошад* [132, 112].

Поэ тому в объективное поле модальности, утверждающим реальное ирреальное в таджикском и английском языках и их отношение в мышлении, приобретает особенно большое значение, и в связи с этим, прежде всего, должны получить объяснение отмеченные выше факты расхождения между предложением и объектом.

Как известно, объективное поле модальности может рассматриваться в самых различных объектах и с самых различных лингвистических позиций.

Вместе с тем, объективное поле и модальность рассматриваются в их сложных взаимоотношениях с реальностью и ирреальностью.

Исследование различных уровней объективного поля модальности и их соотношения с мышлением, обнаруживая различный характер отношения к мышлению соответствующих языковых единиц, даёт возможность раскрыть диалектически сложную и противоречивую природу взаимоотношений мышления и языка в целом, подобных взаимоотношений слова и контекста, с одной стороны, реальности, с другой стороны-ирреальности. Рассмотрим примеры:

Ятим, ки ин ҳолатро дида чашмонаш сиёҳ рафта сараи ғаштан гирифтааст, гӯё осмон бар сари ӯ фуру омада [123, 43]. *The servant realized what had happened as well, and it was like a bolt from the blue* [143, 50].

But if I had it on my conscience that I had sent any l-living thing to South America, I should sleep badly [176, 171]. *Вале агар дар виҷдони ман чунин боре мебуд, ки аз боиси ман як махлуқи зинда ба Америкаи Ҷануби рафтааст, бовар кунед, шабҳо хобам намебурд* [127, 183].

A rough wooden bench had been placed against the trunk; and on this Montanelli sat down [176, 3]. *Як нимкати одди чӯбинро дар зерини дарахт ҷо дода буданд. Монтанелла омада ба он ҷо нишаст* [127, 5].

В переводе английских предложений на таджикский язык переводчик добавляет несколько слов, которых нет в оригинале. Следует отметить, что переводчик перевел английские слова «*had been placed*» как «*ҷойгир буданд*», или в таджикском варианте данного предложения мы найдем «*омада ба*», которые отсутствуют в английском варианте. По нашему мнению, перевод этого предложения будет таким:

Як нимкати одди чӯбинро дар зерини дарахт ҷо дода буданд. Монтанелла он ҷо нишаст.

Так, в объективном поле модальности, утверждение или отрицание наличия какого - либо признака за каким-либо понятием находит свое выражение, соответственно, в реальных / ирреальных суждениях. Реальность и

ирреальность в своей определенности имеют какие-то свойства внутри объективного поля модальности, отличающие их от других категорий и свойств предметов. Мы можем считать истинным утверждение наличия какого-либо признака, или отрицания этого выражения за содержанием понятия. Например:

Агар ҳамин гуна шаккокӣ кунӣ, ачина як занад, ки "воҳ" нагуфта мемурӯ [122, 95]. You play the skeptic there, and the spirits will knock you off before you can say "knife" [142, 17].

Oh, if it was to do over again, I wouldn't say that –I wouldn't say it for the whole world. But he's gone now, I'll never, never, never see him any more. This thought broke her down and she wandered away, with the tears rolling down her cheeks [151, 108]. Оҳ, агар он сӯҳбат боз тақроп мешуд, ман асло, ҳаргиз он чиро, ки ба ӯ гуфт будам, намегуфтам! Аммо вай дигар нест, ман дигар ҳеҷ вақте ва ҳеҷгоҳе ӯро нахоҳам дид [138, 158].

Соответственно, в сфере модальности истинным может быть или утверждение, или отрицание понятия содержания слушающего. Обратимся к примерам:

But for these defects he would have been, in a certain restless and uncomfortable way, rather handsome [176, 98]. Агар ӯ аз ҳамин нуқсонҳо холи мебуд, сохти рӯи ӯ гарчанде аз ҷозоба маҳрум бошад ҳам, як одами ситорагарм мешуд [127, 107].

Мутаассифона, мо надонистем, ки вай ба чӣ ҳар лаҳза нигоҳ мекард, вақте, ки вай ҳар як чизи дидаву шунидаашро як-як номбар намекард [136, 27].

Unfortunately, we did not know what he was looking at, whenever he did not mention one of the things he had seen and heard.

В форме ирреальности или отрицательного суждения формулируется объективное поле модальности, согласно которому не могут одновременно оказаться ложными два высказывания, из которых одно утверждение, либо

содержание понятия реальности, а другое отрицает за тем же понятием ту же самую ирреальность. Например:

"Tom, I hoped you loved me that much", said Aunt Polly, with a grieved tone that discomfited the boy. It wouldn't have been something if you'd cared enough to think of it, even if you didn't do it [151, 127].

Оҳ, Том, ман умедвор будам, ки ту андаке бошад ҳам, маро дӯст медорӣ! -гуфт Поллихола сӯхта ва кабоб шуда, ва Том беихтиёр шарм кард. Ман дар хусуси инро карданат гап намезанам, агар лоақал ту дар ин бора фикр мекардӣ, барои ман бисёр қимат мебуд [138, 163].

В сопоставляемых языках понятия поля модальности отражают как единичные предметы, так и целый ряд предметов, обладающих какими-то общими свойствами между реальным / ирреальным.

I think I am going to do some fishing. Then perhaps I will get out of your way [149, 14]. Ба фикрам ман каме моҳидорӣ мекунам. Сипас шояд ман аз роҳи шумо дур шавам.

"It will have to do if we can't f-f-find any other way out of the difficulty" [176, 123]. Агар мо ягон илоҷи дигар наёбем, лозим м-меояд, ки худӣ ман равам [127, 216].

В этом примере наблюдается неточное соответствие содержания английских слов с точки зрения переводчика. В английском предложении не существуют такие слова, как *«худи ман равам»*, *«лозим м-меояд»* и таджикский переводчик пропустил английские слова *«difficulty»*, *«any other way»*.

По нашему мнению, перевод данных слов является не полным. Для этого мы предлагаем наш вариант:

Ба ҳар ҳол бояд таваккал кунем, агар ягон илоҷи дигаре барои аз мушкили раҳо шудан набошад.

В утверждении или отрицании какого-либо признака за содержанием понятия объективного поля модальности реальная/ирреальная будет исходить из его содержания. Из свойств единичных предметов, входящих в

объем понятия, возможен такой случай, что за всеми понятиями будут утверждаться или отрицаться признаки предмета, которым присущи или не присущи только части объема объективного поля модальности. Противоположное ему суждение будет отрицать или утверждать этот же признак, как за содержанием понятия, так и за всеми предметами, входящими в объем понятия. Рассмотрим примеры:

Professor Hilton paused and glared at him as if he were one of his test-tubes [146, 101]. *Профессор Хилтон ба Мартин хусуматомез ва хунсардона нанигарист, гӯё ки ӯ найчаи шишагӣ бошад* [132, 86].

Ҳеч, маълум нашуд, ки ӯро ин тавр маибу маслуқ, карда бошад [133, 94]. *Nobody had ever found out who had done this to sam* [152, 71].

Лекин ин ба вай ташаккур гуфт, вале овозаш чунон ором буд, ки гӯё сачоқ, оварда додани духтарони сафедпӯст барояш кори муқаррарӣ бошад [133, 106]. *He thanked her but as a matter of course, as thought he were used to getting towels from white girls* [152, 80].

Но по характеру отношения говорящего к выражаемому содержанию реального от ирреального предложения отличаются друг от друга. Более того, можно согласиться с тем, что между ними существуют различные способы выражения реальности высказанного ими содержания: если глаголы и другие члены предложения даны в форме сослагательного и изъявительного наклонения, то в каждом из них сообщается о равной мере реальных фактов или реальности в поле модальности.

Ирреальность в таджикском и английском языках опирается на законы мышления и ситуативные условия речи, что по-видимому, говорит о наличии её семантической оппозиции в каждом языке.

В таджикском языке ирреальность выражается: глагольными наклонениями, модальными глаголами, наречиями (*эхтимол, мумкин, мумкин ки, шояд*), неопределенными местоимениями (*ягон, кадам, кадам як, ким-кадам, ҳеч*) при их объективном употреблении, недетерминированной формой существительных в ед. и мн. числах и т.д. Например:

Эҳтимол шумо дар дилатон гӯед, ки акнун манол [139, 414]. *Perhaps you may think it is all my fault and I should not complain* [150, 64].

Охир, ки занеро дидааст, ки ӯ ба ягон ҳамсояш андаке ҷанҷолу хархаша накарда бошад [139, 438]. *Can any one claim to have seen a woman who never quarreled with her neighbours* [150, 80].

Указанные лексические средства значительно ослабляют свою семантику и приближаются к единицам аналитической морфологии. Поэтому можно предполагать, что в настоящее время идет процесс перехода синтетизма к аналитизму в системе категории ирреальности в таджикском языке.

Показателем ирреальности в английском языке служит использование наречий, таких как: *maybe, surely, probably, soon, everywhere, below, highly, perfectly, completely, nowhere, scarcely, perhaps, unfortunately*, наклонения (*Mood*), повелительного наклонения или императива (*The Imperative Mood*), сослагательного наклонения (*The Subjunctive Mood*), неопределенного артикля, а иногда некоторых неопределенных местоимений. Рассмотрим следующие примеры:

Maybe the United States senator [146, 266]. Мумкин аст, ҳатто сенатори Штатҳои Муттаҳида ҳам шавад [132, 252].

Surely you don't desire the approval of the bourgeois swine that read newspapers [146, 333]. Наход шумо ба ақидаи хукони буржуазӣ ки газета мехонанд, аҳамият диҳед [132, 324].

Or perhaps she had simply fallen behind some merchants' caravan and become lost in the mountains [153, 112]. Ё мумкин аст, аз ягон қорвони савдогарон бозмонда роҳашро гум карда бошад [134, 107].

Кроме того, в определенных случаях немаркированная форма ряда существительных (вещественных и отвлеченных), а также словоформы мн. числа без каких-либо детерминативов, выступают в нереальной функции.

В таджикском языке, в отличие от английского, наблюдается омонимичность форм. Недетерминированная словоформа существительного может выражать и реальность, и ирреальность. Такому осмыслению

способствуют ударение, интонация, порядок слов и контекстные обстоятельства. Ирреальность существительного обычно принимает логическое ударение, где происходит понижение тона и имя входит в состав ремы суждения. Или же оно часто стоит ближе к концу предложения. Наоборот, определенное существительное не имеет ударения, оно входит в состав темы сообщения и обычно занимает ведущее положение в составе предложения.

Категория модальности изучена в многочисленных исследованиях, и авторы работ придерживаются того, что традиционно модальность разделяется на два типа: объективную и субъективную. «Грамматические средства объективной модальности включают в себя категорию наклонения, категорию времени, несколько типов интонаций» [97, 12].

Некоторые исследователи, анализируя различия между объективным и субъективным отношениями модальности, утверждают, что каждое из них в отдельности составляет самостоятельную категорию. Например, А.Б. Шапиро писал, что в предложении "Зима началась" содержание речи соответствует действительности, но говорящий в данный момент не может варьировать свое реальное отношение к высказанному, и чтобы выразить свое отношение к реальности содержания высказанного, он должен еще воспользоваться дополнительно служебными словами «конечно» или «пожалуй» [71, 25]. А.Б. Шапиро, конечно, правильно отмечает различия между соответствием содержания речи к действительности и конкретности содержания мысли говорящего по отношению к явлению, но здесь не учтена взаимосвязанность этих двух (объективного и субъективного) видов модальности. Поэтому он считает модальным явлением только отношение содержания мысли к реальной действительности.

В современном таджикском литературном языке представляется несомненным наличие следующих взаимодействующих средств выражения модальности: а) морфологические – особые формы глагола, т.е. наклонения; модальные значения глагольных форм; б) синтаксические – порядок слов и

модальные значения, обнаруживаемые в разных типах структуры предложения; в) просодические – модальные значения интонации (логическое ударение, темп, мелодика речи, интенсивность, такт), выражающие – на уровне предложения различные синтаксические значения, а также экспрессивные и эмоциональные оттенки, накладывающиеся на основное значение передаваемой мысли; лексические – значения модальных слов, словосочетаний, частиц и вводных слов.

В свою очередь, М.В. Зайнуллин разделяет «объективную модальность на реальную модальность и ирреальную модальность» [33, 27].

«Помимо факта бытия и способа бытия связей явлений объективной действительности в суждении отражаются также временная соотнесенность связи явлений и отношения признака и предмета, которому этот признак присущ, к мыслящему субъекту. Основным языковым средством выражения временной соотнесенности связи явлений относится глагольная категория времени, реализующая свою функцию путем соотнесения содержания предложения с моментом речи. Отношения предмета и его признака к мыслящему субъекту, в предложении выступающие как отношения субъекта действия (состояния) и самого действия к субъекту речи, составляют содержание грамматической категории лица и выражаются формами глагола – сказуемыми и местоимениями, роль которых в английском языке в этом отношении особенно велика» [98, 11-12]. Следует также добавить, что объективная действительность в суждении отражает признак к действию предмета, которому этот признак присущ в реальности и не соответствует требованию объективной ирреальной модальности.

Объективная модальность, в основном, выражает категориальные значения, реально существующего в реальном мире имени существительного. Следовательно, объективная модальность выступает как индикатор, исходя из взаимоосведомленности о предмете высказывания. Академик В.В. Виноградов подчеркивает: «...отношения всякого высказывания или предположения к реальности называется объективно-

субъективной модальностью» [18, 725].

В таджикском языке способы выражения субъективной модальности изучены А. Халиловым, в книге «Способы выражения субъективной модальности в современном таджикском литературном языке» [67], он рассматривает различные способы выражения субъективной модальности в таджикском языке. Работа содержит обзор и анализ существующей научной литературы по данному вопросу, определение объективной и субъективной модальности и способов их выражения в речи, определение модальных единиц как выражения субъективной модальности, их особенностей, анализ структурно-морфологического состава, классификацию, исходя из их семантики и грамматических функций.

Впервые дан всесторонний анализ категории модальных единиц, их стилистических значений и смысловых оттенков в речи, исследованы особенности семантики в таджикском языке, функции модальных единиц в выражении различных экспрессивно-эмоциональных оттенков. Как он отмечает: «таким образом, отношение говорящего к высказанному может быть выражено как объективно выраженное отношение содержания речи к действительности, так и субъективно выраженное отношение к содержанию речи «высказыванию» [67, 8].

Однако наличие объективной ирреальной модальности ещё не делает предмет определённым, если высказывание не имеет дейктического аспекта, и в нашем сознании существует возможность выбора, высказывания, что лишь констатирует наличие локальных и качественных характеристик предмета, отличаясь особой эмоциональной выразительностью. Дейктический аспект речи неразрывно связан и с условием речевого общения, хотя в некоторых случаях реальность в отношении ирреальности создается и без наличия дефиса, она исходит из специфики самого существительного.

Объективная ирреальная модальность особо характерна для схемы предложения, которое, как правило, выражается формами наклонения

глаголов. Субъект воспринимает сообщаемое как желаемое, предположительное, возможное и сомнительное. Объективную ирреальную модальность подразделяют на следующие семантические виды: «*дебитивная* модальность – необходимость и долженствование, *потенциальная* модальность – возможность и невозможность, *императивная* модальность – побуждение, *гипотетическая* модальность – предположение, *интенциональная* модальность – намерение и *оптативная* модальность – желание» [79, 5].

Объективная ирреальная модальность является не единственным средством оформления ирреальности существительного. К тому же, данная функция является не единственной, так как это очень многоаспектное явление. Среди этих аспектов выделяются три его функции, которые, взаимодействуя одна с другой, наслаиваясь друг на друга, тесно взаимосвязаны: ирреальность указывает на объем и содержание понятия, фиксированного в слове (существительном), что следует считать его логической функцией. Ибо оперирование понятиями связано с процессом мышления. К тому же, как известно, изучением логической характеристики понятия (его объема и содержания) занимается формальная логика.

В качестве дейктических средств уточнения может выступать довольно широкая группа прилагательных, порядковых числительных, местоимений, предложений, оборотов и др. Сюда можно включить и ограничительные придаточные определительные предложения.

Эти средства при существительном служат для выражения дейктического аспекта только тогда, когда они способствуют восприятию обозначенного именем предмета как отличного от себя подобных, ибо нередки случаи, когда имеется наличие указанных единиц.

Итак, мы можем сделать вывод, исходя из анализа исследований по этой проблеме, что каждый семантический вид объективной ирреальной модальности имеет свое значение. Дебетовая модальность выражает

необходимость и долженствование. Потенциальная модальность обозначает возможность и не возможность.

В простом предложении для выражения объективно-модальных значений применяются такие грамматические средства, как время и наклонение. Каждая форма предложения имеет свою грамматическую организацию и свое значение. Система синтаксических времен и наклонений, в которых определенными грамматическими средствами представлены те или иные объективно модальные значения, формируют синтаксические категории предикативности предложения.

«Формы сослагательного наклонения таджикского и английского языков могут быть как аналитическими, так и синтетическими. Но аналитические формы таджикского и английского языков находятся на разных стадиях грамматизации» [46, 162]. Сослагательное наклонение в английском языке представляет систему модально-временных форм в отличие от соответствующей грамматической категории в таджикском языке.

В таджикском и английском языках имеется разное число наклонений. Они охватывают те модальные значения, которые выражаются грамматическими средствами, и тесно связаны с понятием модальности. Например:

It occurred to me that I should like an apple [148, 76]. *Ногоҳ, ба фикре омадам, ки ягон себ хӯрам* [137, 81].

Из приведённого примера следует заключить, что наклонения позволяют относить их к лексико-грамматическим способам выражения модальности.

Синтаксические наклонения, несущие объективно-модальные значения ирреальности, т.е. временной неопределенности, образуют синтаксические ирреальные наклонения. Например:

Дар аснои ин сӯзиши пурозор, чунон ки маро дар зери ях хобонда бошанд меларзидам [126, 84]. *All the time I trembled as though I had had ice water poured over me* [144, 107].

If anybody told me that girl could be so soft I wouldn't have believed it [152, 44]. Ҳаргиз бовар намекунам, ки Мейбл... мусичаи беғуноҳ шуда метавониста бошад [133, 58].

Признак потенциального действия является общим признаком для самых разнообразных речевых ситуаций с формами сослагательного наклонения, который отличается от сферы функционирования изъявительного наклонения. «В английском языке выделяются два рода форм сослагательного наклонения, выражающих нереальное действие и объединяемых общим признаком отвлеченности от конкретного временного плана в отличие от изъявительного наклонения. Обособленность от временной основы иногда приводит к тому, что даже перфектные формы могут быть употреблены для выражения нереального действия, относящегося к настоящему времени» [92, 12-13].

В сопоставляемых языках, с точки зрения модальных дифференциальных признаков, действия могут характеризоваться как выражающие объективную потенцию (возможность-вероятность), при этом действие чаще всего относится к говорящему. Сопоставим примеры в таджикском и английском языках:

The Warrens are very good and kind, but they don't understand; and then they are sorry for me,--I can see it in all their faces,--and they would try to console me, and talk about mother [176, 4].

Аҳли хонаводаи Воррен одамони хуб ва хушфеъл ҳастанд, аммо онҳо дарди маро намедонанд. Онҳо ба ман дилсӯзӣ мекунанд, ман инро аз рӯи онҳо мушоҳида мекунам, агар ман он ҷо мебудам, онҳо ба ман тасалли дода, аз модарам гап мезаданд [127, 6].

'Perhaps you won the fight,' laughed Robin, 'but you did not catch me' [149, 14]. Робин ханда карда, гуфт: шояд шумо дар ҷанг голиб омадед, аммо шумо маро дошта натавонистед.

Аммо нуқтаҳое низ ҳастанд, ки ба ҳеҷ кас гуфтан мумкин нест. Аммо гумон карда будам, ки ба ман ҳеҷ кас ёрӣ дода наметавонад,

хатто... хатто шумо ҳам, модарам ҳам. Ман худам бояд ҷавоби онҳоро аз Худо гурам [127, 10].

But there are some things you can't talk about to anyone. I--it seemed to me that no one could help me--not even you or mother; I must have my own answer straight from God [176, 7-8].

Бале ту инро карда метавонистӣ, Том-гуфт Мери, - агар ин ба хаёлат меомад, албатта мекардӣ [138, 162]. *Yes, you could have done that, Tom, said Mary, and I belived you would if you had thought of it* [151, 127].

Объективная возможность представляет существование чего-либо. С точки зрения объективной возможности реализация явлений, с одной стороны, обусловлены определенными обстоятельствами, с другой, осуществлением действия, которое предполагает слова мыслящего к объективной действительности:

He was as lender little creature, more like an Italian in a sixteenth-century portrait than a middle-class English lad of the thirties [176, 2]. *Ў қади миёнҷӯссаи латифе дошт ба назар ба ҷавони солҳои сиюми асри нуздаҳум, ки аз оилаи давлатманди шаҳрии англисӣ бошад, беиштар ба итолиёи асри шонздаҳуми тасвиркардаи рассомон монандӣ дошт* [127, 11].

Учет характера взаимозависимости действий является важным моментом, так как обусловленное и обуславливающее действия выражаются разными формами сослагательного наклонения в различных частях сложного предложения. Например:

Шояд ягонташиро дар пеши назари худ фурӯшонда пули нақд карда гурам [125, 17]. *If you sell him one of my skull caps before I go, I can take the money with me* [143, 200].

That is very curious. There must be something remarkable about him [176, 240]. *Бисёр аҷиб аст. Чунин одам бояд як хусусияти ғавқулодае дошта боша* [127, 244].

Следует подчеркнуть, что другие действия относятся как сопутствующие к главному. Наиболее существенными и важными являются

главные действия, которые означают важность, обязательность, необходимость и приводят к исполнению сопутствующих действий (связанных с временем или порядком следования событий). Приведём следующие примеры:

"If there is any danger of that, it rests with you to guard him more closely " [176, 239]. *Агар чунин хавфе вучуд дошта бошад, шуморо лозим аст, ки посбонони ӯро зиёд кунед* [127, 244].

-Ба ин кас ҳам ош биёрегон, охир! - гуфт маро нишон дода - ҳамроҳи дастии ин кас шикамашон ҳам танбур навохта истодааст [125, 28]. *Bring him some rice pilaf, too! And he pointed at me. He's not just making noise with his tambur his empty stomach is already growling out wedding songs* [143, 217]!

Роҳибони сафедпӯше, ки замоне ин растаниҳоро нигоҳбонӣ ва парвариши менамуданд, кайҳо аз дунё гузашта ва фаромӯш шудаанд. Вале сабзаҳои хушбӯй дар ин шабҳои форами тобистон ҳанӯз ҳам мешукуфтанд, онҳоро акнун ҳеҷ кас монанди роҳибони пештара барои доруворӣ чамъ намекард [127, 4].

Now the white-robed monks who had tended them are laid away and forgotten; but the scented herbs flowered still in the gracious mid-summer evening, though no man gathered their blossoms for simples any more [176, 3].

Сослагательное наклонение в таджикском языке чаще употребляется, чем в английском. Для правильного употребления сослагательного наклонения в речи важно также учитывать и структурные типы условных предложений.

Все эти соображения в отношении модального содержания глагольных граммем имеют прямое отношение к установлению характера временной отнесенности граммем наклонения, так как исчезновение в процессе развития дифференциального признака времени привело не только к ликвидации категории времени в граммемах наклонения, но и как прямое следствие этого, к переносу выражения конкретно-модальных значений за пределы

форм того наклонения, которое приняло на себя выражения основного значения сослагательного наклонения - нереальности.

2.2. Вербальные выражения ирреальности в исследуемых языках

Для выражения ирреальности в языке имеются различные средства: грамматические, лексические, интонационные.

«Феномен ирреального играет немаловажную роль в жизни человека. На протяжении всей истории люди пытаются постичь суть ирреальных явлений, изучению и осмыслению которых посвящены исследования в области философии, психологии» [88, 4]. Однако вопрос о грамматических средствах выражения ирреальности, иными словами, вопрос о грамматической (морфологической) категории наклонения является не полностью изученным.

Б.А. Ильиш анализирует категорию наклонения в двух планах - с точки зрения значения и с точки зрения способов выражения. Он выявляет четыре основных значения: «побуждения, возможности, нереального условия и следствия нереального условия» [109, 102-110].

Следует отметить, что в разноструктурных языках в «парадигму изъявительного наклонения глагола входят все видовременные, залоговые формы, а также формы категории порядка английского языка и их соответствия в таджикском языке» [89, 56].

В.С. Расторгуева в своей книге «Очерки по грамматике таджикского языка» отмечает, что парадигму глагола "*хондан – читать*" в повествовательных или перфектных формах таджикского глагола образуются от причастия (оно же деепричастие) прош. времени основного глагола с помощью краткой формы глагольной связки:

Ед. число	Мн. число
1. хондаам	хондаем
2. хондай	хондаед
3. хондааст	хондаанд

Вторая форма, производная от первой, образуется присоединением к ней приставки *ме*:

Ед. число	Мн. число
1. мехондаам	мехондаем
2. мехондай	мехондаед
3. мехондааст	мехондаанд

Третья форма, тоже производная от первой, образуется от причастия прош. времени основного глагола со вспомогательным глаголом "будан - быть".

Ед. число	Мн. число
1. хонда будаам	хонда будаем
2. хонда будай	хонда будаед
3. хонда будааст	хонда будаанд

Четвертая форма, производная от третьей, образуется от причастия прош. времени основного глагола с вспомогательным глаголом "истодан - стоять".

Ед. число	Мн. число
1. хонда истода будам	хонда истода будаем
2. хонда истода будай	хонда истода будаед
3. хонда истода будааст	хонда истода будаанд [52, 3- 4]

Для выражения ирреальности можно использовать косвенное наклонение. «Косвенное наклонение употребляется для выражения нереальных или проблематичных действий и состояний» [46, 48].

Проведем сопоставительный анализ трех основных форм категории наклонения в английском языке:

Изъявительное наклонение: *the indicative Mood*;

Сослагательное наклонение: *the Subjunctive Mood*;

Повелительное наклонение: *the imperative Mood*.

Общим признаком, объединяющим формы всех трех наклонений в единую систему, является категориальный признак – выражение модальности через глагол-сказуемое. Дифференциальными признаками выступают: реальность сообщаемого (реальное действие) – изъявительное

наклонение; потенциальность сообщаемого (потенциальное действие) – сослагательное наклонение; повелительное наклонение.

Говорящий мыслит категориями реальной действительности, которые обозначают действия в изъявительном наклонении.

But I should think that child would grow into an unlucky man, and the wisest thing he could do would be to abstain from growing into a man at all [176, 170].

Вале дар назари ман ин кӯдак дар зиндагонӣ бисёр бадбахт мешуд ва одами калон намушудани ӯ бисёр хуб мебуд [127, 182].

В английском языке главным образом выполняет функцию сослагательное наклонение (*the Subjunctive Mood*), служит средством выражения модального подчинения одной идеи другой. Единицы, подчиняющие себе содержание действия, выраженного сослагательным наклонением имеют, как правило, модально-эмоциональное значение и предваряют в своем собственном лексическом значении действие, которое либо еще не совершилось, а лишь представляется желательным, требуемым либо к которому выражается какое-то эмоциональное отношение, по поводу которого высказывается мнение, чувство.

Вариантивные единицы объединены с сослагательным наклонением общностью грамматико – семантического поля, ибо они все обслуживают комплекс значений действия, являющегося не фактом, а представлением мысли, в разных его проявлениях и оттенках от явной нереальности до воображаемого действия, которому говорящий, в соответствии с модальностью контекста, придает значение проблематичности, даже если оно на самом деле не проблематично, а реально.

Сослагательное наклонение выражает потенциальность (возможность, желательность, необходимость, обязательность) осуществления сообщаемого. Например:

You ought to have at least three clear days to double on your trace before you cross the frontier [176, 217]. *То аз ҳудуд гузаиштанамон шумо ҳеч набошад бояд се рӯз дошта бошед* [127, 100].

Повелительное наклонение выражает потенциальные действия в форме просьбы, совета, приказания.

Категории 2-го лица ед. и мн. чисел в сопоставляемых языках выражаются в синтетических формах повелительного наклонения: **рав, бин, биёр, дам гир, равед-раветон, бинед-бинетон, биёред-биёретон, дам гир-дам гиретон, гиред-гиретон, хӯред-хӯретон** и т.д. Приведём примеры:

Пул надорам, даромада худатон бинед, хӯчаин [130, 55]! I don't have any money come in and see yourself, Boss!

Раветон, бозии худатонро кардан гиретон [130, 140]! Go and play with your games.

Марҳамат кунед як пиёла чой хӯред [125, 53]! Come and have a cup of tea [143, 252]!

В английском языке существует только одна форма 2-го лица: **go, begin, read, write, look, bring, rest, take** и т.д.

Whenever I go into the library, I am impressed that way [146,103]. Ҳар вақт ба китобхона равам, доимо дар ҳамин хусус андеша мекунам [132, 83].

Далее, в форме 2-го лица ед. и мн. чисел: **read, write, take, go, do** и т.д.

Well now, I'm no scholar, and you're a lad as can read and figure, and to put it straight, do you take it as a dead man is dead for good, or do he come alive again [148, 141]? Хуб, ман мактаб нахондам ва ту эй писаре, ки хонда ва расмкаширо метавони, агар ту инро рӯи рост гӯи, чи магар мурда ҳамеша мурда мемонад ё ин ки бори дигар зинда мешавад?

А в таджикском языке используется форма 1-го лица множественного числа, обращенная как к одному, так и к нескольким собеседникам (**рафтем-пойдем-let's go, мегирем-возьмем- let's take, мегӯем-скажем- let's say**).

Ман ҳозир ба идораи амаки Ҳайдарқул рафта истодаам, агар хоҳӣ, биё, ҳамроҳ равам [129, 232]. Now I am going to Haidarqul unkle's office, if you would go, let's go together.

Такие аналитические выражения, как *будем говорить – мегӯем - we will talk, мехонем - будем читать - we will read, менависем - будем писать - we will write*. и т.д. имеют форму глагола несовершенного вида. Например:

Ҳар кас гап занад, мегӯем, ки мо кулол нестем, ки дар мундӣ об хӯрем ва Ҳамамон якто-якто ҷомаи алоча карда, як хел пӯшида бароем [130, 484]!

If everyone say, we'll say that we are not potters who drink water from cushion and every of us make a cloth of laçin and put on the same kind!

Later on we will talk more definitely. But, for just now, I want you to remember one thing. If you get into trouble over this, if you--die, you will break my heart [176, 9].

Мо боз ягон вақт ҷиддитар ва муфассалтар гуфтугӯ хоҳем кард ва ҳоло ман мехоҳам, ки ту як чизро фаромӯш накуни: агар бо ту ҳодисае рӯй диҳад ва нобудгардӣ, дили ман ба ин тобоварда наметавонад, - ман мемирам [127, 11].

Yes, we will say no more about these things [176, 20]. *Дар ин хусус дигар гап намезанем* [127, 22].

В таджикском языке к формам повелительного наклонения относятся:

- глаголы во 2-ом лице ед. числа повелительного наклонения выражают побуждение и обращены к одному и тому же лицу: **рав-иди -go, кун- делай-do, хон-читай - read**;

-Хон, дар ҷӣ гуна душворӣ бошад ҳам, хон, одам шав [126, 18]! *Go to school however hard it may be you, learn and become a man* [144, 18]!

- глаголы 2 лица мн. числа, выражающие побуждение, обращёны к нескольким лицам: **равед-идите-go, кунед- делайте-do, хонед-читайте-read**. Например:

Ман одами бечораи аёлманд мебошам, пули қанду конфету обидандонро дода равед [125, 28]!

I've got a family to feed! I'm a poor man! Come back and pay for the sugar, sweet and fruit drop [143, 216]!

... азар уллоси шаголонро шумо хониши париён ҳисоб кунед, хуб базм тамошо кардам [122, 98]. *if you call the howling of jackals a fairy banquet, it was quite celebration* [142, 20].

Глаголы совместного действия, выражающие побуждение, обращены к группе лиц, включая говорящего: *биёед-удёмте* – *come*. Например:

Шаб барвақтар биёед, базми дукаса мекунем [130, 354]. *Come early to night we organize party for two persons.*

В таджикском и английском языках центральное место в любом предложении и высказывании занимает глагол. Действие субъекта, выражаемое при помощи глагола, может расцениваться как реальность-ирреальность, происходящего в настоящее время, которое будет происходить в будущем времени, или которое будет происходить в неопределённое время. Этот смысл передаётся при помощи использования глагола во всех временах. Отношение к действительности выражается наклонением.

Определённые предложения включают в качестве одной из важнейших характеристик выражения модальности, то есть выражение отношения, передаваемого предложением содержания к действительности.

Для выражения нереальных действий употребляются следующие наклонения: сослагательное наклонение (*the Subjunctive Mood*), повелительное наклонение (*the imperative Mood*), хотя в современном английском языке насчитывается их около 16-ти.

В английском языке расхождения в трактовке наклонения объясняются рядом причин:

- разным подходом к данной категории, который основывается не на единстве формы и содержания категории, а на особенностях образования форм, безотносительно к содержательной стороне, или же, на особенностях содержательной характеристики без учета средств, которыми передаётся то или иное содержание;
- наличием омонимичных форм в системе глагола, что усложняет исследование наклонения;

- трудностью разграничения аналитических форм и глагольных словосочетаний.

В случае аналитических форм первый элемент структуры, как известно, является вспомогательным глаголом. Например:

I must have upset him a lot [152, 123]. *Шояд ман ӯро хеле асабонӣ карда бошам* [133, 123].

Now I should wish to have a talk with you [137, 220]. *Ман мехостам, ки бо ин ҷавон суҳбат кунам* [148, 210].

Существуют классификации, в основу которых входят разные признаки, причем не только грамматические. В таких классификациях представлены как наклонения, выраженные различными формами глагола, так и различные сочетания с модальными глаголами. То есть, в основу классификации возлагается как грамматический, так и лексический критерий.

В английском языке есть три наклонения глагола, каждое из них выражает действие субъекта или объекта с помощью глагола:

изъявительного наклонения: *the indicative Mood*;

сослагательного наклонения: *the Subjunctive Mood*;

повелительного наклонения: *the imperative Mood*.

В таджикском языке представлен другой ряд категорий наклонения, в отличие от английского языка:

сигаи хабарӣ (изъявительное наклонение);

сигаи шартӣ – хоҳишмандӣ (сослагательное наклонение);

сигаи амрӣ (повелительное наклонение);

сигаи эҳтимолӣ (предположительное наклонение).

Здесь мы рассматриваем те наклонения, которые выражают ирреальность в таджикском и английском языках.

Данные формы сослагательного наклонения используются в английском языке:

The Condition Mood,

The Supposition Mood,

*Subjunctive I,**Subjunctive II.*

Из них *present u past* имеют две временные формы *Subjunctive II*,

Ирреальное (нереальное) действие, противоречащее действительности в Present Subjunctive II, может относиться к настоящему или будущему времени.

Рассмотрим примеры:

If I tried to tell mother or any of the others they would say I am mad [152, 194].

Агар ман инро ба модар ё боз яго каси дигар гӯям, онҳо маро девона гумон мекарданд [133, 194].

If he took her to wife, perhaps she should bring luck and prosperity to their house [153, 235].

Агар Бахтиёр ўро ба занӣ мегирифт, он вақт эҳтимол ки давлат ҳам ба ӯи худ хона биёяд [134, 172]?

В английском языке Subjunctive II обозначает нереальное действие, которое проявляется в указании на желаемые или нереальные условия. Например:

"My God!" he thought; "how small and selfish I am beside him! If my trouble were his own he couldn't feel it more [176, 3]."
Артур фикр кард, ки худое нисбат ба ин шахс ман чӣ қадар худбин ва сабук ҳастам, агар ғаму андӯҳи ман азони ӯ мебуд, ӯ наметавонист он ғаму андӯҳро аз ин чуқуртар ҳис кунад [127, 7].

Следует отметить, что Subjunctive II передаётся формой условно-изъявительного наклонения таджикского языка. Оно состоит из основы прошедшего времени смыслового глагола с префиксом **ме-** и личным окончанием. Например:

Фурӯшандаи таҷрибадор, ки ҷиддӣ ё булҳавас будани харидорро аз ҷаҳмони ӯ мефаҳмид, харидори бардурӯғ будани маро пай бурда, дастаи тоқиҳоро аз дастии ман гирифта, дар зери парда ба рафча монда истода ба

Қоришикамба: Қориамак беҳуда хомтамаъ наишавед, ин кас тоқи намехаранд.-
гуфт [125, 18].

The experienced tradesman had already sized me up and realized I wasn't going to buy anything, so he took the skull caps and put them back on the shelf He told Kori-Ishkamba: Kori-amak, there's no sense in cherishing false hopes [143, 201].

Формы сослагательного наклонения таджикского и английского языков имеют общее значение предположительности, гипотетичности действия:

If the Gospel is to be trusted, even the most respectable of all Ghosts had a f-f-fancy for capricious alliances [176, 119]. Агар ба инҷил бовар кунем, маълум меишавад, ки арвоҳи азизон ҳодисаҳои аҷибу ғарибро дӯст медоштанд [127, 129].

Who might have done that, I wonder [148, 85]. Ман мароқ дорам бидонам, ки ин харитаро кадом одам кашида тавониста бошад [137, 91].

Формы сослагательного наклонения в таджикском языке, в зависимости от синтаксической структуры предложения, употребляются в простых предложениях и в различных видах придаточных. Например:

Модоме ки ӯ ингуна одами бадгумон будааст, дигар на рӯи ӯро мебинам ва на аз вай ҳуҷра менурсам, на ҳуҷраи ӯ ба ман даркор аст ва на мулоқоташ [125, 37]. I added, then I'll stop trying to find a way to meet him. I don't need him or his cell [143, 224].

«Агар ин тавр муомила кунӣ, туро аз ҳуҷра мебарорам» гуфта дӯғ зада мондам [125, 36]! I told him that if such a thing happened again, I would throw him out of the cell in nothing flat [143, 228]!

В данном предложении английский переводчик перевел слова неправильно, в связи с этим неправильно переведены таджикские предложения. Вместо «**агар ин тавр муомила кунӣ**» он перевел «**if such a thing happened again**», «**туро аз ҳуҷра мебарорам**» «**I would throw him**».

В таджикском языке английский глагол «**happened**» переводится как «**рух додан**», который не имеет никакого отношения к переводу таджикского предложения. Следует отметить, что вместо «**you-туро**» он перевел «**him-**

ӯро», он внес в предложение «*in nothing flat*», на наш взгляд, эти предложения переводятся на английский язык таким образом:

I told him if you do such thing again, I would throw you out of the cell!

Сослагательное наклонение сочетает в себе ряд сем: нереальность, желание, гипотетичность, намерение, пожелание и т.д. Например:

Ман хоҳ дар як ҳафта як бор мӯйсар гурам, хоҳ дар ду моҳ, ин кори ман аст ва ба шумо ҳеҷ дахл надорад. Мӯйсари ман хоҳ баланд бошад, хоҳ наст, шумо як бор тег меронед [125, 11].

"It's no one's business but mine whether I get my head shaved every week or every other month. Whether my hair is long or short, your razor goes over my scalp only once [143, 192].

Форма сослагательного наклонения английского языка передаётся формой аориста таджикского глагола. Аорист в таджикском языке в простых предложениях выражает действие, относящееся к настоящему или будущему времени. Например:

Даруну беруни баданам мисли ин ки дар вай меҳи тафсонро мекуфта бошанд, ҳама зада месӯхт [122, 82]. *I was burning both inside and out and I felt as though red nails had been hammered into me* [144, 107].

I am a little giddy," he said in a curiously faint, dull tone. "Perhaps I was too much in the sun this morning [176, 18]. *Сари ман чарх зада истодааст, шояд ман имрӯз аз ҳад зиёд дар офтоб гашта бошам* [127, 19].

В данном примере таджикский перевод не совпадает по значению с английским предложением. Английское предложение «*Perhaps I was too much*» таджикский переводчик перевел как «*шояд ман имрӯз беш аз ҳад*», где пропущено английское слово «*morning*» и вместо его он использует «*имрӯз*», содержание которого не соответствует в таджикском языке. По нашему мнению, перевод данного предложения будет таким:

Сари ман чарх зада истодааст, шояд ман ин саҳар аз ҳад зиёд дар офтоб гашта бошам.

В таджикском языке предположительное наклонение глагола выражает предположение возможности совершения действия основного глагола. «Формальное выражение предположительного наклонения находит свое отражение в языке, на основе отнесенности к содержанию каждой конкретной темы в прошлом, настоящем и будущем. Определение каждого из них в зависимости от конкретной ситуации» [49, 152]. Глагол "**быть**" может использоваться в форме предположительного наклонения. Означать, что значение возможности часто присутствует в настоящем времени и иногда в будущем времени. Например:

Эҳтимол ҳарошидани занҷир ба дасти ман нафорида бошад [127, 248].
Possibly the pressure of the iron has not done in much [176, 258].

В английском языке предположительное наклонение (*The Suppositon Mood*) используется для выражения действия, которое мыслится со стороны говорящего, возможно, произойдет в будущем, однако уверенности в действительности этого действия нет. Например:

I thought perhaps God would help me [176, 10]. *Ман фикр кардам, ки шояд худо бар ман мадад кунад* [127, 14].

Perhaps his unhappy childhood had taught him to conceal his thoughts and emotions and had made him so reserved [145, 87]. *Шояд айёми кӯдакии ятимонааш ба ӯ пинҳон доштани фикру эҳсосотро омӯхта, ӯро ин қадар камгони эҳтиёткор гардонида бошад* [141, 70].

Степень предположительного наклонения (*The Suppositional Mood*) связана с временным планом высказывания, но не полностью от него зависит, и образуется при помощи модального глагола **should** для всех лиц и инфинитива смыслового глагола без частицы **to**.

Martin decided that the poem should be print [146, 325]. *Мартин қатъӣ қарор дода буд, ки достон бояд чоп шавад* [132, 310].

Предположительное наклонение используется в придаточной части сложноподчиненного предложения: Обычно после слов, выражающих

необходимость совершения действия в предположительном наклонении, названным глаголом употребляются такие фразы, как:

It is desirable-матлуб аст, хуб аст, хуб мешуд;

It is recommended-тавсия мешавад, ки;

It is necessary-зарур аст, лозим аст, воҷиб аст;

It is important-муҳим аст, зарур аст;

I recommend-ман тавсия медиҳам;

It is suggested-маслиҳат дода мешавад, ки;

I suggest-ман пешниҳод мекунам;

I demand -ман талаб мекунам, ман мецоҳам ;

It is ordered-фармуда мешавад, ки;

I order-ман фармон медиҳам и др.

В предложениях с двумя инфинитивами со связочным глаголом форма сослагательного наклонения образуется постановкой этого глагола в форме данного наклонения. В сопоставляемых языках, сослагательное наклонение выражает такое действие, которое считается возможным при определенных условиях, желательным, предполагаемым со стороны говорящего. Например:

Лекин бояд мехоста бошед, ки пули онҳоро рӯзе чанд дар хариду фурӯши худ кор фармуда чаллонда, ба манфиати худ фоидаи барзиёд ёбед [125, 16]! *You probably just want to invest the money you got for my skyl caps in your business to get a profit* [143, 158].

He would have suffered very much less if we had known of it earlier [176, 148]. *Ба ҳар ҳол агар мо пештар дар бораи бемории ӯ огоҳӣ меёфтем, ӯ албатта камтар азобро мекашид* [127, 159].

Известно, что система форм сослагательного наклонения в английском языке представляет сложную систему модально-временных форм в отличие от соответствующей грамматической категории в таджикском языке.

Для правильного употребления форм сослагательного наклонения в речи необходимо знать синтетические и аналитические формы глагола, выражающие одни и те же грамматические значения нереальности, а также существенные признаки, которые регулируют их употребление в условиях естественного общения и, выделяя основные характеристики действий в передаваемых сообщениях, требующих выражения различными формами сослагательного наклонения. Рассмотрим следующие примеры:

Аҳмад агарчӣ ягон мактаби мунтазами фанниро тамом накарда бошад ҳам, бо таҷриба ва мутолиаҳои худ яке аз донишмандони илми тарбия шуд [122,106].

Even though he never completed a regular secondary education, Ahmad became through his own experience and studies a leading educationalist [142, 28].

Now he was riding toward her on his Yakbarian horse and smiling as though nothing had ever happened [153, 18].

Акнун Алимшох, дар болои як аспи яхборӣ ба тарафи ӯ меомад ва табассум мекунад, гуё дар байни онҳо чизе рӯй надода бошад [134,7].

Затем рекомендуется перейти к анализу этих действий по модальным, временным характеристикам, а также по признаку зависимости действий друг от друга.

С точки зрения говорящего, действия в предложенных ситуациях имеют различные характеристики и поэтому в английском языке выражаются разными глагольными формами сослагательного наклонения. Так, например:

Probably he had not been so comfortable in many years [153, 414]. *Шояд хеле соҳо боз ӯ ин тавр роҳат ва фарогатро надида бошад* [134, 307].

Perhaps she didn't come [152, 162]. *Шояд Мейбл ҳанӯз аз кор наомада бошад* [133, 207].

Следовательно, в таджикском языке сослагательное наклонение (конъюнктив) представляет собой целую систему форм, в которую входят

четыре видо-временных форм, и каждый из них имеет свое значение.

1) Настояще-будущее время сослагательного наклонения, или аорист (**шунавам**).

Чунки дар он раста ояндагони Когон аз дур намоён мешаванд, шояд дар он роҳ ба мудир ё ходимони аз Когон ояндаи бонк вохӯрда, аз онҳо ягон хабари тасаллибахше шунавам [125, 156]. *That way, I can see if anyone is coming from Kagan a long way off Perhaps I'll meet up with one of the people from the bank along the way, and I'll be able to find out something about the director* [143, 372].

2) Прошедшее время сослагательного наклонения - шакли замони гузашта (**нашунуда бошам**).

Ман ба ин суханони Қоришикамба чизе нагуфтам ва гӯё, ки сухани ӯро нашунуда бошам, худро ба нофаҳмӣ задам [125, 18]. *I didn't answer Kori-Ishkamba but pretended I didn't hear him, anything in the words of Kori-Ishkamba, and as if I did not listen to him* [143, 201].

3) Вневременная длительная форма сослагательного наклонения - шакли гузаштаи ҳикоягӣ (**мешунуда бошанд**).

Гӯё ки афсона гуфтани ӯро мешунуда бошанд, ором нишастанд [130, 544]. *As if they were heaving his tale, they sit quietly.*

4) Определенная или соотнесенная форма сослагательного наклонения – шакли замони ҳозираи давомдор (**мешунуда истода бошам**).

Ман, ҳарчанд тамоми ҳикояти ӯро пештар шунуда бошам ҳам, худро чунон вонамудам, ки гӯё акнун мешунуда истода бошам [125, 141].

I acted as if this was the fist I had heard of these events, expressed my sympathies [143, 350].

Сослагательное наклонение в таджикском языке отражается в модальных словах и частицах, таких как: «**мон//монед, биё//биёед, бигзор//бигузored, бояд//бояд, ки, мебоист, ақалан, майлаш, кошки//кош, нахонд//нахонд, ки, кани, даркор, чи** и т.д. Они служат для выражения самых различных взглядов в речевом общении» [26, 206]. Например:

Акнун мола зада заминро ҳамвор кардан даркор буд [126, 14]. The next job was to level off the soil with a harrow [144, 13].

Кошки неш аз падарат мемӯрд, шояд, ки ӯ зинда мемонд [126, 19]. Had she died before your father perhaps he would have lived [144, 19].

Нисо хаёл мекард, ки бояд Бандаишоҳ, гӯшти қоқ, ва кулчаҳои арзанӣ оварда бошад [134, 22].

Nisso supposed that Bondayosho had brought back foot, perhaps some boiled goat's meat or some cakes [153, 37].

В таджикском языке сослагательное наклонение определяется категориями лица: «*хонданӣ ҳастам, хонданӣ ҳастӣ, хонданӣ аст// хонданист; хонданӣ мебошам, хондани мебошӣ, хонданӣ мебошад, хонданӣ мешавам, хонданӣ мешавӣ, хонданӣ мешавад*» [26, 207], такое отношение, которое имеет перфектное значение и указывает на отношение говорящего к действию, выраженному данной формой глагола *Perfect*.

Оно обозначает действие, которое не совершено или не будет совершаться, так как говорящий не уверен в совершении подобного действия. Например:

Аммо гумон мекунам, ки дар байни онҳо гуфтушуниди барзиёд бояд нашуда бошад [125, 16]. But I doubt it was anything serious [143, 197].

Бале ҳазрат, ман гумон карда будам, ки шояд каме ба ақлаш омада бошад [127, 272]. I hoped he would be a more amenable to reason now [176, 280].

В подобных ситуациях словоформы аудитивного наклонения выражают предположительное действие в прошедшем или будущем времени. Так, например:

Ҳама гумон мебаранд, ки ӯ шояд, аз ягон ҷои боз ҳам дуртаре омада бошад [134, 119]. It seemed most likely that he come from farther away [153, 164].

"I was only going to say--it seems to me almost a pity that the Church should forbid priests to marry [176, 17].

Ман фақат меҳостам бигӯям, ки... ба гумони ман. Хело таасуф аст, ки дини мо рӯҳониён зан гирифтавро манъ мекунад [127, 18].

Одной из существенных грамматических выражений ирреальности в сопоставляемых языках является условное наклонение и его грамматическое значение.

Введение понятий системы наклонения и его упорядоченность, структурно - функциональное значение при рассмотрении особенностей языков и её внутренней модальности, обеспечивающей функционирование в языках в качестве средства выражения условного наклонения, способствуют появлению выражения ирреальности.

Часть из них в таджикском языке представляет действие как проблематичное, т.е. говорящий не знает, произойдет оно или нет в недействительности или действительности. Например:

Ман аз ҳамаи ин гуфтугӯзорҳо чизе нафаҳмидам дар ҳайрат будам ва дар дили худ фикр мекардам: «Агар ин одам чанд ҳучраи зархарид дошта бошад, пас чаро зиндагони худро, ҳатто пули мӯйсараи ро ба болои ертиши мурдагон мондааст, ки ин кори гадоёни бекасуқӯй аст, на пешаи одами сарватманди чандин ҳучрадор» [125, 12]?

Without understanding anything and surprised by what I had a few cells to rent, then why does he have to depend on funeral alms to get money for food and to pay the barber his pittance [143, 193]?

Другие формы выражают действие, противоречащее реальности, т.е. действия, которые не могут быть выполнены:

-Корамро ба худашон мегӯям.... Кай ба хона меомада бошанд?
-Он кас бевақт меоянд, гоҳо то нимаи шаб ба хонаҳои ошноҳшон мегарданд... [125, 31]

"I'll tell him when I see him... When do you expect him?"

"He won't be back till late... "Sometimes he stays at his acquaintances' till after midnight" [143, 220].

Қориамак, пули мӯйсар чӣ шуд? Гӯён сартарош аз пуштаи овоз дод.

Дар оянда пули ду мӯйсарро якҷоя медиҳам [125, 12].

Uncle Kori! You haven't paid for you shave! The barber shouted after him. Just add it to what I'll pay you the next time [143, 194].

В таджикском и английском языках семантика условного изъявительного наклонения имеют тесную взаимосвязь между собой. Например:

"He must have had bad news," flashed through Arthur's mind, as he looked anxiously at the haggard face [176, 30]. *Артур ба рангу рӯи хираи Монтанелли нигоҳ карда аз дилаш гузаронд, ки «ӯ шояд аз ягон коре хабардор шудааст»* [127, 33].

Ҳақиқатан ҳам аз печҳои дастори Қоришикамба гӯё, ки дар вай дастмолҳои дегшӯиро печонда баста бошад, тасма-тасма чиркҳои равғанолуд намоён буд [125, 10].

True, the turban looked very much like a rag which had been used to clean the cauldrons in the kitchen: there were streaks of grease in every fold and on all the tassels [143, 190].

В сопоставляемых языках значение сослагательного наклонения определяется как значение возможности, предположительности. Рассмотрим следующие примеры:

I didn't know poetry could have politics in it [152, 113]. *Ҳаргиз ҳаёл намекардам ки назм гояҳои сиёсиро ин тавр хуб ифода карда метавониста бошад* [133, 143].

Атрурро дар яккахона ҳабс намуда ва танҳо нигоҳ медоштанд. Агарчи посбонии ҳабсхона ба қадре, ки Артур гумон мекард, сахт набуд, лекин ҳамин тавр бошад ҳам ӯ дар бораи сабабҳои ҳабс шудани худаш ҳеҷгуна маълумоте ба даст оварда наметавонист [127, 49].

He was kept in solitary confinement, and, though the vigilance of the warders was less strict than he had expected, he failed to obtain any explanation of the cause of his arrest [176, 46].

She was made of different stuff But she might be very miserable; she was so young, so friendless, so utterly alone among all those wooden people. If only mother had lived [176, 29].

Ў тамоман одами дигараст, вале мумкин аст, ки ӯ бадбахт гардад. Ў ин тавр духтари ҷавонаст, ҳеҷ дугонае надорад ва дар байни он одамони камҳисси кӯтоҳандеи вай танҳост. Лоақал модари ӯ зинда мебуд ҳам боз як гап буд [127, 31].

Употребление форм выражения условного наклонения необходимы в следующих случаях:

«В дополнительных придаточных предложениях, если сказуемое главного предложения выражено глаголом побудительного значения, т. е. после таких глаголов и выражений, как: *to propose, to demand, to urge, to order, to give instructions, to require, to request*» [175, 6], *предлагать, требовать, побуждать, приказывать, давать инструкции, требовать, запрашивать, пешниҳод кардан, талаб кардан, дархост кардан, фармон додан, сунориш додан, талаб кардан, дархост кардан* и некоторых других.

В дополнительных придаточных предложениях в таджикском и английском языках, если сказуемое главного предложения содержит прилагательное побудительного характера: *necessary*– *зарурӣ-необходимый, important* – *муҳим-важный, essential*-*ҷудонопазир-неотъемлемый, urgent-таъҷили* – *срочный, advisable*-*лоуқ-достойный, desirabl*-*дилхоҳ*- *желанный* и некоторых других. Например:

The only use to which I should ever put such a privilege would be to interfere in case of any violence to you which was not necessary to prevent you from doing violence to others [176, 246].

Ман таъсири худро кор фармудам, монеи ҳаргуна зӯриш дар ҳаққи шумо шаванда хоҳам гардид, ки вай барои пешгирии тааддии шумо ба дигарон лозим намебошад [127, 251].

Союзные слова, присоединяя придаточное предложение к главному, в то же время выступают членами предложения, такие как: *which* – *кадом* –

который; *whose* – аз они (моли) *kū-чей*, *what* – чӣ-что; *who* –ки- кто, кадом-который; *that* – он вақт, он гоҳ, дар он сурам - то; *how* – чӣ тавр, чӣ гуна, чӣ хел, ба кадом шакл-как; *when* – кай - когда; *where* – дар куҷо, куҷо-где, куҷо, ба куҷо, ба кадом ҷо-куда; *why* – чаро, аз чӣ сабаб, ба сабаби чӣ, ба чӣ сабаб- почему. Рассмотрим следующие примеры:

What if he should see it in a dream? He recovered himself immediately and knelt down before the crucifix to pray [176, 247]. Агар ӯ дубора вайро дар хобаи бинад, чӣ мешавад? Вале ӯ зуд ба худ омад ва дар назди салиб зону зада ибодат ба ҷо овард [127, 253].

He says things which need saying and which no one of us have had the courage to say [176, 105]. Ӯ маҳз ҳамон чизро мегӯяд, ки бояд гуфта шавад ва ҳол он ки ҳеҷ яки мо ба гуфтани он ҷуръат намекунем [127, 114].

Предложения с глаголом "**wish**" часто соответствуют таджикским предложениям, выражающим сожаление. Например:

But I wish you could have accepted the invitation of your English doctor friend [176, 4]. Аммо таассуф, ки ту таклифи рафиқи худат, духтури англисро қабул накардӣ [127, 6].

В данном предложении таджикский переводчик перевёл слова «**But I wish**», и «**accepted**» первые слова «**аммо таассуф**» второго «**қабул накардан**», содержание которых не соответствует их значению. Если мы переведём слова «**аммо таассуф**» на английский язык, они переводятся как «**what a pity**» или «**accepted**», на таджикском языке соответственно будет «**қабул кардан**». На наш взгляд, перевод данного предложения на таджикский язык будет более понятным, таким образом:

Аммо мехостам, ки ту таклифи рафиқи худат, духтури англисро қабул мекарди.

Условные предложения вводятся следующими союзами и союзными словами: *if* - если-агар, *if only* – если только-агар танҳо, *even if* - ҳатто агар -даже если, *in case (that)* - дар ҳамон маврид агар- в том случае если; *even though* – ҳатто - агар даже если. Например:

The old woman held him as if she would never let him go [152, 29]. Модар тисари худро чунон оғӯш менамуд, ки гӯё намерхост ӯро як лаҳза ҳам сар диҳад [133, 39].

And you think that if he were not here there would be no such danger [176, 267]? Пас, шумо фикр мекунед, ки агар Риварес набошад, хавфу хатар худ ба худ нест хоҳад шуд [127, 273]?

По мнению Н.И Черенковой, «в устной и письменной речи, в английском языке используют 3 способа выражения своего отношения к условиям совершения событий: реального, маловероятного и абсолютно нереального» [70, 204].

Условные предложения можно распознать при помощи следующей словоформы-индикатора:

If- агар

Provided- ба шарте, ки

In case- дар ҳолате, ки и др.

Следует отметить, что «суть данной условности в том, что описываемое в предложении событие, которого на самом деле нет, могло бы, в принципе, иметь место либо в настоящем, либо в будущем времени» [70, 205]. Сопоставим примеры в таджикском и английском языках:

Боқимондаи шаш нафар ба ман чунон муомила мекарданд, ки гӯё ман гуломи падари онҳо бошам [126, 36]. But the other six treated me as if I were their hereditary slave [144, 42].

His face flushed, his jaw set and unconsciously hands clenched, unclenched, and clenched again as if he were taking fresh grips upon some hateful things [146, 326]. Ду бари рӯяш алав бароварда чашмонаш мекурахшиданд ва гӯё ба касе таҳдид мекарда бошад, беихтиёр мушт мефушурд [132, 312].

There are very few young men who will give much trouble if proper consideration and respect for their personality are shown to them. But, of course, the most docile horse will kick if you are always jerking at the rein [176, 29-30].

Агар ба ҷавонон эҳтироми муайяне зоҳир кунед, онҳо калонҳоро хело кам таъвиш медиҳанд, вале албатта, ҷилавро дам ба дам кашидан гиред, ҳаргуна асти ором ҳам найрангҳои тоза эҷод мекунад [127, 32].

В исследуемых языках есть группа модальных глаголов, которые выражают не действия, а только отношения к ним со стороны говорящего. «С их помощью говорящий показывает, что он считает то или иное действие возможным или невозможным, обязательным или ненужным, вероятным или неправдоподобным и т.д.» [28, 106].

В таджикском языке данные глаголы могут представлять значение ирреальности: *мегуфтанд, бошад, будагист, дидагист, пухтагист, истодагист, хӯрдагист, баромадагист, мекарда бошад, бас будагист, бас кардагист, кардагистанд, нанишастагист, мекардагӣ, медонистагист, мерафтагист, мепаридагист, медаромадагист, меомадагист, мебудагист, омадагист, накардагист, набудагист, набудагистанд, меишнохтагистед, мерафтагистед, медаромадагистед, ғанзанон мекардагистед, хабардор мегардагистед* и т.д., а в английском языке модальные глаголы: *can, may, must, should, ought, shall, would, need, to be, will, dare* и др. Приведём следующие примеры:

«Агар аз паррандагон ниғаҳдорӣ карда метавонистӣ, чил ман ҷувори сафед мегирифтӣ», мегуфтанд [126, 23]. 'if you had been able to keep the birds off it you would have had forty maunds of ripe jugara,' they told me [144, 23].

Баъд аз ин ҳодиса Қозӣ Шарифҷон ба ман на ба хизматгори собиқи худ, балки гӯё ки ба як одами баробари худ муомила мекарда бошад, бо эҳтиром ва эҳтиёт муомила мекардагӣ шуд [126, 63]. From that day Qazi Shariffjan no longer treated me as his servant but as his equal, that is, with courtesy and respect [144, 71].

If my teaching has been worth anything you will go to your people and help them to learn, to live [152, 57]. Агар таълимоти ман бар шумо нафъ расонда бошад, пас шумо ба назди ҳамқавамони худ баргашта ҳаёти ҳақиқиро ба онҳо омӯzed [133, 76].

При определении морфологических особенностей и значений модальных глаголов в таджикском и английском языках выделяются разные мнения учёных, и показывают отношение сообщения с точки зрения говорящего к действительности. «Другой отличительной особенностью является расположение относительно основного глагола. Место модальных глаголов в таджикском языке строго не фиксировано, они могут отдалиться от основного глагола, (расположиться в начале, в середине предложения), при этом, не меняя своего лексического значения. Однако в английском языке место модальных глаголов в предложении строго фиксировано, они употребляются в препозиции к основному глаголу» [79, 151].

Н.И. Черенкова в своей книге “Pragmatic English Grammar” отмечает, что «модальные глаголы существуют в языке для того, чтобы выразить отношение долженствования, возможности или способности и даёт разъяснения по поводу грамматических глагольных форм индикаторов группы модальных глаголов» [70, 108].

Кроме того, их объединяет отсутствие формы либо будущего времени, либо прошедшего, либо вместе взятых, но для того чтобы выражать важные отношения в реальной жизни, долженствование, возможность или способность – все эти глаголы приобрели себе заменителей, также выражаемых соответствующими грамматическими глагольными формами-индикаторами.

Модальные глаголы в английском языке, в отличие от таджикского, не имеют формы инфинитива. Они имеют ряд других свойств, присущих только им:

- 1) Они не имеют неличных форм, образующихся путем прибавления *-ed, ing*;
- 2) образуют только простые временные формы Present, некоторые Past Indefinite;
- 3) не принимают окончания *-(e) s* в третьем лице единственного 1 числа;
- 4) образуют вопросительную и отрицательную формы Present и Past

Indefinite без вспомогательного глагола «*do*»;

Модальные глаголы занимают особое место в определении значения ирреальности. Они не употребляются в повелительном наклонении в таджикском языке, а в изъявительном-в английском. «Еще один отличительный признак заключается в образовании отрицательных и вопросительных форм модальных глаголов в английском языке, за исключением "**to have**", что образование этих форм отличается от других глаголов в данном языке. Этого свойства не имеют модальные глаголы в таджикском языке» [79, 151].

Модальными глаголами таджикского языка являются "*тавонистан*", "*хостан*", "*боистан*" и "*шоистан*". В своих бесценных трудах В.С. Расторгуева, А.З. Розенфельд, Д.Т. Таджиев, С.Д. Арзуманов, Б. Сиеёв, И.Э. Содик дают ясное определение модальным глаголам.

По мнению таджикского лингвиста Б. Сиёева «Модальные глаголы- это группа глаголов, имеющие свои лексические значения, которые не обозначают ни действия, ни состояния, а лишь изъявляют модальные отношения говорящего к совершению действия основного глагола» [61, 87].

Модальный глагол "*ёрастан*", который выражает возможность совершения действия, подвергался анализу ученым Б. Сиёевым, но не было раскрыто его употребление [61, 88].

В таджикском языке модальные глаголы разделены по грамматическим свойствам на две группы:

1. Группа спрягаемых модальных глаголов, к которым примыкают глаголы "*хостан*" и "*тавонистан*".

Аввал бояд ту «сирри пинҳонии худ»-ро ба ман фаҳмонӣ, то ин ки ба ин кор ҳамроҳӣ карда тавонистан ё натавонистани худро ман пешакӣ мулоҳиза карда бинам [125, 41]. *First you have to tell me what's going on so I can decide if I can help you or not* [143, 255].

Аммо Раҳими Қанд, ки ягона навозанда буд ва то нимаи шаб беист ва бедамгирӣ танбӯрнавозӣ кард, дигар ёрои ба тор нохун заданаи намонд ва вақте

ки ўро боз ба навохтан водор кардан хостанд [125, 22]. *But Rakhimi was the only musician, so he played without a break until ar into the night. Finally he was so exhausted, he could play not more, despite the requests of the students* [143, 207].

2.Группа неспрягаемых модальных глаголов, к которым относятся модальные глаголы **"боистан"** и **"шоистан"**.

Тӯйи калон мебоист дар Бухоро, дар ҳавлии калони гузари Арабон будагӣ, мешуд [130, 125]. *A big marriage must have been at Bukhara in the big yard of Arabon.*

“Гуфт шоистӣ, ки пайгамбар инро дӯст боздоштӣ” [61, 97]. *They said perhaps the prophet will like it.*

«Общая характеристика модальных глаголов сводится к тому, что они являются модальными по значению, служебными по функции, недостаточными по форме, и в системе глагола они занимают промежуточное положение между полнозначными (смысловыми) и служебными глаголами» [79, 8]. Кроме указанного выше, общего для всех модальных глаголов, значения (отношения субъекта к выполняемому им действию), каждый модальный глагол имеет свое собственное значение. Причем конкретное значение каждого модального глагола может расцениваться по аналогии, но в таджикском языке, двояко: значение модального глагола может выражать сомнение или полную уверенность.

«Следует отметить, что модальные глаголы в английском языке не имеют неличных форм глагола, за исключением **"to have"** и **"to be"**. Однако в таджикском языке наличие неличных форм отражено в модальных глаголах **"тавонистан"**, **"хостан"** и **"бояд"**. Модальный глагол **"шояд"** также не имеет неличных форм глагола, как его аналог **"may"**» [79, 151].

Модальный глагол **"тавонистан"** в таджикском языке является спрягаемым глаголом, и он переводится на английский язык, как **can, be able, know**. Этот глагол выражает отношение возможности или невозможности. Например:

Фақат кӣ будани ӯро медонам ва метавонам, ки дар яке аз кӯчаҳо ӯро ба ту нишон диҳам [125, 8]. *But I know what he looks like and can point him out to your* [143, 187].

Модальный глагол "**хостан**" выражает отношение возможности совершения действия. И переводится на английский язык, как **to want, to wish, to desire**. Например:

-Ман мехостам, ки чанд пул доштани шуморо ва дар куҷо мондани он пулҳоятонро фаҳмам [125, 34]. *I wanted to find out how much money you have and where you keep it* [143, 225].

Модальные глаголы "**шояд**" и "**бояд**" в таджикском языке являются неспрягаемыми глаголами. Глагол "**шояд**" выражает отношение возможности совершения действия, а глагол "**бояд**" выражает необходимость. Например.

Аттор шояд маро ҳамроҳи Қоришшамба гумон карда бошад, ки ба ман чизе нагуфта ва аз ман чизе напурсид [125, 19]. *The shopkeeper evidently took me for some hanger-on of Kori -Ishkamba, for he did not ask me anything or even speak to me* [143, 202].

-Бояд аз касе, ки мардум ба ӯ лақаби «Ишамба»-ро сазовор дидаанд, умеди хайре карда нашавад [125, 8]. *It wouldn't do to place my hopes on a man with such a nickname* [143, 187].

К числу модальных в английском языке относятся 11 глаголов: "**can**", "**may**", "**need**", "**must**", "**to be**", "**shall**", "**should**", "**would**", "**ought**", "**will**" и "**dare**".

"**Can, could**" (форма прошедшего времени); формы будущего времени не имеет. Употребляется для выражения умственной или физической возможности. Переводится: "**can**" – метавонам, могу, умею; "**could**" - мог, умел. Например:

"*Cesare, how can you get such fancies into your head*" [176, 181]? *Чезаре, чӣ гумонҳои бад ба сари шумо меояд* [127, 192]?

Необходимо запомнить устойчивое сочетание с глаголом "**can**": I (**he, you...**) (**can't**):

"Why? Good God, man, can't you see why" [176, 220]? Барои чӣ? Худовандо, магар худи шумо намедонед [127, 224]?

Не мог не сделать чего-то. Например:

"Dear Cesare, I can't keep clear of him; and I can't explain to you why [176, 181]. Азизам Чезаре, ман аз вай худамо канор кашида наметавонам ва сабаби инро ҳам ба шумо баён карда наметавонам [127, 192].

Can, имеет следующие формы:

can – настоящее время (может, могу и т. д.)

He can be your friend too [149, 22]. Вай рафиқи шумо ҳам буда метавонад.

could – прошедшее время (мог, могла, могло, могли)

could – сослагательное наклонение (мог бы, могли бы и т. д.)

If you could have seen his face after I struck him, Cesare, you would not think that [176, 125]. Агар шумо рангу рӯи ӯро дар ҳамон дақиқае, ки ман ба рӯяш задам, медидед, шумо ҳозир ин хел намегуфтед, Чезаре [127, 128].

1) В значении «Способность, умение» (**Ability, Capability**) форма **could** может выражать ирреальность / проблематичность:

а) Форма "**could**" является формой прошедшего времени, если используется в контексте прошедшего времени. Например:

Gemma could find nothinge either witty or skilful [176, 133]. Чемма дар вай ягон чизи мароқнок ва хандаоварро намедид [127, 143].

б) Форма "**could**" является формой сослагательного наклонения, если она употребляется в контексте настоящего или прошедшего времени. Например:

She could not find, in her over whel ming pity for him, one word to say [176, 79]. Вай ягон калима сухани тасаллибахш пайдо карда натавонист, ки гӯяд [127, 146].

Whether any use could be got out of it was quite another question [176, 182]. Аз дӯстӣ бо вай ягон фоидае ба даст овардан мумкин аст ё не, ин масъалаи дигар буд [127, 193].

2) В отрицательных предложениях форма "**can**" может выражать невероятность (**Improbability**): Например:

Are all your fellow-men rats in your eyes if they cannot think as you do [176, 243]?

Наход шумо тамоман он касонеро, ки ақида ва маслаки шуморо қабул намекунад, калламуи мешуморед [127, 248]?

May I not expect the same courtesy from you, or do you wish me to suppose that an atheist cannot be a gentleman [176, 244-245]?

Ё шумо мехоҳед бо ҳамин ба ман исбот намоед, ки одами даҳрӣ ҷентлмент шуда наметавонад [127, 250]?

3) В вопросительных предложениях форма "**can**" может выражать неуверенность или сомнение (**uncertainty, doubt**). Например:

Oh, how could she have thought such a thing [176, 99]! *Оҳ, чи тавр ӯ чунин фикр кард* [127, 168]!

Must – бояд, должен, должно быть. «Глагол **must** имеет только одну форму. Действие, выраженное инфинитивом в сочетании с **must**, может относиться к настоящему или будущему времени» [16, 79]. Формы прошедшего времени не имеет; отрицательная форма **must not (mustn't)**. При согласовании времен, форма "**must**" не меняется. Например:

But you must promise me to take a thorough rest when your vacation begins this summer [176, 5]. *Вале ту бояд ба ман ваъда диҳӣ, ки дар вақти таътили тобистона хуб истироҳат мекунӣ* [127, 3].

But you must not be impatient, my son; it matters just as much what you do, whether people hate you or love you [176, 6]. *Вале фақат ту нурсабр бош, азизам. Ҳамеша бо одамон, хоҳ туро нагз бинанд ва хоҳ бад, муносибати хуб доштан лозим аст* [127, 8].

That is very curious. There must be something remarkable about him [176, 240]. *Бисёр аҷиб аст. Чунин одам бояд як хусусияти ғавқуллодае дошта бошад* [127, 244].

В качестве заменителей модального глагола "*must*" употребляются несколько пассивных конструкций, каждый из них со своим лексическим оттенком: *to be compelled (to)* - *принужден, вынужден*; *to be obliged (to)* - *должен, обязан*; *to be bound (to)* - *обязан*; *to have got (to)* - *вынужден принужден*. Например:

I was obliged to stupefy him with opium in the night--a thing I hate to do with a nervous patient; but I had to stop it somehow [176, 142]. Ман барои каме осуда кардани вай шабона ба нӯшонидани афюн маҷбур шудам. Агарчи ба беморони асабӣ афюн доданро бад мебинам, аммо чӣ кунам, ба вай қадре оромӣ додан лозим буд [127, 153].

"No; he seems to have got something more interesting on hand, and can't come, or doesn't want to" [176, 141]. Нест, вай бо ягон коре, ки аз ин ҳам заруртар бошад, машғул будагӣ барин. Ба маҷлис омада наметавонад ва ё омадан намехоҳад [127, 151].

But then, you know, when we found out that my father had cancer I was obliged to come to myself--there was no one else to nurse him [176, 117]. Вале баъдҳо падарам бемор шуда монд. Азбаски гайр аз ман ягон каси нигоҳубинкунанда надошт, ман маҷбур шудам, ки худро ба даст гирифта ба бемор нигоҳубин кунам [127, 127].

"Has it never occurred to you that that miserable clown may have a soul--a living, struggling, human soul, tied down into that crooked hulk of a body and forced to slave for it "[176, 134]?" Наход, ки ҳеҷ вақт ба фикратон наомада бошад, ки ҳамин масхарабози бадбахт низ рӯҳ дорад - рӯҳи зинда ва муборизакунандаи одамӣ дорад, вуҷуди баднамои ӯ он рӯҳро дарбар мегирад ва ӯ маҷбур аст, ки барои вай меҳнат кунад [127, 14]?

Как лексический заменитель модального глагола "*may*" в значении «разрешаю» употребляются пассивные конструкции: *to be allowed (to)*, *to be permitted (to)* «разрешено». Например:

She very seldom allowed herself to look at them [176, 169]. Ӯ барои кофтан ва гирифтани ин чизҳо, ки гузаитаро ба хотир меоваранд, камтар майл

мекард [127, 181].

Not being allowed books, he spent his time in prayer and devout meditation, and waited without impatience or anxiety for the further course of events [176, 46].

Азбаски ба китобхонӣ иҷозат дода намешуд, ӯ вақти худро бо тоату ибодат, бо ҳаёлҳои худҷӯёна ва бо сабурӣ гузаронида, ҷараёни ояндаи ҳодисаҳоро нигарон мешуд [127, 49].

Самыми широко употребительными заменителями модального глагола "**must**" являются глаголы "**to have**" и "**to be**" в модальном значении.

Глагол "**to have**" (доштан, иметь, обладать) употребляется в качестве вспомогательного глагола для образования всех времен группы Perfect в сочетании с формой Past Participle. «Глагол **to have**, употребленный в качестве модального, выражает необходимость или обязательность совершения действия, обусловленного обстоятельствами» [16, 84]. Например:

He may have secret authorization from the Vatican [176, 263]. Шояд ӯ дар ин бора аз Ватикан дастури махфӣ гирифта бошад [127, 254].

You have been sleeping like the beauty in the fairy story for the last ten hours; and now you are to have some broth and go to sleep again [176, 146]. Шумо ҳамчун моҳрӯёни афсонагӣ даҳ соат хобидед. Ҳоло шумо оби шурборо хӯрда бояд боз хоб равед [127, 187].

Farther Cardi knew quite well with what kind of penitent he had to deal [176, 35]. Падар Карди хело хуб медонист, ки ӯ бо кӣ сару кор дорад [127, 39].

Ought (to) - 1) должен, следует, обязан: *I am sure His Holiness ought to feel flattered...* "Grassini began contemptuously" [176, 78]. Авфи умумӣ кори бисёр нагзи ӯст. Грассини бо хандаи истеҳзо суҳанро бурид [127, 86].

You ought to go home to bed; little boys have no business out of doors at night; you'll be quite frozen [176, 135]. Ба хонаатон рафта ба катчаи худат хобкун. Бачаҳои хурдсол набояд шабона дар кӯча гарданд. Ту бисёр хунук хӯрдаӣ [127, 146].

Модальный глагол "**ought**" в английском языке имеет только одну форму, который используется в контексте в настоящем времени. Модальное значение

допущения, возможности передается контрукцией предложения, то есть риторическим вопросом. Например:

You ought to get into San Lorenzo before the people are up in the morning [176, 218]. *Шумо бояд ба Сан Лорензо пеш аз он ки одамон дар саҳар ба онҳо мераванд равед* [127, 46].

Vicenza hasn't sent those cartridges and they ought to have been here yesterday [176, 237]. *Виченсе ба мо то ба ҳол напшон наовардааст, ва ҳол он ки се рӯз пеш аз ин дар ин ҷо будани ӯ лозим буд* [127, 242].

Need –бояд, лозим, нужно; выражает совет: *"Oh, you needn't have any doubt of that"* [176, 129]! *Дар ин бора хотирҷамъ шудан лозим аст* [127, 76]!

В таджикском языке перевод этого предложения не соответствует английскому. Переводчик нарушил содержание предложения, просто добавив свой вариант. Следует отметить, что если мы будем переводить несколько слов, такие как «*you needn't - ту на бояд*», «*have any doubt of that - дар он бора ягон шубҳа дошта боӣ*», они не совпадут с таджикским переводом. Для этого мы предложим наш перевод.

"Оҳ, ту набояд дар он бора ягон шубҳа дошта боӣ!"

В некоторых случаях в английском тексте вместо модальных глаголов могут встретиться их лексические заменители, представляющие собой составное именное сказуемое или сказуемое в страдательном залоге, после которых, естественно, инфинитив употребляется с частицей «*to*».

При этом модальные глаголы выражают активное или пассивное отношение лица к действию и потому, могут употребляться только в сочетании с инфинитивом. Значения модальных глаголов в таджикском и английском языках очень широки. Например:

I wish I had known of all this before - it ought not to have been let go on that way night after night [176, 143]. *Хеле таассуф, ки ман пеш аз ин аз бемории Риварес огоҳ нашудам, ӯро бо ҳамин аҳвол танҳо гузоштан дуруст набуд* [127, 153].

To night there is going to be a great party at Locksley House [149, 8]. Ин беғохирӯзӣ дар бинои Лосклей шабнишини бузург барпо мешавад.

Riccardo said you were to have it if the pain got very bad [176, 145]. Риккардо гуфт, ки агар дард авҷ гирад, ба шумо оби афюн додан мумкин будааст [127, 155].

There you can find these words [149, 41]. Дар он ҷо шумо ин калимаҳоро пайдо карда метавонед.

В значении ирреальности / проблематичность может передаваться с помощью глаголов **can, may, should, to be to, ought to**.

Shall - бояд - должен; употребляется чаще при подлежащих во втором и третьем лице, «с 1-м лицом единственного и множественно числа, являясь только вспомогательным глаголом» [37, 208], и выражает обещание, приказание, угрозу, предостережение со стороны говорящего:

My God! What shall I do [176, 35]? Худовандо! Ман акнун чӣ кор кунам [127, 64]?

If we keep near to the bridge we shall be sure to see him well [176, 113]. Агар мо аз кӯпрук дур наравем, шояд ўро ба хуби дида тавонем [127, 123]."

Should-бояд, следует, нужно (употребляется также обычно с подлежащими во втором и третьем лице). Например:

I should think you might at least have obeyed my express request that you should sit up for us, Arthur," said Julia, sweeping into the room in a to wering passion [176, 63]. Ман гумон мекардам, ки ту ҳеҷ набоишад илтимоси маро баҷо меоварӣ ва то омадани ман нигоҳ карда меистӣ [127, 60].

What should I do without you, Arthur? I should always be losing my things [176, 2]. Бе ту ман чӣ кор мекардам, Артур? Доимо чизҳои худамро гум кардан мегирифтам [127, 4].

"I should not have wished you to stay with your relatives" [176, 4]. Ҳаргиз розӣ намешавам, ки ту бо хешони худ зиндагӣ кунӣ [127, 6].

I like you, and should be glad to give you any help I can [176, 33]. Агар ман ба шумо бо ягон чиз манфиатрасон мешудам, худро бахтиёр ҳис мекардам [127, 36].

Of course I shall be very grateful for your guidance [176, 34]. Албатта ман аз гамхорию шумо беандоза миннатдор хоҳам буд [127, 36].

"Reverend Father, of course I--should be glad; only..." [176, 20]. Падари бузургвор, албата ман бахтиёр мебудам, вале... вале фақат... [127, 36].

Сочетание «**should like** + инфинитив» переводится как **мехостам, мехостам, ки, хотел бы, хотелось бы**:

"If it is really the same to you, I should like to follow the river back to its source" [176, 7]. Агар ин дар ҳақиқат бар шумо монанд бошад, ман мехоҳам, ки дарёро ба манбаъ равона созам" [127, 14].

He wanted to be great in the world's eyes, in order that the woman he loved should be proud of him [146, 202]. Ба дил орзу дошт, ки ба тамоми ҷаҳон шӯҳрат ёбад, то маҳбубааш аз ӯ фахр кунад [132, 188].

"**Should**" для всех лиц/ + infinitive – аналитическая форма субъюнктива. Употребление "**Should**" связано с проявлением не столько желания, сколько воли, что ближе подходит к побуждению. Например:

But I should think even he would not have the audacity to bring her to the Grassinis' [176, 81]. Вале ман фикр намекунам, ки барои ба хонаи Грассини овардани он зан Риварес ҷуръат намекунад [127, 100].

And I should be most heartily glad to have that openly and boldly said, even at the cost of offending or alienating some of our present supporters [176, 109]. Оё ман ба комитет гуфта метавонам, ки шумо ба танқидномаи худатон баъзе дигаргуниҳо дароварда, то як андоза ба мулоимкардани баъзе нуқтаҳои розӣ ҳастед, ё ин ки... [127, 125]?

Then do you suggest that we should print it [176, 104]? Шумо чунин фикр мекунад, ки мо бояд китобчаи ӯро чоп кунем [127, 113]?

Следует подчеркнуть, что модальный глагол **should** выражает нежелательное действие в отрицательной форме с перфектным инфинитивом. Рассмотрим следующие примеры:

It would be impossible to start a newspaper till we can get the press-law changed; we should not bring out the first number [176, 76]. "То он вақте, ки қонуни матбуотро тағйир надиханд, ба нашири газета шурӯъ кардан мумкин нест" [127, 83].

That may be vehemence for Tuscany or Piedmont, but we should not call it particularly vehement in Naples [176, 77]. "Ин шояд барои Тоскан ва Пемонта мизоҷи гарм номида шавад. Вале дар Неапол мо ин хел мулоҳиза намекунем" [127, 84].

In fact, he appears to be so much too good for this world that he ought to be politely escorted into the next [176, 119]. "Аслаи вай барои замини нургуноҳи мо ҳайф аст ва шоиста буд, ки ба дунёи дигар фиристода шавад" [127, 129].

В дополнительных придаточных предложениях после прошедшего времени в главном предложении сочетание «**should** + инфинитив» переводится в будущем времени. Например:

"My son," he said, "God forbid that I should say he has not spoken to your soul [176, 8]. "Фарзандам! Худо нигоҳ дорад, ман намегӯям, ки пайгамбарон ба рӯҳи ту гап зада бошанд" [127, 11].

But I know of no reason why I should not be here alive and safe when you come back [176, 31]. "Вале ман намедонам, ки то ба вақти баргаштани шумо чаро ман зинда ва саломат намонам" [127, 34].

May, might (форма прошедшего времени), формы будущего времени не имеет. «Глагол **may** имеет две формы: в настоящем времени **may** и прошедшем **might**» [16, 77]. Употребляется при выражении говорящим разрешения или сомнения; переводится как: «**мумкин**», «**можно**, **возможно**», «**может быть**».

"**Might**" отличается от "**may**" тем, что выражает еще большую степень сомнения. Например:

"I think," said Fabrizi, "that he might be sounded upon the subject, just to find out whether he would be inclined to think of the plan" [176, 86]. Ба фикри ман, - гуфт Фабрисӣ, неш аз ҳама мо бояд ўро бо нақшаи корҳои худ ошно кунем ва фаҳмем, ки ӯ бо ин нақшаи мо розӣ аст ё не [127, 94].

They could work together, possibly even die together, for the Republic that was to be. The blossoming time of their hope was come, and the Padre would see it and believe [176, 29].

ӯ ба худ тасаввур мекард, ки онҳо якҷоя кор хоҳанд кард. Ҳамроҳ мубориза хоҳанд бурд ва шояд барои озодии оянда ҷони худро якҷоя фидо хоҳанд кард [127, 31]

You may be atheist or agnostic or anything you like, but I could feel the religious temperament in you at five yards [176, 177]. Шумо фикр мекунад, ки барои ман хунрезӣ усули нест кардани амалдорон аст, лекин шумо дар ин фикратон бисёр сахт мекунад [127, 189].

But I may be able to help you in thinking out your plan [176, 174]? Аммо мумкин, ки ман тавонам ба шумо дар бораи нақшаатон ёрӣ расонам [127, 174]?

Try to tell me plainly what is troubling you; and then, if there is any misunderstanding, we may be able to clear it up [176, 189]. Кӯшиши намоед, ки ба ман чизе, бигӯед, он гоҳ агар ягон нодурусти вуҷуд дошта бошад, мо метавонем онро ислоҳ намоем [127, 243].

Употребление формы "**may**" придает всему высказыванию более мягкий характер. Например:

They may not recognize us [176, 133]. Онҳо моро намефаҳманд [127, 241].

It may be all true about Montanelli... [176, 70]. Гапҳои, ки дар бораи Монтанелли ҳақиқат, шояд дуруст бошад [127, 128].

It may be worse later on [176, 85]. Эҳтимол дардам боз қувват гирад [127, 155].

She was, therefore, according to party etiquette, free to make use of the connexion in any way that might seem good to her [176, 182]. Бинобар ин Ҷемма

бо иҷозати партия ҳақ дошт, ки бо ҳаргуна мақсад бо *ӯ гуфтугӯ* кунад [127, 193].

В случае употребления "*may* и *might*" в качестве вспомогательных глаголов сложной формы сослагательного наклонения они обычно не переводятся.

В придаточных предложениях цели:

I tell you that so that you may be careful when you don't want me to know a thing [176, 175]. *Инро ба шумо барои ҳамин мегӯям, ки шумо агар хоҳед, эҳтиёткор бошед, то ин ки ман ягон сирри шуморо доништа нагирам* [127, 187].

Hudodod brought a blot of ticking from the fortress, so that Gulriz might make mattress-cases for the sick and wounded [153, 609]. *Худодод аз қалъа чанд порча чит оварда ба Гулрез дод, ки ҷилди кӯрпа дӯхта... ба тағи захмдорон ва беморон андозад* [134, 460].

Be (to) - должен, надлежит; создается необходимость в связи с существованием определенной договоренности, какого-то общепринятого порядка, расписания и т.д. Глагол «**be**» употребляется в Present, Past и Future Indefinite. Например:

They descended cautiously among the black trees to the chalet where they were to sleep [176, 15]. *Онҳо оҳиста-оҳиста аз байни дарахтзори нимторик гузашта, барои шабхобӣ ба қишлоқча омада дар як хонаи муқаррарӣ ҷойгир шуданд* [127, 16].

«Глагол **to be** в настоящем времени – am, is, are – переводится на русский язык как **должен, должны** и выражает необходимость совершения действия в настоящем или будущем (как и **должен, должны** в русском языке). Глагол **to be** в прошедшем времени – **was, were...**» [37, 197-198]. Модальный глагол **to be** переводится на таджикский язык как **будан, бояд, ҳамроҳ шудан** и т. д. Например:

"We were brought up together; our mothers were friends--and I --envied him, because I saw that he loves her, too, and because... because..." [176, 22].

Мо бо Ҳамроҳии ӯ дар як ҷо тарбия ёфтем. Модарони мо дугона буданд. Ман аз он рақибӣ худам рашик мебудам, зеро медуам, ки ӯ духтаракро нағз мебинад, зеро ки... барои он ки... [127, 40].

Here's nothing to be sorry about [176, 26]. Ғусса нахӯред. Ҳеҷ хавфи ҷуддӣ нест [127, 47].

Am I to be moved into another cell? No; you're to be let out [176, 55].

Магар маро ба хоначаи дигар мекӯшонанд? - Не, шуморо озод мекунад [127, 59].

Firstly, how did you, a foreigner, come to be implicated in matters of this kind [176, 47]?

Якум, шумо ки одами хориҷа ҳастед, ба ин корҳо чӣ тариқа ҳамроҳ шудаед [127, 50]?

"To be" как модальный глагол употребляется в двух формах – **Present** и **Past Indefinite**. Например:

"I dare not work quickly, for fear of detection, and I must not work slowly if we are to be ready in time" [176, 212]. Беи аз ин ҳаракат карда наметавонам, вале агар кор дар мӯҳлати муқарарӣ анҷом ёфтаниш, лозим бошад, сустӣ кардан ҳеҷ мумкин нест [127, 216].

It will have to be so; but I shall probably come back to Pisa, for some time at least [176, 22]. Ман бояд ин ҷойро монда равам, вале боз ба Пизе ҳеҷ набошад муддати кӯтоҳе бармегардам [127, 24].

To be может выражать:

1) предварительную договоренность или обязанность, вытекающую из нее. Например:

Whatever the man had done, he has right to be judged according to law [176, 254]. Ў ҳар чи коре карда бошад ҳам, ҳақ дорад, ки аз рӯи қонун суд шудани худро талаб намояд [127, 244].

2) приказы, указания, распоряжения (часто официальные), например:

"I am to be shot at sunrise tomorrow [176, 315]. Ман фардо бояд субҳгоҳ паронда шавам [127, 276].

3) нечто неизбежное, например:

The Padre was to be the leader, the apostle, the prophet before whose sacred wrath the powers of darkness were to flee [176, 39]. Дар хаёли ӯ Падре бояд дар ин роҳ доҳии далер ва пайгамбар мешуд, ки дар назди газаби муқаддаси ӯ ҳаргуна қувваҳои сиёҳ маҳв гарданд [127, 45].

Will (would) употребляются чаще в отрицательной форме и выражают нежелание говорящего выполнить действие. Могут употребляться в единственном и множественном числах. В некоторых случаях **"will"** и **"would"** выражают вежливую просьбу. Например:

I wouldn't like to sleep on a hard bed in the forest again [149, 39]! Ман намехоҳам, ки бори дигар дар бистари сахте, ки дар ҷангал аст, хоб кунам!

I believe that if you were to cut out the personalities the committee would consent to print the pamphlet, though the majority would, of course, not agree with it; and I am convinced that it would be very useful [176, 110]. Ба мулоҳизаи ман, агар шумо ҳуҷумҳои шахсиро аз мақола дур кунед, агарчи аксарият мақоларо моҳиятан тақдир накунад ҳам, комитет ба чоп кардани вай розӣ намешавад, ман бошам боварӣ дорам, ки ин танқиднома бисёр ғоиданок аст [127, 120].

В английском языке глагол **'would'** со всеми лицами употребляется как модальный глагол со значением желания, или (с отрицанием) нежелания совершить действие. Например:

Just five nights; and not a soul within call except that stupid landlady, who wouldn't wake if the house tumbled down, and would be no use if she did [176, 143]. Панҷшаби нурра. Файр аз як зани соҳиби ҳавлӣ ва ӯ ҳамчунон серхоб, ки агар хона басараи фурӯравад ҳам бедор намешавад, ва агар бедор шавад ҳам ғоидаи намерасад [127, 153].

If anyone less universally beloved had filled his house with weeds and grasses they would have laughed at him [176, 227]. Агар ба ҷои ӯ як каси дигар хонаи худро бо гулу сабза ва растаниҳои гуногун пур мекард, шояд дигарон ӯро

масхара менамуданд [127, 231].

Would + инфинитив со 2-м л. употребляется при вежливом обращении:

Would you mind explaining to me the reason of the peculiar bitterness you seem to feel against me [176, 245]? *Оё шумо метавонед, ки сабаби нисбатан ба ман ин андоза кина ва адоват доштани худатонро шарҳ бидиҳед* [127, 249]?

Сочетание «**would like**» переводится как «**мехостам, ки, мехостанд**»:

“His Eminence would like to speak to you” [176, 264]. *Ҳазрат бо шумо суҳбат кардан мехостанд* [127, 270].

В таджикском и английском языках значения модальных глаголов очень широки. Они чаще всего используются для выражения ирреальности и обеспечивают семантику самих форм сослагательного наклонения. Действия, выраженные ими, могут относиться к различным временным формам.

Языковые средства выражения значений ирреальности представляются одним из самых трудных разделов в языках мира. Наибольшие разногласия вызывают так называемые «выражения ирреальности», то есть формы глагола, служащие для проявления самых различных взглядов, которые предназначены для неопределенного указания на разные обстоятельства, слова, которые трудно назвать или не стоит называть. «Не вызывает сомнения необходимость углубленного изучения способов отражения ирреального в языке как системе целостного этнического самосознания говорящего коллектива в условиях межкультурного диалога с целью решения многочисленных коммуникативных задач» [88, 4]. Ирреальность есть свойство суждения, которая определяет его содержание в плане характера, степени связи суждения с его предикатом или предметом мысли. «Будучи единицей плана содержания, категория ирреальности характерна для систем обоих сравниваемых языков, а поверхностные единицы, передающие это общее категориальное понятие, оказались различными в сравниваемых языках. Формально ирреальность имеет отношение ко всем уровням

иерархии языка, однако к основным уровням, на которых выражается данное значение, относятся лексический и синтаксический. На лексическом уровне выделяются аффиксальные и корневые морфемы, и сложные слова» [99, 19]. Следует также добавить, что порядок слов в лексическом значении ирреальности иногда выходит за пределы области лингвистики и относится к происходящему как психико - лингвистическое явление.

Ирреальность является, естественно, частью глагольной системы, поэтому ряд закономерностей, действующих в его формах и содержании, объяснимы только с точки зрения всей системы глагола и, исходя из него.

2.3. Разновидности побудительной семантики выражения ирреальности в таджикском и английском языках

В таджикском и английском языках для выражения категории синтаксической ирреальности существует и отдельный лексико – семантический разряд слов.

Разновидность побудительной семантики и средства их грамматического выражения в таджикском и английском языках охватывают ряд более частных значений в диапазоне от повеления до просьбы: волю, просьбу, поступать каким-либо образом, приказание говорящего или побуждение собеседника к действию, вынуждающий действовать. Рассмотрим примеры:

"And when you have accomplished that; when you have roused the wild beast that sleeps in the people and set it on the Church; then----"[176, 104]. *Хӯш, агар шумо ин корро иҷро кунед, агар шумо дар халқ ҳисси даррандагиро бедор карда ўро ба калисо ҳуҷум кунонед, он вақт...* [127, 189].

I am sure he would cause as great a sensation there as he has done here; there are p-p-probably many old-established ghosts who have never seen such a thing as an honest cardinal [176, 119]. *Ман боварӣ дорам, ки ӯ дар он дунё низ монанди ин дунё шӯру ҳаяҷоне ба амал меоварад. Эҳтимол дар он дунё бисёр арвоҳони муътабаре бошанд, ки бошараф будани кардиналро шунида ҳайрон шаванд* [127, 129].

Аммо агар шумо худатон як бор дар вақти пурсиш ва таҳқиқ иштирок мекардед, масъаларо равшан мефаҳмидед [127, 139]. *But you would understand if you had once heard the way he goes on* [176, 240].

Агар кор надошта бошӣ, ман мехостам, ки ту дар назди ман бимонӣ, зеро шаб омада наметавонӣ [127, 14]. *If not, I wish you would stay with me for a while, as you can't come to-night* [176, 23].

Агар шумо инро ҳатман доништан хоҳед, барои ҳамин ки ҳаёти ман ишқаст хӯрдааст ва ман ҳоло барои пеш гирифтани кори калонтар

гайрату шуҷоат надорам [127, 185]. *If you must have it, then--because my life has been smashed into pieces, and I have not the energy to start anything real, now* [176, 174].

"*I don't want to work any more, but I should like you to stay a bit if you have time*" [176, 2]. *Не, ман кор намекунам, аммо агар вақт дошта бошӣ, бо ман каме биниш* [127, 5].

Таджикский переводчик во время перевода вместо слов «*I don't want*» «*ман намехоҳам*» переводит как «*не, ман кор намекунам*», он пропустил слова «*ман намехоҳам*». В данном предложении таджикский переводчик пропустил английские слова «*want*», «*should like*» и вместо слова «*I don't want*» поставил таджикскую частицу «*не*». По нашему мнению, содержание перевода не соответствует таджикскому языку. Мы предлагаем наш вариант:

"*Ман дигар кор кардан намехоҳам, аммо мехостам, ки агар вақт дошта боши бо ман каме биниш*»".

Эти примеры показывают, что глагольные формы английского языка не различают числа. В языке немаркированными являются формы повелительного наклонения.

Семантический круг модальных значений, выраженных в модальном индикаторе, вводящем в дополнительное придаточное предложение, в основных чертах те же, что и при предложениях – подлежащих, но безличный характер вводящей структуры, в одном случае, и линий – в другом, накладывают отпечаток на частный характер модальных отношений, выраженных в подчиняющей единице. В английском языке модальным содержанием формы 1-го лица является внесение предположения произвести обозначаемое глаголом действие, характерное для грамматического значения пропульсива (англ. *propulsive* «приводящий в движение; продвигающий, побуждающий»). Например:

But remember your condition when this thing happened, and do not take the fancies of grief or illness for His solemn call [176, 8]. *Аммо он шароитеро, ки*

ин ҳодиса рух додаст ба ёдат биёр ва хаёлҳои гамангези беморонаи худро амри илоҳӣ гумон макун [127, 11].

"About this journey to Rome," he began again; "if you think there is any--well--if you wish it, Arthur, I will write and say I cannot go" [176, 30]. Ман бо ту дар бораи ба Рим рафтани худам гуфтугӯ карданӣ будам, -гуфта, ӯ боз аз ҳамин масъала гап кушод. Артур агар ту инро беҳтар ҳисоб кунӣ, яъне агар ту хоҳӣ, ман менависам, ки ба Рим намеравам [127, 33].

В данном переводе английского предложения на таджикский язык трудно понимается содержание. Переводчик пропустил несколько английских слов, таких, как: «*this, any, think*», он добавляет таджикские, которых нет в английском варианте. «Ман бо ту дар бораи ба Рим рафтани худам гуфтугӯ карданӣ будам». В английском предложении слово «*Рим*» встречается только один раз, но таджикский переводчик использует его в таджикском варианте два раза. Следует отметить, что перевод английского предложения является незаконченным. Поэтому, мы предлагаем наш вариант:

"Дар бораи сафар ба Рим, "вай боз шурӯъ намуд; "агар ту фикр куни, ки онҳо чизи хубе ҳаст, агар ту инро хоҳи Артур ман менависам ва мегӯям, ки ман рафта наметавонам.

В таджикском и английском языках формы 3-го лица повелительного наклонения могут выражать разные значения: пожелание, предписание, разрешение. Например:

Ба болои сандалича марҳамат кунед [125, 9]! Take a seat on this stool, please [143, 189].

No, Padre, I shouldn't indeed [176, 3]! Не, Педре, ҳеҷ наметавонистам [127, 6].

В таджикском языке повелительное наклонение может выражать:

1) вынужденность, обусловленную ситуацией; -Агар бо инҳо ҳам дилҳотон ором нагирад, худамро бурда дар зиндони амир ҳабс кунонетон, ё ба дор овезетон! Аммо ман ба ихтиёри худ ба ин навъ ҳисоб ва савдо розӣ

шуда наметавонам [125, 105]! *And if that doesn't satisfy your greed, throw me in the emir's dungeon or hang me! But of my own free will, I shall never sing such an agreement or concur with such accounting* [143, 295]!

2) вынужденность в силу принадлежности к определённом функциональному множеству; - *Дастҳотонро боло бардоред* [125, 84]! *Hands up* [143, 224]!

3) вынужденность, обусловленную привычным положением вещей и социальными нормами; - *Девонагӣ бас аст, Қорӣ! Зуд бароед, ки кори зарурам бисёр аст! - Гӯён Мирзо аз ҷояи бархост ва Қорино ба тарафи дар тела дода, ҷои девонагон хонаи эшонӣ хӯҷаубонӣ аст, на тиҷоратхона! - гуфт* [125, 140]. *Mirzo got up and pushed Kori-Ishkamba toward the door, muttering: "if you want to raise a fuss, go to Hadji Uboni and see if he can help you. I heard he does wonder for the insane and cures madmen daily this is no way to behave in a merchant's office* [143, 347]!

4) приказ; - *Хезед бародар, аз дунболи ман равон шавед* [125, 90]! *Arise, brother, and follow me* [143, 273]!

Лекин қозӣ, раис ва имом нашав [126, 18]! *Only I ask you - don't be a qazi, a rais or an imam* [144, 18]!

5) побуждение; - *Ин ҳолро дида одами ниевропагипӯи ба одамони ноиб: Ин ҷо қозихона ё ин ки ноибхона нест, онҳоро дар меҳмонхона ба неши мо гирифта дароед!- гуфт* [125, 127]! *The stranger in the turban and European trousers opened his briefcase, pulled out several promissory notes, and placed them on his knees* [143, 328]!

6) просьбу; - *Сар кардан даркор аст, вақт ҳам рафт! – Он меҳмон сухани ноибро таъкид карда ҷавоб дод* [125, 126]! *Yes, it's time already it's getting late the guest* [143, 327]!

7) разрешение; *Акнун корро сар кардан даркор аст* [125, 126]! *Now it's time to begin work* [143, 327]!

Агар мударрис шавӣ, майлат [126, 18]! *If you become a mudarris-well enough* [144, 18]!

8) совет; - *Овозатро набарор* [125, 84]! *Who fell dumb with fright* [143, 263]!

-*Гиря накун, мард бош! Писари надарат шав, ки одами сахтибардор аст* [126, 18]! *Don't cry, be a man! be your father's son-he never flinched* [143, 327]!

9) приглашение; - *Ба ягон ҷои хилват равем* [125, 90]! *We will find a more appropriate place for our conversation* [143, 273]!

Неимперативные предложения. Среди них мы выделяем несколько типов:

Повествовательные предложения с отрицанием и без отрицания с глагольными предикатами в форме изъявительного наклонения по отношению к окружающему контексту являются чисто формальными, хотя и синтагматическим признаком, разграничивающим категориальную самостоятельность омонимичных граммем, подтверждающим их принадлежность к разным парадигматическим рядам. В таджикском языке соответствующие глаголы выступают в форме настоящего времени. Например:

Агар касе дар ҳаққи як каси ношинос, ки ўро таъқиб мекунад, бадгумон шавад, айб ҳам нест, аҷа ҳам нест. Чун тафтиш ва пурсуков карда дидам, ки шумо муллобачаи дуруст ва росткор будаед, ба шумо узр гуфтан хостам [125, 34]. *There is nothing offensive about being suspicious of a strange person who is following on your heel. And nothing surprising about it what soever. I have made inquiries and ascertained that you are an honest, well brought up student at a madrassah. So I decided to come and make my apologies* [143, 225].

Агар дар бағали худ бозубанд намедоштам, он ачина маро зада месўхт [122, 95]. *If it were not for the bracelet on my arm, those jinn would have gotten me for sure* [142, 18].

В английском языке соответствующие глаголы употребляются: а) в форме настоящего неопределенного времени, которые имеют характер временной отнесенности по отношению к окружающему контексту является

чисто формальным, хотя и синтагматическим признаком, разграничивающим категориальную самостоятельность омонимичных граммем, подтверждающим их принадлежность к разным парадигматическим рядам. Например:

"The gentlemen are out, sir," he said, looking critically at Arthur's rather neglected dress and hair. "They have gone with the mistress to an evening party, and will not be back till nearly twelve " [176, 60].

Чаноб, огоён дар хона нестанд, онҳо аз ин ҷо савора баромада рафтанд, эҳтимол нештар аз соати дувоздаҳ баргарданд [127, 65].

Гӯё ягон ду соат даст ба гиребон шуда бошӣ [134, 106]. *As though you have been tussling with a penter* [153, 147].

Повествовательное предложение выражает высказывание, цель которого – сообщить что-либо о ком-либо или о чём-либо (в отличие от побудительного и вопросительного предложений).

Кам гап мезад ва чунон ки маънии тахаллусаи ифода мекунад, ҳамеша дар ҳайрат буд ва ба ҳар чиз бо ҳайрат нигоҳ карда меистод [126, 50]. *He did not talk much and seemed all the time to be surprised at something, vondering at what he saw around him* [144, 57].

Повествовательные предложения могут быть истинными или ложными, если они утратили своё лексическое значение и действующие в сочетании с инфинитивами, выражающие значение модальности. Например:

Ҳафтае як шаб аз ҳавлӣ ба ҳучрааш меомад, муллоҳо ӯро шоир ва донишманд мегуфтанд. Лекин ӯро кофир ва бедин медонистанд [126, 30]. *The mullahs called him a poet and scholar but at the same time said that he was an infidel and atheist* [144, 32].

Повествовательные предложения с отрицанием и без отрицания в форме сослагательного наклонения. Например:

No, Padre, I must find it [176, 2]. *Не, Падре ман меёбам* [127, 4].

He remembered that he had been wandering about the streets; but where, or why, or for how long, he had no idea [176, 60]. *Ӯ баёд доист, ки дар кӯчаҳо*

бисёр гаит, лекин ин саргардони кӯчагӣ дар кучо, барои чӣ ва чӣ қадар буд, ӯ намедонист [127, 65].

а) В таджикском языке значение возможности даёт такие модальные модификаторы, как: "*шояд*", "*эҳтимол*", "*балки*", "*маҳол*", "*ҳайрон*", "*имконнопазир*", а в английском - "*may*", "*can*", "*could*", "*might*", "*perhaps*." Например:

Ман хавф кашидам, ки шояд ба дӯстонам ҳодисае рӯй дода бошад [137, 197].

I began to fear that something had gone wrong with my friends [148, 189].

Шояд мардум на аз ҷиҳати калони шиками, балки аз ҷиҳати он ки баъд аз тарошидани ришаи тамоми баданаи ба як шикамбаи калон монандӣ пайдо мекард, ба ӯ ин лақабро муносиб дуда бошанд [125, 9].

"Perhaps he was given his nickname not for his big belly," I pondered, examining this walking horror, "but because if he were shaved clean, he would look exactly like an enormous stomach" [143, 189].

We are all in God's hands, Padre; anything may always happen [176, 31].
Падре, зимони ҳаёти мо дар дастӣ худо аст. Бо мо ҳар вақт мумкин аст ягон ҳодисае рӯй диҳад [127, 34].

I wonder if he has ever suffered from any cruel jokes of that kind [176, 103].
Эҳтимол ӯ дар ҳаёти худ аз ин гуна ҳазлу истеҳзоҳо бисёр азоб кашидагист [127, 127].

В данном примере мы видим перевод несколько английских слов, не существующих в таджикском языке. В таджикском предложении не переведены английские слова «*I wonder, if, cruel*» на таджикский язык. Отсюда перевод является не точным. По нашему мнению, перевод английского предложения будет таким:

Ҳайронам, ки ӯ дар ҳаёти худ аз ин гуна ҳазлҳои дағал бисёр хичолат кашида бошад.

б) В таджикском языке значение долженствования отражается при помощи таких модальных слов, как: "*бояд*", "*боистан*", "*арзидан*", "*магар*"

и других, а в английском: *ought to, must, should, be to, shall, have to*.
Например:

*Агар шумо ҳуҷра ёбед, ҳар рӯз дар он ҳуҷра ош мепазед? – боз нурсид
ӯ. Аз ин нурсиши ӯ дар хотири ман гузашт, ки «магар дар дасти ӯ ягон
ҳуҷраи бедудкашӯ беоташдон мондааст [125, 35].*

*"And when you find one, well you make rice pilaf there every day?" "Perhaps
his cells have no hearths or flues, and that is why he is asking me about the rice
pilaf," I thought "and if he learns I have no intentions of cooking there, he will
offer me a cell [143, 227].*

*He talked so much of the wonderful things we ought to think and feel and be,
but he never told us practically what we ought to do [176, 27].*

*Маърӯзачӣ дар бораи фикру ҳиссиёти идеалӣ ба мо дурру дароз гап
зад, вале ҳеҷ гуна роҳҳои амалӣ нишон надод, ҳеҷ нагуфт, ки мо чӣ кор
кунем [127, 30].*

I should like a walk if you have time [176, 113].

*Агар шумо вақт дошта бошед, ман бо мамнуният ба гардиши меравам
[127, 122].*

в) Значение необходимости в таджикском языке выражается при помощи модальных предикативов **"бояд", "зарур аст", "даркор аст", "воҷиб аст"**.

*Барои ба ин мансабҳо расидани ҳамаи моён, гуфт яке аз талабагон,
бояд ҳамаи қозиён, раисон ва дигар муллоёни мансабдори имрӯза ё бимиранд
ва ё бекор шаванд [125, 23].*

*For us all to become such highly placed officials, every single man now
holding such a post would have to die forth with or retire and cede his place to
one of us [143, 208].*

*Аммо ту ҳозир аз хондан мемонӣ, чунки ба додарҳо нигоҳубин карданат
даркор аст [126, 24]. "You'll have to wait with your schooling, you have the
youngsters to look after [144, 25].*

Разновидность побудительной семантики и средства их грамматического выражения в таджикском и английском языках взаимодействуют в составном и модальном предложениях, в которых они закрепились, в основном, как средства выражения подчинения одной идеи другой, причем преимущественно модально окрашенной.

2.4. Лексические средства выражения ирреальности в сопоставляемых языках

Слово является носителем не только лексического значения, но и грамматического. Лексическое и грамматическое значения реализуются при помощи средств их материального выражения. Грамматическая категория - это единство грамматического значения и его формальных показателей.

В разноструктурных языках лексическое значение может быть противопоставлено грамматическому, как конкретное значение абстрактного. Оно может быть привязано к какому-либо определенному содержанию предложения. Так, каждое из следующих слов: *worked, invited, asked* имеет конкретное лексическое значение: *кор кард-работал, таклиф кард - пригласил, нурсид-спросил* и т.д. Оно даёт достаточное основание, чтобы рассматривать соответствующие явления категории ирреальности.

Особенностью той группы форм или той формы модального глагола, которую мы анализируем в данной работе, является чрезвычайная широта её модальной характеристики. Это явление связано с категорией ирреальности и предназначено для выражения всех возможных случаев отклонения от подлинной реальности, несомненности совершения того или иного действия и в этом отношении оно является прямой противоположностью предположительного наклонения. Если предположительное наклонение употребляется при несомненной ирреальности действия в том случае, когда говорящий утверждает с полной несомненностью, что действие совершается или будет совершаться, то данные формы, наоборот, используются во всех тех случаях, когда говорящий не хочет или не может утверждать это с полной несомненностью.

Приведенный здесь фактический материал с достаточной наглядностью свидетельствует о том, что рассматриваемые нами лексические средства выражения ирреальности в сопоставляемых языках составляют единую

группу, которая в значительной степени сохраняет еще и первоначальное свое значение результативности.

Имя существительное как средство выражения ирреальности.

В разноструктурных языках существительные, относящиеся в предложении к лексико-семантическому полю ирреальности, разнообразны по семантике и особенностям отражения ирреальности.

Прежде всего, следует указать на слова, в семантике которых значение ирреальности является основным: *unreality* – *гайрихақиқӣ* - *ирреальность*, *unrealistic* – *гайриамалӣ* - *нечто нереальное*, *nothing*- *фано*- *небытие*, *nonsense*- *сафсата*-*вздор* и др.

В семантике приведенных слов главным является не их несоответствие действительности, а отрицание их соответствия действительности, поэтому их следует отнести к лексико – семантической группе слов со значением ирреальность.

1.Большую группу слов функционально – семантического поля «ирреальность» организуют лексические единицы, относящиеся к абстрактным именам:

Арвоҳ-spirit, spook, ghost –*рӯҳ*, чон, хол, холат-дух, духи умерших, превидения, призраки.

«Одно из основных философских понятий, означающее идеальное сознание, невещественное начало, в отличие от материального, природного начала» [162].

Арш -heaven, empyrean, the upper regions- тахт, сарир, осмон; арши аъло осмони баланд; аршу фарш осмону замин - небеса, поднебесье, небес.

Афлотуния - platonism- платонизм; «идеалистическое направление в философии, исходящее из учения Платона. Основное содержание учения П. - теория идей. Идея понимается П. как предельно обобщённое жизненно функционирующее логическое понятие, содержащее в себе принцип и метод осмысления каждой вещи, обладающей художественной структурой и являющейся специфической субстанцией» [162].

Афлотунӣ – Platonic, Platonic love - марбут ба Афлотун; ишки афлотунӣ ишке, ки мақсади он лаззати рӯҳӣ мебошад, ишки ғайришаҳвонӣ- платонистический - платоническая любовь.

«Чисто духовное, не связанное с практическими, реальными целями. П. интерес. Платоническая любовь (основанная на духовном влечении, лишённая чувственности)» [162].

Ачина – the evil spirit; the evil one; the author of evil; the Devil- чин; ачина задан (асар кардан) ачина осеб расондан (акидаи хурофӣ)- Бес, дьявол, злой дух, нечистая сила.

Бихишт - Paradise, heaven; the Garden of Eden-Бихишт, чаннат, фирдавс-рай.

По религиозным представлениям: место вечного блаженства, куда попадают души праведников в будущей, после смерти тела, жизни. Рай представляется в христианской иконографии и фольклоре тремя образами: садом, городом, небесами.

Арвоҳ, рӯҳ-spirit-дух; «философское понятие, означающее невещественное начало, в отличие от материального, природного начала. Дух истолковывается как субстанция (пантеизм), личность (теизм, персонализм). В рационализме определяющей стороной духа считается мышление, сознание, в иррационализме – воля, чувство, воображение, интуиция и т. п. В древнегреческой философии: пневма, нус, логос» [162].

Даҷқол – Antichrist- Антихрист. «Всякий противник Христу; в народе, антий; злой дух, ратующий против истины и добра. Он должен явиться пред кончанием мира (века) и открыто совращать благочестивых, налагая на них печать, клеймо. Антиев хлеб, раскольник. картофель. Прививная оспа - антиева печать, раскольник. Гражданская грамота от антихриста, раскольник. Клеймо на мере и весах - печать антихристова, раскольник. Печать на паспортах - клеймо антихриста, раскольник. Перепись народная от антихриста, для взимания дани с живых и с мертвых, раскольник» [162].

Иблис-Iblis-Иблис «по учению ислама, дьявол, бывший раньше ангелом, шайтан; был низвергнут на землю и обречён в будущем на адские муки; враг Аллаха, сбивающий верующих мусульман с праведного пути» [162].

Шаймон - Satan-Cатана 1., Ахриман, сардори девхо . 2. маҷ. одами хилагар, бадтинат.

«Сатана, дьявол (в христианстве, иудаизме и исламе – глава злых духов, царь тьмы) (в религ. представлениях иудаизма, христово и мусульманства главный антагонист Бога и всех верных ему сил на небесах и на земле, враг человеческого рода, царь ада, князь тьмы и повелитель бесов; в Ветхом Завете прозвище безымянного врага, а в Ев. от Матфея сатанинское искушение...)» [162].

Малоика / Малоик - angel, watcher - ангелы; «(в исламе - малак, малаика) «в иудаизме, христьянстве и исламе бесплотные сверхъестественные существа, назначение которых – служить единому Богу, воюя с его врагами, воздавая ему честь, неся его волю стихиям и людям; уже в раннехрист» [162].

Прометей - Prometheus. «В греческой мифологии титан, похитивший у богов с Олимпа огонь и передавший его людям. За это по приказу Зевса был прикован к скале и обречен на постоянные муки: прилетавший каждый день орел расклевывал его печень, отраставшую снова за ночь. Освободил Прометея и убил орла Геракл. Образ Прометея получил отражение в литературе (Эсхил, П. Б. Шелли и др.), изобразительном искусстве и музыке (Л. Бетховен, А. Н. Скрябин и др.)» [162].

Антей- Antaeus. Герой-великан, побеждавший всех в единоборстве, черпая силы при соприкосновении с матерью-землей, и побежденный Гераклом, оторвавшим его от земли (в древнегреческой мифологии). «Антей в греческой мифологии великан, властитель Ливии, сын бога Посейдона и богини земли Геи. Был непобедим, пока соприкасался с матерью-землей. Задушен Гераклом, оторвавшим его от земли» [162].

Сехр-magic-магия «действия, обряды и церемонии, связанные с верой в существование сверхъестественного мира и в возможность влиять на явления природы, животных или человека с помощью сверхъестественных сил» [162].

Чодугарӯ-miracle колдовство «в ряде традиций – способность некоторых людей воздействовать на др. людей и природу с помощью магии; к колдовству относят т.ж. способность насылать или снимать порчу, болезни и т.» [162].

Афсона - fairy, tale, story- кисса, достон, хикоят, накл, саргузашт, сафсатта, дурӯг, суханхои бофтаву сохта - сказка, легенда, предание, фантазия, вымысел, выдумка.

Повествовательное (народное или литературное) произведение о вымышленных лицах и событиях волшебного, авантюрного или бытового характера.

«Один из основных жанров устного народно-поэтического творчества, эпическое, преимущественно прозаическое художественное произведение волшебного, авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел. Сказку называют различными видами устной прозы, отсюда разноречивость в определении её жанровых особенностей. От других видов художественной эпики сказка отличается тем, что сказочник подаёт её, а слушатели воспринимают, прежде всего, как поэтический вымысел, игру фантазии. Это, однако, не лишает сказку связи с действительностью, определяющей идейное содержание, язык, характер сюжетов, мотивов, образов» [162].

Парӣ - pari, fairy, sprite - фея, гурия - махлуки хурофӣ ва афсонавӣ, ки ба чашм нонамоён, хушрую зебо ва некукор тасаввур карда мешавад.

«A fairy is an imaginary creature with magical powers. Fairies are often represented as small people with wings» [162].

Фантастическое существо женского пола, способное творить чудеса; волшебница (в западноевропейской литературе).

Ахриман- Ahriman- Ахриман - В зороастризме главное божество зла, противник Ахурамазда.

Аждаха- dragon - monster -дракон, чудовище, сказочный змей.

«Фантастическое - обычно страшное или огромных размеров сказочное существо» [162].

В существующей лингвистической литературе и, особенно в работах, посвященных исследованию отдельных конкретных языков, имеется некоторый разнобой в понимании термина ирреальность. В частности, в ряде работ наблюдается тенденция к смешению понятий наклонения и модальности и даже к отождествлению их.

Лексические средства выражения ирреальности в сопоставляемых языках в контексте в сочетании с различными конкретизирующими средствами могут быть использованы для выражения самых различных модальных оттенков: согласие, возможность, желательность, позволение, долженствование, намерение, ожидание, сомнение и т.д.

2. Основанием чему служит тот факт, что данная группа слов в большинстве случаев имеет явно выраженный невременной характер.

Норавшан - inexpressive, toneless, expressionless, невыразительный, неясный, туманный неразборчивый-бенур, номунаввар, хира, нофахмо, номафхум, сухани норавшан.

Хаёлпараст - dreamer; daydreamer; visionary- Одами хаёлотӣ, савдой, мутахаййил- a person who dreams or is dreaming - мечтатель, фантазёр, утопист, идеалист, человек, склонный предаваться мечтам, обольщаться мечтами. «В глухой безмолвный мрака час мечтатель юный..., исполнен тайною тоской, мечтаньем вдохновенный». Неисправимый мечтатель (человек, не знающий жизни, не способный к активному участию в жизни и способный только мечтать). «В этих углах проживают странные люди - мечтатели...; мечтатель не человек, а, знаете, какое - то существо среднего рода» Достоевский. «И прослывешь у них мечтателем опасным» [162].

Найрангбозӣ - trickery; imposture, knavery - сохирӣ, чодугарӣ, чашмбандӣ, шӯъбадабозӣ, ҳилагарӣ, фиребгарӣ, маккорӣ, хукқабозӣ-плутовство, хитрость, обман, фокусничество.

«Хитрое поведение, поступок, прием. «Я думаю, простительно защищать свое дело благородной хитростью». Гончаров. Я вижу хитрость их насквозь. Крылов. Военная хитрость» [162].

Эҳсосот - sense, feeling - эмоции, чувства, ощущения - ҳис, ҳискунӣ, хуш.

«Эмоции, "движения (волнения) души" обозначение разнообразных психических феноменов. В повседневном словоупотреблении говорится о чувстве голода, жажды, боли; приятного и неприятного; усталости, болезни и здоровья; радости и печали, любви и ненависти; ужаса, стыда, страха, восторга, сострадания; отчаяния и блаженства и т. д. Чувства охватывают, таким образом, широкий спектр явлений, отличающихся по своей длительности и интенсивности, уровню, характеру и содержанию (от кратковременного аффекта до продолжительной страсти, от поверхностной эмоции до глубокого и устойчивого чувства и т. д.) и находящихся в сложных взаимоотношениях между собой» [162].

Васвосӣ - hypochondriac, mistrustful, suspicious-марбут ба васвос, мубтало ба васвос, дудила, гирифтори бемори васвос-мнительный, сомневающийся, нерешительный.

Васваса -temptation, seduction, enticement- игво, фитна, шӯрангезӣ, искушение, соблазн, обольщение.

«Желание чего -нибудь запретного, недозволенного. Искушение было большое. Вводить кого-нибудь в искушение. Много было искушений» [162].

Беҳамто - matchless, unmatched, inimitable, peerless-беназир, бемислу монанд, ягона, ҳусни беҳамто-бесподобный, беспримерный, уникальный.

Маҷозӣ – erroneous, false, incorrect, spurious, аллегорический, переносный, ненастоящий, ложный - гайриҳақиқӣ, гайриаслӣ маънии гайриаслӣ.

«Несогласный с истиной, ошибочный, ненастоящий. Ложные слухи. Ложная мысль. Ложное учение» [162].

Имконнопазирӣ -impossibility, incredibility, unreality, irreality-номумкин будан, қобили ичро набудан - невозможность, нереальность, невероятность.

«В процессе составления контракта специальное оговаривание условий, при которых какая - либо из сторон не может быть привлечена к ответственности за невыполнение условий контракта» [162].

Хаёли - conceptual, ideal, imaginary, imagined, inferred -тасаввурӣ, гайриҳақиқӣ, тахайюли - воображаемый, вымышленный, кажущийся, фантазёр.

Не существующий в действительности, представляющий собой вымысел.

Пинҳон –black, clandestine, obscure, inner, latent, undercover, underlying-махфӣ, пинҳонӣ- скрытый, тайный, секретный, сокровенный.

«Недоступный для непосредственного наблюдения, незаметный, тайный, не обнаруживаемый- скрытый смысл слов, в скрытом состоянии» [162].

Шайтонӣ-satanic, cloven footed, cloven-hoofed-шайтон будан, саркашӣ, нофармонӣ, маккорӣ кардан - сатанинский, дьявольский, озорство, хитрость.

«Непозволительная шалость, задорное, нарушающее порядок поведения. Сделать что – н. из озорства. Сверхчеловеческий по силе своей злобы, ненависти, дьявольский. Сатанинская злоба» [162].

Бадгумонӣ- suspicion, suspiciousness, нобоварӣ, шубҳа кардан, аз бадгумонӣ баровардан, шубҳаро бартараф кардан - подозрительность, мнительность, недоверчивость,

«Недоверчивость, опасливо - осторожное отношение к кому, чему -нибудь. Относиться ко всему с крайней подозрительностью. Страдать излишней подозрительностью» [162].

Безътиқодӣ – unbelief, disbelief, lack of faith, infidelity- безътиқод будан, мӯътақид набудан, бовар надоштан ба чизе, бединӣ, бемазҳабӣ- неверие, недоверчивость, безверие.

«Отрицание чего-либо, состояние неверящего чему- либо; безверие, отсутствие верования, веры; вольнодумство, безбожие: состояние неверующего, маловерие, слабая, шаткая вера, колебание и сомнение в делах веры» [162].

3.Третью группу слов семантического поля ирреальности составляют лексические единицы, связанные с религиозным представлением, с демонологией или представлением сказочных существ мифологии, которые имеют общую основную модальную характеристику, все эти формы в лексических средствах выражения ирреальности различаются обществом своего употребления.

Аҷуз кампир-Баба-Яга-Baba-Yaga. «В славянской мифологии: лесная старуха- волшебница, ведьма; в русских старинных преданиях и сказках: безобразная старуха- колдунья» [162].

Зевс (Zeus) «в греческой мифологии верховный бог. Низвергнув в Тартар своего отца титана Кроноса, стал владыкой богов и людей» [162].

Геракл - Heracles, Hercules - (Геркулес), герой греческой мифологии, сын Зевса и смертной женщины Алкмены.

Анаҳита- Anahita-Анахита - «в мифологии зороастризма богиня реки, божество плодородия, входила в божественную триаду Ахуразда - Анахита – Митра» [162].

Также *Митра*-Митра-Mitra - (от греч. mítra — головная повязка) «в православной и католической церквях позолоченный и украшенный религиозными эмблемами головной убор, надеваемый при полном облачении (преимущественно на время богослужения) представителями высшего духовенства (папой, епископами и др.)» [162].

Ирреальность в образах преданий, мифов, легенд и сказаний- широко бытующий в современности жанр таджикского и английского фольклора,

вобравший в себя исторический и трудовой опыт народа, которые обладают собственным творчеством. Некоторые предания – это рассказы о прошлом, но, в не меньшей степени, о настоящем, т.к. в повествовании отражается личность самого рассказчика, его социальные, нравственные, невыразимые, неоспоримые, эстетические представления об окружающем мире и о себе.

Современность влияет и на выбор тематики, на оценку ситуаций и образов, и на социальную направленность рассказа, на характер вымысла и домысла, прошлое и настоящее познаются рассказчиком средствами искусства слова, в таджикской и английской фольклорной традиции осмысливаются с помощью художественных образов, несущих «концепцию недействительности».

Изучение ирреальности в образе человека в фольклорном произведении также, как изучение художественного образа в авторском произведении, ведет к выяснению основного, центрального смысла в идейно – эстетическом содержании произведения.

Современные известные исторические факты позволяют утверждать, что некоторые предания возможно когда-то существовали, но люди создали из них множество известных легенд, которые до сегодняшнего дня не потеряли свою роль.

Следует подчеркнуть, что способы выражения ирреальности в образах преданий, мифов, легенд и сказаний в таджикском и английском языках имеют большой научный интерес. Так как каждый исследователь уделяет особое внимание на некоторые аспекты событий, которые пока не изучены, и их они обосновывают на основе доказательств, различных символов, фольклора, преданий или определяют другие исторические события, которые привлекают внимание других на себя. Таким образом, источником предания является один из самых основных богатств национального самосознания и развития каждого народа, которые обладают собственным творчеством. В образах преданий, мифов, легенд и сказаний наш народ, писатели, поэты и другие слои населения, как бы находят положительные примеры в создании

национальной идентичности, выраженной в благородстве, в благочестии, которые носят в себе значительные события, вклад в формирование национального самосознания, влияющего на поднятие духа человека, и тем самым, воспитывает у них чувство патриотизма и любви к своей Родине.

Анализ содержания способов выражения ирреальности в образах преданий, мифов, легенд и сказаний позволяет сделать следующие выводы: предание выполняет не только информативную функцию, рассказчику важно оценить то, что он сообщает, причем, оценка выражает не только личное мнение, но и общее, подходящее для конкретной социально - профессиональной группы, к которой принадлежит он сам. В преданиях утверждается определенный положительный идеал человека, соответствующий требованиям времени. В образе ирреальности активную жизненную позицию привлекает трезвость и даже категоричность суждений и оценок, коллективизм мышления.

Следует отметить, что большинство образов А. Фирдоуси в книге «Шахнаме», например оказываются лишь показателем степени вероятности происхождения и не имеют места в реальном мире. Особенно примечателен психологический рисунок в изображении основных героев. Хотя это всегда бывает в героическом эпосе, когда все персонажи наделены некими неизменными, постоянными качествами, положительными или отрицательными. Фирдоуси показывает борьбу страстей в душе своих героев. Это очеловечивает их и показывает в реальных, психологически верных противоречиях положительных героев в их временных слабостях и сомнениях, в их борьбе с собственными колебаниями, отрицательных в отдельных проявлениях, их положительных качеств.

«Шахнаме» - это название прозаических и стихотворных сводов, в которых были собраны мифы, эпические сказания и исторические хроники иранских народов. Самым значительным из них является эпос Фирдоуси. От остальных сводов сохранились лишь фрагменты в пересказе различных авторов. Первоначально своды назывались «Худай-наме», впоследствии

появилось название «Шахнаме». Сводьы начали составлять во времена Сасанидов (3 - 6 вв.) на среднеперсидском языке, а в 8 - 9 вв. их стали переводить на арабский. Ни один из этих сводов в оригинале или в арабском переводе до настоящего времени не дошёл. В 10 в. на основе «Худай-наме» и др. среднеперсидских сочинений, а также их арабских переводов были составлены «Ш.» на языке фарси (дари)» [162]. Книга Фирдоуси «Шахнаме» глубоко оригинальна и прозаична. Поэт привлек письменные источники и устные народные предания, художественно обработал их, внес свою трактовку в изложение событий, создал глубоко психологические образы, скорректировал всю эпопею единой патриотической идеей, страстной любовью к родному народу и неподражаемо строгим, монументальным поэтическим рисунком. Герои «Шахнаме» - это не абстрактные схемы богатырей, а живые люди, хотя и наделенные фантастически-сказочными чертами и показанные романтически приподнятыми.

Отмеченный психологизм в изображении героев «Шахнаме», наряду с большой точностью и правдивостью в передаче бытовых реалий, а особенно последовательность и поэтическая убедительность правого дела, за которое борются любимые народом богатыри «Шахнаме», дают возможность определить художественный стиль Фирдоуси, как реалистический в своей основе, но это реализм особого рода, переплетающийся с героикой, сказочностью, фантастикой, это, условно выражается в источниках, как «героический реализм».

Можно полагать также, что уже в ранние годы своей жизни Фирдоуси изучал древние хроники об историческом прошлом иранских народов и впитывал в себя восточно-иранские фольклорные эпические сказания.

По легенде, передаваемой в средневековых источниках, Фирдоуси задумал написать свою эпопею, чтобы в счет вознаграждения, которое предстояло за нее получить, построить плотину, которая бы сберегала воду для крестьянских полей. Фирдоуси был движим благородной целью, хотя цель эта была выше, чем забота о крестьянах одного лишь округа.

Формально «Шахнаме» строится по пятидесяти царствованиям легендарных и исторических «Сасанидских» шахов древнего Ирана. По существу же «Шахнаме» состоит из больших и неравных частей:

1. Мифологическая (события с.3223 до 782 до н. э.),
2. Богатырская (с. 782 до 50 г. до н. э.),
3. Историческая (с. 50 г. до н. э. до 651 г. н.э.)

Большинство образов Фирдоуси являются вымышленными. Рассмотрим некоторые образы из «Шахнаме».

Каюмарс. Первый царь, царствовавший тридцать лет и давший людям первый закон. Его сын, светлой души, юный Сиямак, погибает от руки черного Дева. Мстителем за него встает его сын Хушанг, который совместно со своим дедом Каюмарсом убивает Дева и восстанавливает царство добра.

Рустам является центральным героем, так называемого сеистанского богатырского цикла, сложенного предками таджиков - саками и согдийцами еще в условиях родового строя, в период военной демократии. «Шахнаме» можно по праву назвать «Рустамиадой», поскольку Рустам занимает в ней центральное место. Кроме образа Рустама, в «Шахнаме» рассказывается и об его отце Зале и сыне Сухробе, убитым им в поединке.

Хушанг. Он открыл огонь, железо и обучал людей орошению и земледелию.

Тахмурас. Был преемником Хушанга и подчинил себе демонов мрака и зла.

Джамшид. Семисотлетнее царство Джамшида - это сказочный «золотой век». Джамшид обучает людей носить вместо звериных шкур одежду из ткани, создает государственность и деление на социальные группы. Его искушает Ахриман, вселив в его душу гордыню. Джамшид возомнил себя богом и наказан. Вельможи решили пригласить иноземного царя Заххака. Сын арабского царя Мардаса, Заххак, развращенный дьяволом Иблисом и наделенный из-за козней последнего (бесовского поцелуя в плечи) двумя

змеями, выросшими из плеч Заххака и не дающими ему покоя, пока их не покормят человеческим мозгом, напал на Иран.

Заххак. Он надвое распилил скрывавшегося Джамшида и установил многовековое (тысяча лет без одного дня) царствование зла и насилия. В наложницы Заххак взял себе благородных красавиц Арнаваза и Шахрназа. Он убил Атибина, отца Фаридуна, и вскормившую последнюю корову Бирмаю. Кузнец Кава, подняв знаменем свой кузнечный фартук из бычьей кожи (Кавеев стяг), повел за собой народ и, призвав законного наследника Фаридуна, потомка Джамшида, сверг тирана Заххака.

Фаридун. Он приковал Заххака цепями к Демавенду и установил вновь светлое царство. Фаридун поделил царство между своими тремя сыновьями, отдал Салму Рум (Малую Азию), запад – Туру, Чин и Туран (Иран и Арабистан) - Ираджу. Салм и Тур коварно убили Ираджа, а его голову отправили Фаридуну. Так возник источник непрерывной борьбы Ирана и Турана.

Наряду с этим, в научной литературе по сей день не прекращаются дискуссии по поводу способов выражения ирреальности в образах преданий, мифов, легенд и сказаний в таджикском и английском языках, которые представляют определённое значение.

Следует также подчеркнуть, что эпический, спокойный рассказ прерывается иногда короткими лирическими отступлениями, концовки отдельных сюжетов которых являются глубокомысленными нравоучительными сентенциями, изложенными обычно ярко, афористически, не отвлекающими от основного содержания.

Предания, мифы, легенды и сказания являются частью культурного наследия народов, определяют их самосознание и идентичность. Приведенные выше примеры совместно с языковыми выражениями ирреальности в образах преданий, мифов, легенд и сказаний в таджикском и английском языках не могут отразить всего того богатства и разнообразия смысловых значений. В таджикском и английском языках способы

выражения ирреальности в образах преданий, мифов, легенд и сказаний как по происхождению, так и по значению представляют определённый научный и практический интерес.

Местоимения относящиеся к лексико-семантическому полю ирреальности

В таджикском и английском языках местоимения по своему значению и содержанию очень разнообразны. Одни из наиболее распространенных предложений относятся к лексико - семантическому полю ирреальности, имеют своим содержанием то или иное отношение между различной степенью неопределенности слов, точнее, между тем, что обозначает слово, стоящее в ирреальности, и тем, что обозначает иное слово. Другие значения местоимений имеют своим содержанием совсем иные отношения. Например, местоимения, образованные от *some-, any: someone - anyone - no one, somebody - anybody – nobody something - anything – nothing* употребляются согласно тем же правилам, что и местоимения "**some, any, no**" выражают иногда неопределенные отношения действия к действительности в английском языке.

В таджикском языке, в отличие от английского, местоимения *баъзе, чандин, якчанд, ягон, фалон, кадом* являются неопределенными и выражают предположительный признак предмета. Другие местоимения, как *фалон, бисмадон, фалонӣ, бисмадонӣ*, выражают неопределенность человека.

В английском местоимение *some* и в таджикском *якчанд* выражают неопределенное качество или неизвестное количество:

Maybe there were left some behind those stones over there [153, 27]. *Балки дар зери он харсанг бошад* [134,5].

Ҳозир дар шаҳри Бухоро якчанд ҳамин хел мактабҳои ҷадидӣ қор қада ӯстодааст [130, 434]. *Currently, there are several such modern schools in Bukhara.*

К исчисляемым существительным в единственном числе относятся местоимения "*some*" и "*якчанд*", которые могут обозначать неопределенное лицо или предмет. Например:

If he should send her to work to the vally, she might make eyes at some worthless vagebone [153, 72]. Агар ӯро ба дара ба кор ғуристонанд мумкин аст чаишаи ба касе афтода, ба вай дил бандад [134, 51].

Майлаш, якчанд рӯз дар суҳбати девонаҳо зиндагӣ кардан ҳам бад намешавад [130, 117]. Not a bad idea - to live some days in the conversation of insane.

Следующие сложные местоимения в английском языке образованы от *some-, somebody - anybody – nobody, anyone -: someone - anyone - no one, something - anything -nothing*. Они употребляются как местоимения "some, any, no". Например:

He didn't know anybody who had attempted to write [146, 143]. Ӯ ҳатто ягон шахсро намешинохт, ки ягон вақт кӯшиши навиштан карда бошад [132, 125].

... ба ҳар касе, ки ба Шонур беэҳтиромона рафтор мекарда бошад душман мешуд [134, 323]. ... he became hostile towards anyone who looked upon his friend otherwise [153, 434].

В таджикском языке имеется несколько групп неопределённых местоимений, как: *касе, ким-кӣ, ким-чӣ, ким-чиҳо, ким-куҷо, ким-кадом, ким-чӣ тавр, ким-чӣ хел*, различные значения которых выражают ирреальность. Например.

Агар касе шуморо ба ношто таклиф кунад, шумо бояд ҳатман ба он ҷо биравед [139, 514]. So if somebody invites you to breakfast it's your duty to drop everything and run [150, 64].

Местоимение "*one*" относится только к исчисляемому предмету или лицу.

- *She spoke patiently like one who had accepted the inevitability of death [151, 311]. Сари оромона ва пурсаброна гап мезад, айнан мисли касе гап мезад, ки ба марги ногузир тан дода бошад [133, 403].*

В английском языке местоимение (*no one*) употребляется в отношении исчисляемых и неисчисляемых предметов и лиц. Местоимение (*no one*) переводится на таджикский язык, как "*ҳеҷ кас*".

No one; I wished to joint [176, 47]. *Ҳеҷ кас худам хостам* [127, 50].

В таджикском языке местоимения *кадом* и *ягон* обозначают неопределённые предметы. Например:

-*Хуб, рӯзона кадом вақт дар ҳавлӣ ёфт мешаванд, ки он вақт оям* [125, 31].
Then what time of day might I find him at home [143, 221].

Следует отметить, что большинство неопределённых местоимений со своими разными обозначениями относятся к лексико-семантическому полю ирреальности в таджикском языке: *фалон, бисмадон, чанд, чандин, якчанд, фалонӣ, бисмадонӣ, баъзе, ягон, кадом, чанде* т. др. и в английском языке: *some, someone - anyone - no one, something - anything - nothing, somebody - anybody - nobody*. Таким образом, можно определить значение ирреальности через их содержание.

Наречия как средства выражения ирреальности

В таджикском и английском языках одним из главных способов выражения ирреальности являются наречия. В большинстве случаев наречия представляют собой класс различных уровней языка в плане их соотношения с ирреальностью модальности и представляют собой понятия языковых единиц.

В таджикском и английском языках такие наречия, как *оҳиста, бо муваффақият, дар поён, баъдтар, дар аввал, баъд аз фардо, ҳозир, ба қарибӣ, дарун, баъд, дар ҳеҷ ҷо, инҷо, тамоман, ҳамин тавр, басанда, хело бусёр* и *nowhere, afterwards, at first-all of a sudden, now, recently, often, ever, constantly, here, everywhere, below, inside, then, quickly, yesterday, deeply, badly, suddenly, willingly, dryly* и т.д. не имеют никакого отношения к ирреальности.

Наречия, которые в своей определенности имеют какие-то свойства ирреальности, отличающие его от других признаков и свойств, не могут

одновременно обладать или не обладать данными свойствами, ибо в этом случае наречия не будут отличаться друг от друга.

В большинстве случаев в сопоставляемых языках наречия являются выражением ирреальности: в таджикском языке такие наречия, как *номумкин, боварнокарданӣ, шубҳанок, шубҳаовар, бендоза, мумкин, мумкин ки, шояд, эҳтимол* и т.д., а в английском языке наречия, как *perhaps, possibly, suddenly, unsurely, impossibly, doubtfully, sometimes, unfortunately* и т.д. Другие наречия представляют пол модальности и выражают ирреальность. Сравним:

-Бародар! Шумо шояд ба ман коре дошта бошед, ки як-ду рӯз аз дунболи ман гашиед?- гуфт ӯ бо оҳанги мулоимона [125, 34]. *Brother, you followed me around for several days. Did you have some business with me, perchance? He inquired softly* [143, 225].

Аз ин суханони охирини ӯ пайбурдам, ки ҳанӯз шубҳаи ӯ дар ҳақиқи ман боқист, аммо ба ин одам, ки бадгумонӣ дар табиати ӯ монанди як бемории кӯҳнаи доимӣ ҷойгиршуда мондааст, инод карда нишастанро муносиб надидам ва ӯро тамоман ва ҳеҷ набошад қисман аз шубҳа баровардан хоста ва ба сухан даромадам [125, 35].

From this I concluded that he still had his doubts about me, but I did not consider it necessary to try to convince him otherwise. For he was so thoroughly suspicious of everyone and everything that it had become a chronic illness for which there was no cure. I continued the conversation only to explain, at least in part, why I had been following him around [143, 226].

В первом предложении наречие "*шояд*", во втором предложении "*шубҳаи*", "*бадгумонӣ*" и "*шубҳа*" представляют ирреальность.

Perhaps he is looking for me. Perhaps he thinks that the sheriff's men caught me [149, 24]! *Шояд ӯ маро ҷустуҷӯ мекунад. Шояд ӯ фикр мекунад, ки мардони полис маро доштанд.*

Suddenly a man arrived on a white horse [149, 33]. *Ногаҳон марде бо асни сафед расид.*

В первом предложении в английском примере наречие "*perhaps*" и во втором предложении наречие "*suddenly*" представляют вероятность и являются ирреальностью.

Таким образом, в вышеуказанных примерах наречия являются ирреальными и противоречат друг другу по своему содержанию, каждое из них выступает как один из признаков его ирреальной характеристики.

Прилагательные, относящиеся в предложениях к лексико-семантическому полю ирреальности: «невероятный»:

1. *fabulous* -афсонавӣ, гайривоқеӣ - сказочный-мифический;
2. *anecdotic* - галатӣ – забавный;
3. *unconceivable* -тасаввурнашаванда – невообразимый;
4. *incredible* - шубҳаовар – маловероятный;
5. *impossible* – номумкин- невозможный;
6. *unlikely*- шубҳаовар-маловероятный;
7. *steep* – беандоза - чрезмерный;
8. *beyondbelief*– бениҳоят-невероятно;
9. *improbable* - боварнокарданӣ- невероятный;
10. *unbelievable* - фавкулодда- невероятный;
11. *unthinkable* - тасаввурнашаванда – невообразимый.

Понятие грамматической категории ирреальности предполагает систему форм, передающих не существующих, закрепленных за ними, обобщенное содержание грамматических значений. Сама по себе грамматическая категория неоднозначна. Есть категории, содержание которых основано на свойствах денотата того класса слов, грамматическую категорию которых они представляют. Соответственно, в некоторых категориях находят выражение отношения объективной действительности.

Категории ирреальности, сгруппировавшиеся в микрополе, имеют несколько значений: сомнения, уведомления, возможность, побуждения и т.д., которые отражают множественные модальные значения. Это говорит о

том, что категория ирреальности отражает действительность очень далекую от реальности.

Мы предлагаем в настоящей диссертационной работе свой скромный вклад в дальнейшую разработку способов выражения ирреальности в таджикском и английском языках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. В таджикском и английском языках семантическая модель – инвариант типовой ситуации ирреальности речевого сообщения имеет следующие вариативные способы реализации:

кто - то сообщает кому - то о чем - то или о ком- то;

кто - то сообщает кому – то что- то;

кто - то сообщает кому-то + придаточное предложение с использованием союзов: в английском языке “*if*”, “*as if*”, “*as thought*”; в таджикском языке: *гӯё, гӯё ки, гӯё ин ки, ба тарзе ки гӯё, ба тавре* и т. д;

кто – то извещает кого – то о чем – то;

кто – то сообщает кому-нибудь о чем-нибудь или наоборот.

2. Итак, ирреальность может выделяться в качестве сложного (глагольного) и составного (именного) сказуемого. Это говорит также о том, что семантический уровень членения предложения «приспосабливается» к потребностям выражения логической структуры мысли, передачи её нюансов.

3. Особое внимание в современной лингвистике уделяется описанию значения предложения. Пути подхода к анализу предложения в этом аспекте разнообразны, но определенная система понятий окончательно ещё не выработана и поэтому задача выявления и систематизации семантических типов предложений рассматривается как актуальная.

4. Вышеприведённое определение ирреальности даёт основание для понимания её как недействительности, которая во всех своих значениях или в части значения выражает грамматические и лексические специальные понятия. Наряду с формально-содержательными категориями выделяются собственно-формальные для данной части речи, характеризующиеся определёнными формальными показателями.

Неоднозначность грамматических категорий отражает тот факт, что не все они базируются на свойствах того класса слов (части речи), которые характеризуют функционирующие основные понятия.

5. Обзор фактического материала со всей отчетливостью доказывает насколько разнообразны модальные оттенки, выражаемые ирреальность в различных синтаксических условиях и в разных фразеологических сочетаниях: приказание, пожелание, предостережение, просьба, повеление, разрешение, мягкое или вежливое предложение, приступ к действию, решимость сделать что-либо, возможность, долженствование, необходимость, надобность, сожаление, допущение, предположение, желательность, сомнение, надежда, удивление, цель, вера, ожидание, описание, обещание, обязательство, намерение - вот далеко неполный перечень тех значений, которые может приобретать ирреальность в зависимости от контекста.

6. Семантика ирреальности, главным образом, выражается с помощью таких лексем, как: *фариишта* – *angel* – ангел, *мўъқиза* – *miracle* – чудо, *сеҳр* – *magic* – магия, *rhenomenon* – событие – воқеа, *wonder* – удивление – тааҷҷуб, *сиракӣ* – *rarity* – редкость, *дилрабоӣ* – *charms* – шарм, *тилисм* – чары – *miracle*, *фолбинӣ* – *divination* – гадание, *ҷодугарӣ* – *sorcery* – колдовство и других, которые составляют ирреальное поле.

7. Важным грамматическим признаком ирреальности является её несамостоятельность, отсутствие определенной синтаксической функции. Она не может выступать в качестве члена предложения, употребляться в речи вне связи с его частями. Её значение и оттенки выясняются только в контексте и при интонационном выражении мысли. Смысловые оттенки ирреальности в речи могут быть отнесены как к целому предложению, так и к отдельным его членам. Все исследователи, пользующиеся данными категориями, могут получить одинаковые результаты при изучении одних и тех же языковых единиц.

8. Определение предложения включает в качестве одной из важнейших характеристик выражение модальности, то есть выражение отношения, передаваемого предложением содержания к действительности. Для

выражения ирреальности в языке имеются различные средства: грамматические, лексические, интонационные.

9. Как мы отметили, категория ирреальности в английском и таджикском языках имеет разноуровневые средства выражения, т.е. маркеры ирреальности.

10. Ирреальность реализуется то на лексическом, то на грамматическом уровнях, по отношению к высказыванию, имеет специфические способы выражения и определяется различными грамматическими и синтаксическими значениями.

11. Иногда ирреальность называется «синтаксической категорией, выражающей соотношение между высказыванием и объективной недействительностью с точки зрения говорящего», однако при этом остается не ясным, в каких типах синтаксических структур находится языковое выражение данной категории, действительном или недействительном. Что именно выражает языковое средство - если действие, которое должно быть присуще глагольной категории (а не синтаксическим структурам) или типу лексического значения глагола, если же касается содержания мысли, то определение ее действительности или недействительности не является предметом грамматики.

12. В таджикском и английском языках значение ирреальности выражается следующими понятиями: невероятное, невыразимое, неопределенное, невольное, необъяснимое, необычайное, незапамятный, несусветный, непутевый, несмысленный, неподдельный, скрываемый, неприятное, невыгодное, неблагоприятное, нерадостное, небывалый, неисполнение, неопиcуемый, невообразимый, неистовый, нетерпеливый, неотразимая, неограниченная, непонятная, неумеренный, незабываемое, неожиданное, незабвенный, химерический, фантастический, неистощимый, непреклонный и т. д.

13. В данной диссертационной работе анализ показал, что модальные глаголы, сослагательное наклонение глаголов, предположительное

наклонение, модальные слова, типы условных предложений, неопределённые местоимения, наречия являются одним из важнейших способов выражения ирреальности.

14. Приведенные в нашем исследовании примеры, совместно с интонацией и другими языковыми средствами, не могут отразить всего того богатства и разнообразия смысловых, модальных и эмоциональных оттенков, выражаемых ирреальностью. В современном таджикском и английском языках ирреальность как по происхождению, так и по значению представляет весомый научный интерес.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арзуманов, С.Д. Нестеренко, С. Забони тоҷикӣ / С.Д. Арзуманов, С. Нестеренко. – Сталинабад: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1938. – 384 с.
2. Арзуманов, С.Д., Джалолов, О. Забони тоҷикӣ: Учебник таджикского языка для высших учебных заведений / С.Д. Арзуманов, О. Джалолов. - Душанбе: Ирфон, 1969. - 415 с.
3. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка: учебник / И.В. Арнольд. - М.: Высшая школа, 1986. - 295 с.
4. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. - М.: Наука, 1976. - 392 с.
5. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. - М.: Эдиториал УРСС, 2001. - 392 с.
6. Бархударов, Л.С. Грамматика английского языка / Л.С. Бархударов. - М.: Высшая школа, 1973. - 424 с.
7. Бархударов, Л.С. Структура простого предложения современного английского языка / Л.С. Бархударов. - М.: Высшая школа, 1966. – 176 с.
8. Блинова, С.И., Чарекова, Е.П. Практика английского языка. Сборник упражнений по грамматике / С.И. Блинова, Е. П. Чарекова. - СПб.: Союз, 1999. - 348 с.
9. Бондарко, А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. - М.: Прогресс, 2001. - 219 с.
10. Бондарко, А.В. Теория функциональной грамматики / А. В. Бондарко. - М.: Прогресс, 1987. - С. 52 - 61.
11. Бондарко, А.В. Временные категории (на материале русского языка) // Категоризация мира: пространство и время / А.В. Бондарко. – М: П., 1997. - С. 31-34.
12. Будагов, Р.А. Язык реальность-язык / Р.А. Будагов. - М.: Наука, 1983. - 226 с.

13. Бузургзода, Л., Ниёзмухаммадов, Б. Грамматикаи забони тоҷикӣ. қ. 1. / Л. Бузургзода, Б. Ниёзмухаммадов. - Сталинобод: Наш. дав. тоҷ. шӯъбаи таъл. пед., 1947.- 108 с.
14. Булыгина, Т.В. Проблемы теории морфологических моделей / Т. В. Булыгина. - М.: Наука, 1977. - 287 с.
15. Бурханов, Г.С. Соответствие английских и таджикских составных предлогов с временным значением / Г.С. Бурханов // Вестник национального университета. Выпуск 2. – Душанбе: Деваштич, 2004. - С. 149.- 154.
16. Вербa, Л.Г., Вербa, Г.Л. Грамматика современного английского языка / Л.Г. Вербa, Г.Л. Вербa. – Киев: ООО ИП Логос, 2007. - 336 с.
17. Виноградов, В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. Избранные труды. Исследования по русской грамматике / В.В. Виноградов. - М.: Наука, 1975. - 975 с.
18. Виноградов, В.В. Исследование в русском языке / В.В. Виноградов.- М.: Избранные труды, 1975. –784 с.
19. Виноградов, В.В. Русский язык / В.В. Виноградов. – М.: Учпедгиз, 1947.- С. 580-581.
20. Виноградов, В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. - М.: Рус. яз., 1972. – 917 с.
21. Гак, В.Г. О контрастивной лингвистике / В.Г. Гак // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1989. - Вып. 25. - С. 5 - 17.
22. Гак, В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков / В.Г. Гак. - М.: Просвещение, 1989. – 288 с.
23. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин И.Р. - М.: Наука, 1981. – 138 с.
24. Гивон, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гивон. - М: Прогресс, 1994.- С. 145 - 146.
25. Городецкий, Б.Ю. К проблеме семантической типологии / Б.Ю. Городецкий. - М.: Изд-во МГУ, 1969. – С. 74-86.

26. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик, қ. I. Фонетика ва морфология. - Душанбе: Дониш, 1985.- 355 с.
27. Грамматикаи забони тоҷикӣ. – Сталинобод: Ирфон, 1973. – С. 279 – 282.
28. Добронеецкая, Э.Г. Грамматические трудности английского языка / Э.Г. Добронеецкая. - К.: Издательство Казанского университета, 1986. -117 с.
29. Дрожащих, А.В. О некоторых способах передачи значения пассивности в английском научном тексте / А.В. Дрожащих // ред. кол.журн.: Вестник ЛГУ. Сер.: История, яз., лит. - Л., - 1990. - С. 8-12.
30. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М.: Изд-во иностр. лит., 1958. - 404 с.
31. Забони адабии ҳозираи тоҷик, қ. I. - Душанбе: Ирфон, 1973. - 452 с.
32. Забони адабии ҳозираи тоҷик. Синтаксис. / Дар зери таҳрири проф. Б. Ниёзмӯҳаммадов. - Душанбе: Ирфон, 1970. - 318 с.
33. Зайнуллин, М.В. Модальность как функционально-семантическая категория / М.В. Зайнуллин. - Саратов: Изд-во Саратовск. Ун-та, 1986. - 124 с.
34. Зикрияев, Ф.К., Зоҳидов, А. Таджикский язык / Ф.К. Зикрияев, А. Зоҳидов. – Душанбе: Маориф, 2008. - 144 с.
35. Золотова, Г.А. О принципах построения словаря сочетаемости // Второй международный конгресс преподавателей русского языка и литературы // «Теория и практика создания учебников и учебных пособий по русскому языку как иностранному». Тезисы докладов и выступлений. Варна, 3 - 8 сентября 1973 г.- София, 1973.- С. 35 - 39.
36. Ибрагимова, М.С. Сложноподчиненные предложения с придаточным ирреального условия в русском и таджикском языках / М.С. Ибрагимова. – В кн.: современный русский язык и методика его преподавания.- Душанбе, 1971. - С. 183 - 199.

37. Качалова, К.Н. Израилевич, Е.Е.. Практическая грамматика английского языка: учебник / К.Н. Качалова, Е.Е. Израилевич. – Бишкек: Издательство Туркестан, КФМЦ ТКИСО, 2000. - 672 с.
38. Коко, Н.А. К вопросу о конструкции именного сказуемого в современном русском языке / Н.А. Коко // Известия Академии наук Каз. ССР. Серия филологии и искусствоведения, вып. I - 2, / Н.А. Коко. - 1958. - С. 112-117.
39. Қосимова, М.Н. Таърихи забони тоҷикӣ / М.Н. Қосимова. – Душанбе: Маориф, 2003. - 490 с.
40. Ландер, Ю.А., Плунгян, В. А. Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность / Ю.А. Ландер, В.А. Плунгян. - М.: Гнозис, 2004. - 475 с.
41. Лившиц, В.А. О внутренних законах развития таджикского языка / В. А. Лившиц. - С.: Известия отделения общественных наук, 1956.- С. 88 - 92.
42. Малыхина, Л.Ш. К вопросу о способах выражения однозначности и многозначности английского существительного / Л.Ш. Малыхина // Вестник университета, РТСУ. – Душанбе: РТСУ, 2009. № 1 (23). – С. 117-119.
43. Мамадназаров, А. Определённая форма сослагательного наклонения таджикского языка и его английские соответствия / А. Мамадназаров // Материалы республиканской научно-теоретической конференции молодых ученых и специалистов. - Душанбе, 1985. - С. 212 - 213.
44. Мамадназаров, А. Особенности форм сослагательного наклонения в целевых придаточных предложениях в английском и таджикском языках / А. Мамадназаров // Республиканский научно-методический семинар - совещание «Интенсификация обучения иностранному языку». - Душанбе, 1984. - С. 53 - 55.
45. Мамадназаров, А. Сложноподчинённые предложения с придаточными ирреальными условиями в английском и таджикском

- языках / А. Мамадназаров // Лингвометодические вопросы преподавания иностранных языков. - Душанбе, 1982. - С. 41- 42.
46. Мамадназаров, А. Таджикский конъюнктив в сопоставительно-типологическом освещении: Монография / А. Мамадназаров. – Душанбе: Эр-граф, 2015. - 184 с.
 47. Наталья, А.Б. Учебник английского языка / А.Б. Наталья. Часть 1. - Бишкек: Издательство Туркестан, 2007.- 608 с.
 48. Наталья, А.Б. Учебник английского языка / А.Б. Наталья. Часть 2. - Бишкек: Издательство Туркестан.- 2001.- 510 с.
 49. Норматов, М. Муқаддимаи забоншиносӣ / М. Норматов. - Душанбе: Матбуот, 2007. - 239 с.
 50. Плотникова, В.А. Категория наклонения / В.А. Плотникова, Н.Ю. Шведова (ред.). Русская грамматика. Том 1, М.: Наука, 1980. - С. 618 - 626.
 51. Пулатова, Н.Ю. Новые значения субстантивных словосочетаний / Н. Ю. Пулатова // Эҳёи ачам, № 4 (8).- Худжанд, 2000. - С. 21-24
 52. Расторгуева, В.С. Краткий очерк грамматики таджикского языка (Приложение к таджикско-русскому словарю) / В.С. Расторгуева. - М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1954. - С. 529 - 570.
 53. Расторгуева, В.С. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки / В.С. Расторгуева. - М.: Наука, 1982. - 570 с.
 54. Расторгуева, В.С. Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки / В.С. Расторгуева. - М.: Наука, 1981. - 544 с.
 55. Расторгуева, В.С. Очерки по грамматике таджикского языка / В. С. Расторгуева. - Сталинабад: Академии наук Таджикистан, 1953. - 40 с.
 56. Расторгуева, В.С., Керимова, А.А. Система таджикского глагола / В. С. Расторгуева, А.А. Керимова. - М.: Наука, 1964. - 291 с.

57. Розенфельд, А.З. Модальные значения некоторых форм глаголов будан и шудан в таджикском языке / А.З. Розенфельд. Краткое сообщ. ин-та народов Азии. т. 63, 1963.- С. 73-75.
58. Розенфельд, А.З. Очерки по грамматике современного таджикского языка, вып. 4. Глагол / А.З. Розенфельд. – Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, 1954. - 80 с.
59. Рыбакова, С.И. Сослагательное наклонение в современном английском языке / С.И. Рыбакова. - Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1984. - 156 с.
60. Самоделова, Е.В. Английский язык. Большой справочник по глаголам / Е.В. Самоделова. - М.: Живой язык, 2009. - 416 с.
61. Сиёев, Б. Очеркҳо доир ба таърихи феъли забони адабии тоҷик / Б. Сиёев. - Душанбе: Дониш, 1968. -164 с.
62. Смирницкий, А.И. Морфология английского языка / А.И. Смирницкий. - М.: Наука, 1959. – С. 327 - 336.
63. Усмонов, К. Грамматикаи назариявии забони англисӣ. - Худжанд: Нури маърифат, 2010. - 236 с.
64. Усмонов, К. Морфологияи муқоисавии забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ / К. Усмонов. - Худжанд: Нури маърифат, 2015. - 230 с.
65. Усмонов, К., Ибрагимова, Р.А. Генезис причастий в таджикском и английском языках / К. Усмонов, Р.А. Ибрагимова // Вестник Таджикского национального университета. - Душанбе: Сино, 7 (63), - 2010. – С. 82 - 85.
66. Усмонов, К.К вопросу о грамматическом значении категории залога // Совершенствование обучения языкам в условиях перестройки высшей школы / К. Усмонов. - Душанбе: Дониш, 1990. – С. 47 - 52.
67. Халилов, А. Способы выражения субъектной модальности в современном таджикском литературном языке / А. Халилов. - Душанбе: Дониш, 1985. - 92 с.

68. Хамроалиев, Н. Глагольный вид в современном английском и таджикском языках / Н. Хамроалиев. - Душанбе: Дониш, 1979. - 160 с.
69. Хлебникова, И.Б. Сослагательное наклонение в английском языке / И.Б. Хлебникова. - М.: Калинин, 1971.- С. 55 - 56.
70. Черенкова, Н.И. Самоучитель грамматики английского языка Прагматическая грамматика. Pragmatic English Grammar: Учебное пособие / Н.И. Черенкова. - СПб.: Питер, 2005. - 448 с.
71. Шапиров, А.Б. Модальность и предикативность как признак и предположение в современном русском языке / А.Б. Шапиров. - Научные доклады высшей школы (серия филологические науки), 1958, № 4.- С. 25-26.

Использованные авторефераты и диссертации:

72. Агеева, Э.Д. Развитие форм настоящего времени сослагательного наклонения в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Э.Д. Агеева. – М., 1955. – 15 с.
73. Алиева, Э.Н. Функционально-семантическая категория модальности и ее реализация в разноструктурных языках: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.02.,10.02.20 / Э.Н. Алиева. – М., 2010. – 63 с.
74. Воронцова, Г. Н. Значение перфекта (Perfect Present) в современном английском языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04 / Г.Н. Воронцова. - М., 1953. - 32 с.
75. Вострикова, Л.И. Структура группы связочного глагола в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л.И. Вострикова. - Л., 1970. - 231 с.
76. Галинская, М.М. Глаголы, исполняющие функции связки в современном английском языке: автореф, дис. ... канд. филол, наук: 10.02.04 / М.М. Галинская. - М., 1944. – 20 с.

77. Дуброва, А.С. Система средств выражения нереальности в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А.С. Дуброва. – М., 1978. – 24 с.
78. Ибрагимова, М. Модальные слова и модальные частицы в таджикском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / М. Ибрагимова. - Душанбе, 1971. -167 с.
79. Исмоилзода, Э.С. Грамматические особенности конструкций с модальными глаголами в таджикском и английском языках: дис... канд. филол. наук: 10.02.20 / Э.С. Исмоилзода. Душанбе, -2011.-171 с.
80. Касимова, М.Н. Условные придаточные предложения в таджикском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.02 / М.Н. Касимова. - Душанбе, 1961.- С. 5 - 10.
81. Клепикова, Т.А. Функционально - семантический потенциал и лингвистический статус модально-связочных глаголов современного английского языка: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.04 / Т. А. Клепикова. - Санкт-Петербург, 1998. - 24 с.
82. Кофф, М. Система наклонения в современном английском языке / М. Кофф: автореф. дис... канд. филол. наук / М. Кофф. - М., 1954. - 16 с.
83. Лейкина, В.М. Глаголы становления и начинательности в современном английском языке: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.04 / В.М. Лейкина. - М., 1952. – С. 5-10.
84. Мамадназаров, А. Таджикский конъюнктив в сопоставительно-типологическом освещении: дисс. ... канд. фил...наук: 10.02.20 / А. Мамадназаров. - Тбилиси, 1986. - 186 с.
85. Мамадназаров, А. Таджикский конъюнктив в сопоставительно-типологическом освещении: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.20 / А. Мамадназаров. - Тбилиси, 1986. - 24 с.

86. Маркина, Т.М. Система глагольных форм в народном достане XV- XVI вв. “Дарбанеме” М. Бигами: автореф. дис. ... канд. филол. наук: / Т.М. Маркина. - М., 1974. – 27 с.
87. Минина, Н.М. Лексико-семантическая глагольная система современного немецкого языка: дис... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н.М. Минина. - М., 1975. - 426 с.
88. Названова, И.А. Концепт "ирреальность" в семантическом пространстве русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И.А. Названова. –Т., 2006. – 24 с.
89. Носирова, Ф.Х. Компоненты функционально-семантического поля модальности в таджикском и английском языках: дис. ... канд. фил... наук: 10.02.20 / Ф.Х. Носирова. - Душанбе, 2002. - 162 с.
90. Розенфельд, А.З. Система глагола в юго-восточных говорах таджикского языка: автореф. дис. ... докт. филол., наук: 10.02.20 / А. З. Розенфельд. - Л., 1966. - 32 с.
91. Рушева, Т.К. Условное наклонение в английском языке: – автореф. дис. ... канд. филол. наук: / Т.К. Рушева. – М., 1955. – 16 с.
92. Саидов, Ю. Личные формы глагола, выражающие нереальность в современном узбекском и английском языках: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / Ю. Саидов. – Т., 1971. - 26 с.
93. Салимов, Р.Д. Структура и семантика в односоставных предложениях в русском и таджикском языках: дис... канд. филол. наук: 10.02.20 / Р. Д. Салимов. – Душанбе, 2010. - 399 с.
94. Смирнова, Л.П. Язык “Та’рихи систан”: автореф. дис. ...канд. фило. наук: / Л.П. Смирнова – Л., 1965. – 35 с.
95. Солихов, Ф.Ш. Функционально-семантическое поле модальности предположения и способы его выражения в разносистемных языках (на материале английского, русского и таджикского языков): дисс... канд. фил.. наук: 10.02.20 / Ф.Ш. Солихов.- Душанбе, 2015.-197 с.

96. Тимофеева, А.М. Сопоставительное исследование лингвоцветовых картин мира (на материале идиолектов Н. Заболоцкого и Р. Фроста): дис. ... докт. филол. наук: 10.02.20 / А.М.Тимофеева. – Тюмень, 2003. - 244 с.
97. Толибова, Г.Дж. Способы передачи немецких модальных глаголов на таджикский язык: дисс... канд. фил.. наук: 10.02.20 / Г.Дж. Толибова. - Душанбе, 2015. - 164 с.
98. Халемский, И.З. Категория наклонения как морфологическое средство выражения модальности в современном английском языке: автореф. канд. фил.. наук: 10.02.04 / И.З. Халемский. – Л., 1965. -23 с.
99. Шарипов, К.К. Структурные и функционально-семантические особенности мифологической лексики в языках различных систем: автореф. канд. фил.. наук: 10.02.20 / К.К. Шарипов. Д., 2006. - 24 с.
100. Яхяева, Х.Ю. Опыт сопоставительного изучения имен прилагательных в английском и таджикском языках: дис... канд. филол. наук: 10.02.20 / Х.Ю. Яхяева. – Душанбе, 1973. - 180 с.

Иностранная литература:

101. Bybee, J. 'Irrealis' as a Grammatical Category // Symposiumon Irrealis. Anthropological Linguistics / J. Bybee. 1998.-Vol. 40 № 2. - P. 257-271.
102. Bybee, J., 1994. The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World / J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. - Chicago: University of Chicago Press. Haspelmath M. 1992. - P. 123.
103. Curme, G.O. A Grammar of the English Language / G.O. Curme. – N. Y.: Boston, 1935. – 318 p.
104. Elliott, J.R. Realis and irrealis: Forms and concepts of the grammaticalisation of reality // Linguistic Typology / J.R. Elliott. 2000. № 4.- P. 55- 90.
105. Foley, W.A. Functional Syntax and Universal Grammar / W.A. Foley, Valin V., D.Jr. R. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1984.- P. 213-215.
106. Givón, T. Irrealis and the subjunctive / T. Givón. // Studies in Language 18, 1994. - P. 265 - 337.

107. Givón, T. Syntax: a Functional-Typological Introduction / T. Givón. Vol. I. Amsterdam, 1984. - P. 80.
108. Hakutani, Yoshinobu. English modal auxiliaries / Y. Hakutani. – Linguistics, N 90, 1972. – P.123.–127.
109. Ilyish, B.A. The Structure of Modern English / B.A. Ilyish. - L.: Prosvesheniye, 1971. – 366 p.
110. Jespersen, O.A Modern English Grammar on Historical Principles / O.A. Jespersen. Part IV. Lnd., 1949. - 418 p.
111. Joos, M. The English Verb: Form and Meanings / M. Joos. - The University of Wisconsin Press, Madison and Milwaukee, 1964. - 251 p.
112. Leech, G.N. Meaning and the English verb / G.N. Leech. - London: Oxford University Press, 1987. - 139 p.
113. Lonida A. Morphology / A. Lonida. – L.: A., 1965. -386 p.
114. Marchand, H. The Categories and Types of Present / H. Marchand. - Day English word-Formation. Wiesladen, 1960.- P. 274.
115. Palmer, F.R. Mood and Modality/ F.R. Palmer. Cambridge: Cambridge University Press. 2001. - P. 109.
116. Phillot, D.C. Higher Persian Grammar / D.C. Phillot. Calcutta, 1919. – P. 545.
117. Platts, J.T., Ranking G.S. Grammar of the Persian Language / J.T. Platts, G.S. Ranking. - Oxford, 1911. – P. 288.
118. Plungian, V.A. The place of evidentiality within the universal grammatical space / V.A. Plungian // Journal of Pragmatics, 33 (3), 2001. – P. 349-357.
119. Valesio, A. On reality and unreality of language / A. Valesio. // Semiotica.The Hague. - № 1. – P. 75-91.

Художественная литература:

120. Айни, Садриддин. Смерть ростовщика / С. Айни. - Душанбе: Адиб, 2009. - 224 с.

121. Айнӣ, С. Таърихи инқилоби Бухоро / С. Айнӣ. - Душанбе: Адиб, 1987. – 240 с.
122. Айнӣ, Садриддин. Ахмади Девбанд / С. Айнӣ. Ҷ. 2. С. Айнӣ. - Душанбе: Ирфон, 1978.- С. 95-396
123. Айнӣ, Садриддин. Ёддоштҳо. Қисмҳои якум ва дуюм / С. Айнӣ. – Душанбе: Адиб, 1990. - 352 с.
124. Айнӣ, Садриддин. Мактаби кӯҳна. Повест / С. Айнӣ. - Душанбе: Ирфон, 1978. – С. 109-114.
125. Айнӣ, Садриддин. Марги судхӯр / С. Айнӣ. - Душанбе: Ирфон, 1986. -160 с.
126. Айнӣ, Садриддин. Мухтасари тарҷумаи ҳоли худам / С. Айнӣ. – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1958.- С. 7 – 96.
127. Войнич, Э.Л. Ғурмағас / Э.Л. Войнич.- Душанбе: Маориф, 1982. - 316 с.
128. Икрами, Джалол. Дочъ оғня / Джалол И. – М.: Известия, 1965. - 455 с.
129. Икромӣ, Ҷалол. Дувоздаҳ дарвозаи Бухоро / Ҷалол И. – Душанбе: Ирфон, 1984. – 432 с.
130. Икромӣ, Ҷалол. Духтари оташ / Ҷалол И.- Душанбе: Адиб, 2009. - 558 с.
131. Л., Н. Толстой. Ҷанг ва сулҳ. Асарҳои мунтахаб / Толстой Л.Н. Ҷ. 1. –Душанбе: Ирфон, 1978. -439 с.
132. Ҷек, Лондон. Мартин Иден / Лондон Ҷ. –Душанбе: Ирфон, 1981. – 408 с.
133. П., Абрахамс. Аз таърихи раҳи гуррон / Абрахамс П. – Душанбе: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1962. – 410 с.
134. П., Лукницкий. Нисо / Лукницкий П. - Душанбе: Ирфон, 1975.- 500 с.
135. Рачаб, Теша. Киштии умед / Теша Р. – Тошкент: Фан, 1996. - 326 с.
136. Собирҷон, Ш. Вакте ки мурдаҳо намехобанд / Ш. Собирҷон. - Душанбе: Маориф, 1992.- 54 с.

137. Стивенсон, Р. Чазираи ҷавоҳирот / Р. Стивенсон. - Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1952. - 258 с.
138. Твен, Марк. Саргузашти Том Сойер / Марк Т. - Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1951. - 303 с.
139. Фазлиддин, М. Одамони кӯҳна. Асарҳои мунтахаб /Муҳаммадиев Ф. Ҷ. 1. –Душанбе: Ирфон, 1978. – С. 410 – 476.
140. Фирдоуси, Абдулкосим. Шахнаме / Абдулкосим Ф. – М.: Наука, 1991.- 400 с.
141. Чингиз, Айтматов. Ҷамила / Айтматов Ч. – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1961. – 70 с.
142. Aini, Sadriddin. Ahmadi Devband / Sadriddin A. Translated by John Perri. – М.: Manuscript, 1986 - 30 p.
143. Aini, Sadriddin. Bukhara / Sadriddin A. Translated by Holly Smith. - М.: Raduga Publishers, 1986. - 378 p.
144. Aini, Sadriddin. Page from my own story / Sadriddin A. - М.: Foreign languages Publishing House, 1958.-126 p.
145. G., Aitmatov. Jamila / Aitmatov G. – М.: 1961- 87 p.
146. J., London. Martin Eden / London J. – М.: Foreign Languages Publishing House, 1960. – 441 p.
147. L., N. Tolstoy. War and Peace / Tolstoy L.N. V. 1. – London, Penguin Books 1973 – 712 p.
148. R., Stevenson. Treasure Island / Stevenson R. - М: Foreign Languages Publishing House, 1963. - 278 p.
149. Robin Hood. Level 2. - China: SWTC, 2000. - 43 p.
150. Soviet Literature. – М.: 1967, № 9. – 192 p.
151. Twain, Mark. The Adventure of T. Sawyer / Mark T. The Adventure of Huckleberry Finn-m.: Foreign Languages Publishing House, 1948. - 492 p.
152. P., Abrahams. The Path of Thunder / Abrahams P. – М.: Higher School Publishing House, 1971. -336 p.

153. P., Luknitsky. Nisso / Luknitsky P. – M.: Foreign Languages Publishing House, 1963. – 654 p.

Использованные словари:

154. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. - М.: Советская энциклопедия, 1969. – 606 с.
155. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. - 571 с.
156. Калантаров, Я.И. Краткий таджикско-русский словарь. Приложение Р. Л. Неменова. Краткий очерк грамматики таджикского языка / Я.И. Калантаров. - М.: Л., 1955. – 544 с.
157. Мамадназаров, А. Англо-таджикский словарь / А. Мамадназаров. – Душанбе: Сахбо, 2007.-1080 с.
158. Мамадназаров, А. Фарҳанги англисӣ-тоҷикӣ / А. Мамадназаров – Душанбе: Эр-граф, 2011. - 1015 с.
159. Оксфордский толковый словарь английского языка. - М.: Наук, 2004.- С. 601 - 603.
160. Русско-таджикский словарь. Под ред. М.С. Асимова. - М.: Наук, 1985.- С. 102 - 113.
161. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. - Душанбе: Ирфон, 2008. Ҷ 1. - 949 с.; Ҷ. 2. - Душанбе: Ирфон, 2010. - 1095 с.
162. Электронный словарь ABVYY Lingvo x5
163. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. - М.: Наук, 1998. - С. 303-309.
164. Ярцева, В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н. Ярцева // Советская Энциклопедия. – М.: 1990. – 685 с.
165. Dictionnaire de linguistique / Par J. Dubois, M. Giacomo, L. Guespin, Ch. Marcellesi, J. Marcellesi, J. Mével. – P.: Librairie Larousse, 2002. – 516 p.
166. Hoad, T.F. Concise Dictionary of English Etymology / T.F. Hoad. – Oxford/NY: Oxford University Press, 2003. – 552 p.

167. Hornby, A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary / A.S. Hornby. Oxford University Press, 2010. – 1796 p.
168. Hornby, A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary / A.S. Hornby. – 5th edition. Oxford University Press, 2005. – 1428 p.
169. Hornby, A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A.S. Hornby. - Oxford University Press, 1982. – 1037 p.
170. The Oxford Russian Dictionary. English / Russian ed. by Paul Falla. Russian - English ed. by Marcus Wheeler and Boris Unbegaun. Oxford University Press, 1984. – 1037 p.

Использованные интернет - сайты:

171. Азаров А.А. Большой англо-русский словарь религиозной лексики. Comprehensive English-Russian Dictionary of Religious Terminology. [Электронный ресурс] / А.А. Азаров. – 2 – е изд., стер. - 2014. – 808 с. Режим доступа: <http://dlib.rsl.ru>
172. Большая Советская Энциклопедия (АХ) <http://lib.rus.ec>
173. Мальчевская, Т.Н. Сборник упражнений по переводу гуманитарных текстов с английского на русский / Т.Н. Мальчевская. Практическое пособие. - Ленинград: Наука, 1970. – 214 с. Режим доступа: twirpx.com/file/9610
174. Плунгян, В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира / В.А. Плунгян. - М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. – 672 с. Режим доступа: <http://ansya.ru>
175. Реферат - Языковые средства выражения значений ирреальности. Режим доступа: <http://ronl.ru>
176. Ethel Voynich. The Gadfly. <https://www.globalgreybooks.com/content/books/ebooks/gadfly.pdf>
177. Grimm, J., Wilhelm, J. Contes merveilleux. T.I / J. Grimm, J. Wilhelm. – <http://www.ebooksgratuits.com>
178. <http://am-en.ru/verb/mood/the-suppositional-mood.html>

179. <https://esu.citis.ru/dissertation/3DTB4ZWFWAZJROIFDXRCOB>
180. Irrealis and Irreality. – PDF. <http://docplayer.ru>
181. Longman Dictionary of Language teaching and Applied Linguistics Text. / J.C. Pilchards John Piatt- Heidi Piatti – Longman, 1992. – P. 432. Режим доступа: www.krugosvet.ru.